

ОЧЕРКЪ
АНГЛІЙСКАГО СУДОУСТРОЙСТВА

ВЪ СВЯЗИ
СЪ СУДОМЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

Сочиненіе

Рудольфа Гейнце,

профессора Лейпцигскаго университета.

Съ приложеніемъ статьи

О РАЗЛИЧІИ МЕЖДУ ФУНКЦІЯМИ СУДЕЙ И ПРИСЯЖНЫХЪ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 1866.

ТИПОГРАФІЯ КУКОЛЬ-ЯСНОПОЛЬСКАГО.

Малая Мѣщанская и Столярный пер. д. № 6 и 14.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ. 16 іюля 1866 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- I. Англосаксонское судоустройство.
- II. Норманское судоустройство.
- III. Высшіе суды общаго права страны.
- IV. Судебныя комисіи.
- V. Мировые судьи.
- VI. Коронеры.
- VII. Судьба древнихъ народныхъ судовъ.
- VIII. Привилегированные судебные округа. Городскіе суды.
- IX. Суды справедливости.
- X. Подсудность верхняго парламента.
- XI. Суды такъ-называемаго «гражданскаго права».
- XII. Рыцарскій судъ. Военные суды.
- XIII. Суды документальныя и недокumentальныя.
- XIV. Судебныя преобразованія новѣйшаго времени.
- XV. Очеркъ теоріи судебныхъ доказательствъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Различіе между функціями судей и присяжныхъ.

I.

Англосаксонское судоустройство.

Въ англосаксонскомъ періодѣ обыкновеннымъ судомъ было народное собраніе графства — shire-gemote, folk-gemote, — происходившее подѣ председательствомъ эльдормена (старшины), или, чаще, подѣ председательствомъ шайргерефа (шерифа) и епископа или его викарія. Осѣдлые жители графства, во всей своей совокупности, исполняли полную обязанность судьи, не произнося при этомъ никакой присяги; значительные землевладѣльцы — тэги, таны — пользовались привилегированнымъ участіемъ въ судѣ; председателю принадлежало только формальное управленіе собраніемъ и исполненіе его приговоровъ. Такія собранія бывали дважды въ годъ, и служили въ тоже время для обсужденія всѣхъ другихъ дѣлъ, касавшихся общины графства.

Для цѣлей всей вообще администраціи и отправленія правосудія графство дѣлилось на сотни (hundred, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называвшіяся также ward, wapentake, въ Уэльсѣ — commotum); сотня, въ свою очередь, распадалась на десятки — tything, decennary, tithing — мѣстные подраздѣленія, первое начало которыхъ коренится, безъ сомнѣнія, въ учрежденіяхъ войска. Собранія сотни происходили ежемѣсячно; на нихъ разбирались судебныя и другія общественныя дѣла, подобнымъ же порядкомъ какъ и въ shiregemote'ѣ, только при болѣе правильномъ участіи мелкихъ землевладѣльцевъ. Судъ сотни рѣшалъ обыкновенныя гражданскія дѣла и менѣе важныя изъ уголовныхъ; кромѣ того, онъ торжественно утверждалъ юридическія сдѣлки — договоры и завѣщанія. Судъ графства отправлялъ собственно уголовную юстицію, разрѣшалъ споры между членами различныхъ сотенъ и такія тяжбы, которыя имѣли особенное значеніе по роду и цѣнности предмета или по личному положенію тяжущихся. На ряду съ судебными сеймами сотенъ встрѣчаются уже и патримоніальные суды бароновъ.

Высшую инстанцію въ свѣтскихъ и духовныхъ дѣлахъ, вообще судъ для тѣхъ, кто не могъ найти правды въ графствѣ, представлялъ государственный сеймъ — *witenagemote* — созывавшійся разъ въ годъ или чаще, именно къ большимъ праздникамъ. Этотъ сеймъ былъ въ тоже время верховнымъ совѣтомъ короля и состоялъ главнымъ образомъ изъ эльдорменовъ, шайргерефовъ, епископовъ, аббаговъ и другихъ знатныхъ тановъ.

Для полнаго характера джюри судьямъ англосаксонскихъ народныхъ судовъ недоставало слѣдующихъ качествъ: опредѣленнаго числа судей, особеннаго каждый разъ призыва и привода къ присягѣ, ограниченія круга дѣйствія однимъ отдѣльнымъ случаемъ и, наконецъ, раздѣленія судейскихъ функцій между судьей и присяжными. Напротивъ, въ этихъ судахъ ясно замѣтны элементы германскихъ судовъ шёффеновъ (*Schoeffengerichte*). Главная задача суда состояла въ разрѣшеніи юридической стороны дѣла; относительно же спорныхъ фактовъ удостовѣрялись обыкновенно посредствомъ эйдесгельферовъ (пособниковъ при очистительной присягѣ) или посредствомъ суда божія.

II.

Норманское оудоустройство.

Вильгельмъ-Завоеватель отдѣлилъ духовную юрисдикцію, учредилъ придворный судъ, составленный отчасти изъ постоянныхъ судей, юстиціаріевъ, — и ввелъ судебный поединокъ — форму процесса, противную духу англосаксонскаго суда. Преемники его начали скоро посылать отдѣльныхъ юстиціаріевъ на нѣкоторое время въ графства съ порученіемъ совершать тамъ правосудіе отъ имени придворнаго суда. Во всемъ остальномъ оудоустройство норманскаго періода тѣсно примыкаетъ къ англосаксонскимъ основнымъ формамъ и судебнымъ округамъ.

Шайргерефы съ этихъ поръ носятъ титулъ *viccomes*, и со временъ *Magna Charta* ежемѣсячно разбираютъ *placita comitatus* (судебныя дѣла графства) при содѣйствіи *sectatores* — *suiteurs*, т. е. крупныхъ, — а въ случаѣ надобности и мелкихъ — свободныхъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ сопровождать судъ; разбирательство производилось по прежнему порядку, только судебныя пошлины значительно увеличились. Начинающійся упадокъ судовъ сотенъ находится, во многихъ отношеніяхъ, въ связи съ расширеніемъ патримоніальной юрисдикціи — *saca et soca* — и съ полугодными объѣздами — *turnus* — шерифа по сотнямъ графства, объѣздами, во время которыхъ старшины сотенъ — *ballivi* — помогали шерифу или даже заступали его мѣсто. Въ городахъ и укрѣ-

пленныхъ мѣстечкахъ, въ свѣтскихъ и духовныхъ бароніяхъ юрисдикція суда графства ограничивалась мѣстными судами нисшей степени—*curiae burgorum, baronum, dominorum vel eorum qui loco dominorum habentur*. Объемъ юрисдикціи, предоставлявшійся этимъ мѣстнымъ судамъ, опредѣлялся обыкновенно особенными жалованными грамотами (*chartae libertatum*), между которыми первое мѣсто занимаетъ льготная грамота, данная Лондону въ 1154 году. Вообще мѣстнымъ судамъ были подсудны гражданскіе процессы — *petitorium* и *possessorium* — о землѣ, принадлежавшей къ изъятой территоріи, и иски между сторонами, находившимися подъ вѣдомствомъ упомянутыхъ мѣстныхъ властей. Но дѣло — *petitorium o liberum tenementum* (свободной поземельной собственности) получало ходъ не иначе, какъ по особому разрѣшенію канцлера, *breve de recto*, — формальность, вытекавшая изъ того обстоятельства, что король считался источникомъ всякаго правосудія и верховнымъ владѣльцемъ всей поземельной собственности. Въ уголовныхъ дѣлахъ юрисдикція патримоніальныхъ и мѣстныхъ судовъ простиралась на нѣкоторые менѣе тяжкіе проступки: *melletae, verbera, plagae, transgressiones* и обыкновенно также — подъ именемъ судовъ *Infangentheft* и *Ufangentheft* — на нѣкоторые виды воровства. Гражданскій судъ сотни, производившійся старшиною, по предѣламъ своего вѣдомства, соотвѣтствовалъ *curiae libertatum*.

Судъ графства пользовался юрисдикціей, во-первыхъ восполнявшей кругъ дѣйствія названныхъ мѣстныхъ судовъ. Въ этотъ судъ могли быть вносимы изъ патримоніальныхъ округовъ дѣла о менѣе тяжкихъ проступкахъ, споры о пограничныхъ владѣніяхъ, далѣе, процессы объ имѣніяхъ, принадлежавшихъ къ различнымъ бароніямъ, или бывшихъ спорными между вассалами различныхъ бароновъ, также и другія спорныя дѣла или по недостатку подлежащаго суда—*curia* — долженствовавшего имѣть въ своемъ составѣ по меньшей мѣрѣ двухъ *sectatores*, или по особенной просьбѣ одной изъ сторонъ. Кромѣ того, суду графства подлежали споры о землѣ, находившейся въ предѣлахъ округа, а также разбирательство — въ болѣе широкомъ размѣрѣ — уголовныхъ случаевъ, происходившихъ въ графствѣ. Изъ числа этихъ случаевъ во времена Гланвиллы (*Glanvilla, Tractatus de legibus et consuetudinis Angliae*), т. е. около 1180 г., исключались въ особенности слѣдующіе: измѣна, убійство, поджогъ, грабежъ, похищеніе, подлогъ. Отдѣльные города уже въ самое раннее время пользовались такими привилегіями, что составляли сами по себѣ особое графство — *counties corporate*.

Обѣздъ шерифа (*turnus vicescomitis*) по сотнямъ имѣлъ цѣлью прежде всего отобраніе присяги на вѣрноподданство отъ каждаго жителя мужескаго пола, имѣвшаго болѣе двѣнадцати лѣтъ отъ роду, и вообще наблюденіе за исполненіемъ такъ-называемой свободной мировой поруки — *visus franci plegii*. Затѣмъ шерифъ требовалъ суда по всѣмъ еще нена-

казаннымъ преступленіямъ и полицейскимъ проступкамъ, причемъ за послѣдніе немедленно налагалось взысканіе, и разрѣшалъ другія общественныя дѣла округа. Вслѣдствіе этого къ шерифу должны были являться, — за исключеніемъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ и лицъ духовнаго званія, — всѣ жители мужескаго пола, имѣвшіе болѣе двѣнадцати и менѣе шестидесяти лѣтъ отъ роду. Въ объѣздѣ шерифа, по всей вѣроятности, уже ранѣе 1176 г. принимало участіе слѣдственное джюри, обладавшее всѣми атрибутами настоящаго присяжнаго суда.

Кромѣ того, по образцу *turnus vicescomitis*, въ сотняхъ и бароніяхъ *ballivus* или *senescalus* производилъ судъ однажды въ годъ.

Во всѣхъ этихъ судебныхъ учрежденіяхъ, наслѣдовавшихъ древнимъ народнымъ судамъ, *sectatores* являются судьями права и факта. Предсѣдатели только наблюдаютъ за внѣшнимъ порядкомъ въ судѣ, дѣлаютъ нужныя приготовленія къ открытію дѣйствій его и приводятъ въ исполненіе его приговоры. Но посредствомъ выбора *sectatores* для даннаго случая предсѣдатели, конечно, имѣли часто вліяніе на рѣшеніе самаго дѣла. Къ тому же норманскіе засѣдатели, или *sectatores*, также мало способны были судить по саксонскому праву, какъ и саксонскіе засѣдатели — по норманскому. Такимъ образомъ рѣшеніе юридической стороны дѣла стало постепенно переходить въ руки предсѣдателей, въ особенности юстиціаріевъ. Для цѣлей уголовного преслѣдованія существовала мировая порука жителей — учрежденіе, уцѣлевшее отъ англосаксонской эпохи и достигшее теперь полнаго своего развитія; эта мировая порука дѣйствовала съ такимъ успѣхомъ, съ какимъ могла бы дѣйствовать только полиція, правильно организованная правительствомъ. Основная мысль мировой поруки, — фридборга, *Frieborg*, *Francplegium* — состояла въ солидарномъ ручательствѣ жителей относительно доставленія преступниковъ въ судъ и исполненія уголовныхъ приговоровъ. Каждый взрослый, — если онъ не принадлежалъ къ духовному сословію или не владѣлъ свободной землей, *liberum tenementum*, обязанъ былъ имѣть поручителей. На обязанности землевладѣльца лежало постоянное ручательство за своихъ вассаловъ и вообще за поселенныхъ на его земляхъ людей. Мелкіе свободные землевладѣльцы должны были, для взаимнаго поручительства, вступать въ союзы, состоявшіе по крайней мѣрѣ изъ десяти человѣкъ и совпадавшіе съ десятками. Кто, не будучи освобожденъ отъ поруки, не присоединялся къ *thything*’у, тотъ подвергался опалѣ. Фридборгъ обязанъ былъ платить пеню за своихъ членовъ. Въ случаѣ обвиненія одного изъ членовъ въ преступленіи, фридборгъ долженъ былъ, подъ страхомъ ареста старшины союза, поручиться въ томъ, что обвиняемый явится на судъ. На доставленіе бѣжавшаго преступника, фридборгу давалось сроку тридцать одинъ день. Если въ теченіи этого времени преступникъ не былъ пойманъ, то старшина фридборга, вмѣстѣ съ двумя уважаемыми членами, долженъ былъ, въ присутствіи депутатовъ

отъ трехъ сосѣднихъ фридборговъ, очистить клятвою себя и свой десятокъ отъ подозрѣнія въ участіи въ преступленіи или въ содѣйствіи преступленію или побѣгу преступника. Въ случаѣ отказа, фридборгъ обязанъ былъ заплатить вознагражденіе потерпѣвшему отъ преступленія лицу. — Учрежденіе мировой поруки мало-по-малу уступало мѣсто обвинительному джюри, и къ концу царствованія дома Плантагенетовъ пришло въ совершенный упадокъ.

Въ XIV ст. возникъ, въ видѣ отпрыска отъ *turnus vicescomitis*, такъ называемый *court leet*, королевскій судъ, право на учрежденіе котораго давалось какому-либо барону, мѣстечку или даже отдѣльному имѣнію. Дѣятельность этого суда состояла въ производствѣ слѣдствій о всѣхъ еще ненаказанныхъ преступленіяхъ, а также въ разбирательствѣ менѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ. *Secta*, которой въ этомъ послѣднемъ случаѣ принадлежало рѣшеніе вопроса о правѣ и вопроса о фактѣ преступленія, носитъ названіе джюри. Она болѣе всего имѣла сходства съ джюри коронера; число *sectatores* простиралось отъ двѣнадцати до двадцати трехъ; выборъ въ эту должность не обусловливался извѣстными качествами, такъ что въ числѣ *sectatores* могли быть даже иностранцы. *Court leet*, по тому широкому участію, какое предоставлялось въ немъ людямъ незнатнымъ, вѣрнѣе всего сохранилъ въ себѣ особенности англосаксонскаго правосудія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ значительной степени содѣйствовалъ своеобразному развитію жизни городовъ, въ которыхъ преобладалъ англосаксонскій элементъ.

Составъ и кругъ дѣйствія англосаксонскаго государственнаго сейма (*witenagemote*) подверглись, во время норманскаго владычества, существеннымъ измѣненіямъ. Духовная юрисдикція, подобно политическимъ функциямъ, была отнята у сейма, и сеймъ превратился, подъ именемъ *curia* или *aula regia*, въ постоянный верховный судъ, всегда сопровождавшій особу короля, и состоявшій изъ высшихъ государственныхъ и придворныхъ сановниковъ, нѣсколькихъ юристовъ — *justitiiarii* или *judices regis* — и знатныхъ бароновъ, всего числомъ по большей части изъ двѣнадцати членовъ. Во главѣ этого суда стоялъ *capitalis justitiarius Angliae* (верховный судья Англіи), высшій государственный сановникъ въ королевствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ регентъ въ отсутствіе короля. Изъ числа сановниковъ, бывшихъ членами, мы упомянемъ преимущественно слѣдующихъ: лордъ-канцлеръ и лордъ главный казначей, начальникъ отдѣленія королевскихъ доходовъ, управленіе которыми также входило въ кругъ вѣдомства *aula regia*; затѣмъ, великій сенешаль — *High Steward*, — великій коннетабль — *High Constable*, и оберъ-гофмаршалъ — *Comes Marescalcus*.

Въ предѣлы судебной власти *curia regis*, по дѣламъ уголовнымъ, входило рѣшеніе дѣлъ о государственной измѣнѣ, а вскорѣ также и рѣшеніе дѣлъ о *felonies*, т. е. о всякомъ преступленіи, которое считалось на-

рушеніемъ королевскаго мира — *contra pacem domini regis*, — и за которое, вслѣдствіе этого, законъ угрожалъ тѣлеснымъ наказаніемъ или смертною казнью и вмѣстѣ съ тѣмъ лишеніемъ имущества. Далѣе, разбирательство особенно важныхъ гражданскихъ процессовъ, наприм. дѣлъ о бароніяхъ, о церковныхъ помѣстьяхъ (*Kirchenvogteien*), дѣлъ по нѣкоторымъ искамъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, наприм. по искамъ о выдачѣ вдовьяго содержанія, о взысканіи долговъ. Къ этому присоединялась еще особенная подсудность, въ широкихъ размѣрахъ, по искамъ, которые собственно подлежали вѣдѣнію нисшихъ судовъ, но въ случаѣ жалобы на неудовлетвореніе нисшимъ судомъ праваго иска (*defectus recti*), или по просьбѣ одной изъ сторонъ, или, наконецъ, по причинѣ сомнѣнія, возникшаго въ *curia baronum* на счетъ правильности иска, — немедленно представлялся въ верховный трибуналъ.

Aula regia представлялъ подражаніе нормандскому *Echiquier*. Обширная власть, предоставленная ему, должна была служить къ достиженію слѣдующихъ цѣлей: утвержденія и поддержанія королевской власти, введенія норманскихъ формъ правосудія на мѣсто древнихъ саксонскихъ народныхъ судовъ, и наполненія королевской казны. Послѣдняя цѣль была, конечно, главная, — оттого и самый придворный судъ часто назывался: *Scaccarium*.

Рядомъ съ этимъ постояннымъ *aula regia*, имѣвшимъ ограниченный составъ, мы встрѣчаемъ другой, болѣе многочисленный кругъ королевскихъ совѣтниковъ, называвшійся также *curia regis*, или иногда *curia civium*; этотъ *curia civium*, болѣе напоминавшій англосаксонскій *witenagemote*, созывался только въ особенныхъ случаяхъ для рѣшенія какихъ либо необыкновенныхъ дѣлъ, и съ теченіемъ времени превратился въ верхнюю палату парламента.

III.

Высшіе суды общаго права страны.

Изъ личнаго состава и круга дѣйствій *aulae regiae* очень рано возникъ цѣлый рядъ различныхъ судовъ, существующихъ и по настоящее время. Установленіе, по которому *curia regia*, во всемъ своемъ составѣ, изъ своего обыкновеннаго мѣста пребыванія въ лондонскомъ Тауэрѣ долженъ былъ слѣдовать всюду за королевскимъ дворомъ во время поѣздокъ короля, — повело, въ особенности въ гражданскихъ процессахъ, къ тягостнымъ и бесполезнымъ проволочкамъ. Вслѣдствіе этого въ 17 гл. *Magna Charta* постановлено было: *Communia placita non sequantur curiam regis, sed teneantur in aliquo loco certo*, т. е. чтобы дѣла гражданскія не

переносились съ мѣста на мѣсто вмѣстѣ съ придворнымъ судомъ, а разбирались и рѣшались въ какомъ либо опредѣленномъ мѣстѣ. Такимъ постояннымъ мѣстомъ избрали Вестминстеръ-галлѣ (Westminster-hall); отдѣлена была часть состава придворнаго суда, и вскорѣ изъ общаго круга вѣдомства *curiae regis* выдѣлилась особая юрисдикція, обнимавшая всѣ тяжбы о поземельной собственности, а также всѣ чисто гражданскіе процессы между подданными короля. Возникшій такимъ образомъ новый судъ получилъ названіе *Common bench*, или суда *Common pleas* (*common pleas, placita communia* суть гражданскіе процессы, въ противоположность *placita coronae, pleas of the crown* — процессамъ уголовнымъ). Этотъ *Common bench*, состоящій изъ одного *chief justice* (главнаго судьи) и четырехъ *puisné justices* (младшихъ судей), представляетъ и теперь еще обыкновенное судебное мѣсто для всѣхъ гражданскихъ процессовъ въ цѣломъ королевствѣ, но только такихъ, въ которыхъ не участвуетъ правительство въ качествѣ стороны; въ области же исковъ о недвижимой собственности ему присвоена исключительная подсудность. Сначала юрисдикція этого суда не была самостоятельною: онъ не могъ приступить къ производству какого-либо дѣла, не получивъ на то разрѣшенія или грамоты, *breve*, отъ канцлера. Исключеніе составляли только дѣла по жалобамъ на собственныхъ чиновниковъ суда и отмѣна дѣйствій подвѣдомственныхъ судебныхъ мѣстъ въ случаяхъ превышенія власти со стороны этихъ послѣднихъ. Но эти разрѣшенія канцлера, такъ-называемыя *original writs*, давнымъ-давно превратившіяся въ одну пустую формальность, отмѣнены были статутомъ Вильгельма IV (2 гл. 39. § 1.). Судъ *common pleas* считается по преимуществу мѣстомъ практики и эрудиціи цивилистовъ, а Кокъ (Coke) называетъ его хранилищемъ и ключемъ обычнаго права; вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ судъ сдѣлался главной точкой опоры для гражданскаго джюри, которое онъ постоянно приглашаетъ для рѣшенія всѣхъ спорныхъ фактовъ. Надъ своими чиновниками и принадлежащими къ суду лицами онъ имѣетъ родъ уголовной юрисдикціи и судить ихъ за проступки по должности, подлоги и т. п.

Судопроизводство въ *Common bench*, называвшемся прежде *banum apud Westmonasterium* (скамья въ Вестминстерѣ), обозначалось на латинскомъ языкѣ средневѣковыхъ англійскихъ юристовъ слѣдующимъ техническимъ терминомъ: *coram justitiariis regis apud Westmonasterium*, т. е. передъ королевскими судьями въ Вестминстерѣ.

Aula regia и послѣ исключенія изъ круга его вѣдомства гражданскихъ дѣлъ продолжалъ существовать въ своемъ прежнемъ видѣ и до тѣхъ поръ, пока Эдуардъ I не раздѣлилъ весь составъ придворнаго суда на нѣсколько отдѣльныхъ судилищъ подъ слѣдующими названіями: *High court of parliament, court of high steward, court of the steward of the kings household, court of chivalry, court of chancery, Exchequer court* и *Kings*

bench. Два послѣдніе, т. е. Exchequer court и Kings bench, раздѣлили съ Common bench отправленіе правосудія по обычному праву, такъ что эти три суда вмѣстѣ и теперь еще составляютъ одинъ цѣльный организмъ.

Court of Exchequer ¹⁾, подобно придворнымъ камерамъ нѣмецкихъ государей, завѣдывалъ королевскими доходами и расходами и рѣшалъ всѣ спорныя дѣла, относившіяся къ этому предмету, а также жалобы своихъ собственныхъ чиновниковъ на лицъ постороннихъ, и наоборотъ. Посредствомъ смѣлой фикціи ему удалось распространить свою подсудность и на всѣ другіе иски о взысканіи долговъ. Случилось это такимъ образомъ, что сначала дозволено было дѣйствительнымъ должникамъ короля предъявлять въ Exchequer court свои иски на лицъ постороннихъ и ссылаться при этомъ на то, что истецъ по случаю неуплаты ему долга, не въ состояніи внести требуемый съ него королемъ налогъ. Затѣмъ, при помощи фикціи, стали считать королевскимъ должникомъ каждого, кто объявлялъ себя таковымъ pro forma, и слѣдовательно позволили всѣмъ безъ различія обращаться съ долговыми исками въ court of Exchequer. Это расширеніе предѣловъ подсудности, первоначально основанное на вымыслѣ, съ теченіемъ времени обратилось въ безспорное право, такъ что упомянутая формальность сдѣлалась ненужною, и потому была отмѣнена стат. 2 Вильгельма IV. Послѣ упомянутого увеличенія судебной власти Exchequer'a, въ кругъ его дѣйствій входило слѣдующее: во - первыхъ, высшее управленіе королевскими доходами, составлявшее предметъ занятій court of accounts и court of receipts; во-вторыхъ, разбирательство дѣлъ по такъ-называемому law of equity, подобно суду канцлера; и наконецъ, разбирательство дѣлъ по обычному праву (common law). Но потомъ завѣдываніе королевскими финансами передано было статутомъ 3 Вильгельма IV въ казначейство (treasury); а юрисдикція по праву справедливости въ долговыхъ дѣлахъ казны (эта юрисдикція возникла изъ обычнаго права, получила точное опредѣленіе въ стат. 33 Генриха VIII и отправлялась преимущественно канцлеромъ казначейства) перешла, на основаніи ст. 5. Викторіи, въ судъ канцлера. Такимъ образомъ, судебная дѣятельность court of Exchequer въ настоящее время ограничивается такъ-называемой plea side, и обнимаетъ собою рѣшеніе дѣлъ о нарушеніи законовъ фиска, объ утайкѣ пошлинъ, исковъ на казну и на чиновниковъ вѣдомства министерства финансовъ; по дѣламъ этого рода ему присвоена исключительная подсудность, между тѣмъ какъ въ области всѣхъ другихъ личныхъ исковъ Common pleas пользуется равною съ су-

¹⁾ Слово exchequer, — на старинномъ французскомъ языкѣ eschequer, — означаетъ тоже самое, что и scaccarium; англійскіе юристы производятъ это слово отъ стола находившагося въ залѣ засѣданій суда. Доска этого стола имѣла форму шахматной доски — chequed — и употреблялась для записыванія счетовъ.

домъ Exchequer юрисдикціею. Exchequer court состоитъ изъ одного chief baron (главнаго барона или судьи: въ прежнее время въ должность судьи назначались бароны королевства, отсюда и самое названіе) и четырехъ puisné barons (младшихъ судей); спорные факты онъ обыкновенно рѣшаетъ посредствомъ присяжныхъ. Впрочемъ, въ этомъ судѣ встрѣчаются также слѣды письменнаго порядка производства безъ участія джюри и слѣды эти существовали еще въ сравнительно новое время.

Самымъ счастливымъ наслѣдникомъ aulae regiae былъ судъ королевской скамьи, Kings-bench (въ царствованіе королевы онъ называется Queens-bench, а во времена протектората Кромвеля назывался Upper bench, верховная скамья). Этотъ судъ всюду слѣдовалъ за королемъ, — который по временамъ лично предсѣдательствовалъ въ немъ, — и соединялъ въ себѣ всѣ тѣ обязанности curiae regiae, которыя не перешли въ какое либо другое высшее судебное учрежденіе. Постановление articuli super chartas (дополнительныхъ статей къ великой хартии), 28 Эдуарда I гл. 5., требовавшее, чтобы канцлеръ и судьи королевской скамьи всюду сопровождали короля, для того чтобы король во всякое время имѣлъ при себѣ нѣсколькихъ правовѣдовъ — представляетъ нѣчто подобное министерской отвѣтственности новѣйшаго времени. Впрочемъ, это сопровожденіе короля скоро вышло изъ употребленія, и Kings bench, подобно Exchequer и Common bench, уже въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій ни разу не покидалъ своего постоянного мѣстопробыванія въ Вестминстерѣ. Личный составъ королевской скамьи соответствуетъ составу Common bench, а предсѣдатель Kings bench и до сихъ поръ еще носитъ громкій титулъ: chief justice of England (главный судья Англіи). Брактонъ (Bracton) такимъ образомъ характеризуетъ судей королевской скамьи: capitales, generales, perpetui et majores; a latere regis residentes, qui omnium aliorum corrigere tenentur injurias et errores (главные и несмѣняемые, состоящіе при особѣ короля и имѣющіе власть исправлять ошибки и уничтожать несправедливости всѣхъ другихъ судей). Опредѣленіе Брактона въ сущности не утратило своего значенія и въ настоящее время. Судъ королевской скамьи прежде всего выполняетъ назначеніе континентальнаго министерства въ томъ смыслѣ, что онъ контролируетъ дѣйствія всѣхъ другихъ судебныхъ учреждений, за исключеніемъ развѣ только парламентскаго суда; въ случаѣ надобности, или прекращаетъ производство даннаго дѣла въ какомъ либо нисшемъ судѣ, или даже самъ приступаетъ къ рѣшенію его; надзираетъ за всѣми корпораціями въ королевствѣ; при недостаткѣ другой спеціальной власти, можетъ потребовать исполненія обязанностей отъ всякаго должностнаго лица, состоящаго въ общественной службѣ; охраняетъ свободу подданныхъ посредствомъ приказовъ habeas corpus (которые, впрочемъ, присвоены также и суду Common pleas). Распоряженія Kings bench'а, относящіяся къ исчисленнымъ предметамъ его вѣдомства, исходятъ въ фор-

мѣ судебныхъ рѣшеній, которыя однакоже составляютъ безъ содѣйствія присяжныхъ. Въ близкой связи съ упомянутыми функціями королевской скамьи находится право ея разбирать, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, рѣшенія всѣхъ другихъ судовъ *common law* (впрочемъ, въ послѣднее время это право нѣсколько ограничено), и обязанность заботиться о томъ, чтобы всякія дѣйствія частныхъ лицъ, клонящіяся къ нарушенію общественнаго спокойствія, притѣсненію кого-либо, составленію опасныхъ для государства козней были немедленно останавливаемы, и чтобы виновники подвергались заслуженному наказанію. Эта послѣдняя дѣятельность королевской скамьи носитъ названіе: *custodia morum* (охраненіе нравственности).

Подсудность королевской скамьи, какъ суда первой инстанціи, подраздѣляется на гражданскую и уголовную — *plea side* и *crown side*. Гражданская юрисдикція первой инстанціи первоначально обнимала процессы, въ которыхъ участвовали, въ качествѣ истца или отвѣтчика, собственные чиновники суда, и частные иски на лицъ дѣйствительно или фиктивно арестованныхъ маршаломъ или какимъ либо инымъ должностнымъ лицомъ королевской скамьи. Этотъ арестъ установленъ былъ съ цѣлью предотвращенія медленности въ судопроизводствѣ. Впослѣдствіи придуманъ былъ юридическій вымыселъ, состоявшій въ томъ, что каждый отвѣтчикъ по гражданскому дѣлу есть нарушитель общественнаго спокойствія и потому находится подъ арестомъ по приказанію маршала суда. Благодаря этой фикціи, *Kings bench* успѣлъ присвоить себѣ разбирательство всѣхъ частныхъ исковъ, за исключеніемъ вещныхъ исковъ, которые подлежатъ суду *Common bench*. Когда же это произвольное расширение предѣловъ судебной власти обратилось съ теченіемъ времени въ право, всѣми признанное, то стат. 2 Вильгельма IV освободилъ *Kings bench* отъ необходимости ссылаться каждый разъ на упомянутую фикцію. Еще значительнѣе уголовная подсудность королевской скамьи. *Kings bench* хотя и не есть собственно высшій уголовный судъ въ государствѣ, но онъ представляетъ уголовный судъ *par excellence*. Онъ имѣетъ право вѣдать уголовныя дѣла всякаго рода, отъ самыхъ важныхъ и до самыхъ ничтожныхъ; можетъ потребовать къ себѣ посредствомъ такъ-называемаго *writ of certiorari*, обвиненіе поданное въ какое либо нисшее судебное учрежденіе; и еслибъ онъ когда нибудь опять перенесъ свое мѣстопробываніе въ одно изъ графствъ, то всѣ существующія въ этомъ графствѣ судебныя комисіи для разбора уголовныхъ процессовъ немедленно упразднились бы сами собой. — Засѣданія королевской скамьи происходятъ «*coram nobis — sc. rege — ubicunque fuerimus in Anglia*» (въ присутствіи нашемъ, — т. е. короля, — въ какомъ бы мѣстѣ Англіи мы ни находились.)

Въ кругъ уголовной юрисдикціи, crown side, королевской скамьи вошло также и все то, что уцѣлело отъ судебной власти звѣздной палаты, закрытой въ царствованіе Карла I (стат. 16. гл. 10). Звѣздная палата (названная такъ по мѣсту ея засѣданій — *coram rege in camera*), происхожденіе которой относится къ весьма отдаленной эпохѣ, получила при Генрихахъ VII и VIII новое устройство, и состояла изъ свѣтскихъ и духовныхъ лордовъ, носившихъ званіе тайныхъ совѣтниковъ; кромѣ того, въ ней засѣдали двое судей, избранныхъ изъ трехъ вестминстерскихъ судовъ. Этотъ судъ рѣшалъ дѣла о возмущеніяхъ, клятвенныхъ преступленіяхъ, проступкахъ по должности шерифовъ и о другихъ противозаконныхъ поступкахъ, хотя менѣе важныхъ, но обратившихъ на себя всеобщее вниманіе. Порядокъ разбирательства былъ сокращенный — *summary conviction* — т. е. безъ участія присяжныхъ. Такъ какъ на судъ звѣздной палаты являлись по преимуществу лица вліятельныя и высоко поставленныя, то правительство полагало, что присяжные, по недостатку независимости, не рѣшились бы объявить подсудимаго виновнымъ. Дѣла о *felonies* были исключены. Мало по малу звѣздная палата, не выходя явнымъ образомъ изъ предѣловъ назначеннаго ей круга дѣйствій, съумѣла, при помощи разнаго рода уловокъ, присвоить себѣ почти неограниченную юрисдикцію, которую она и употребляла въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлось въ виду рѣшеніемъ дѣла въ извѣстномъ смыслѣ обогатить королевскую казну. Съ этого времени приговоры звѣздной палаты отличались обыкновенно полнѣйшимъ произволомъ и отсутствіемъ всякой справедливости.

Въ судѣ королевской скамьи повѣрка доказательствъ производится посредствомъ присяжныхъ.

Эти три суда обычнаго права, *common law*, возникшіе изъ *curia regis*, именно *Common bench*, *Exchequer court* и *Kings bench*, представляютъ и теперь еще въ нѣкоторомъ родѣ одно цѣлое. По мѣсту своего нахождения они всѣ вмѣстѣ называются вестминстерскими судами; впрочемъ, это названіе въ болѣе широкомъ смыслѣ включаетъ въ себѣ, кромѣ того, и судъ канцлера. Члены ихъ безразлично именуются судьями Англіи, и во время полугодныхъ объѣздовъ по графствамъ являются представителями не только того суда, къ которому принадлежатъ лично, но, въ случаѣ надобности, также и двухъ другихъ судовъ. Далѣе, этимъ тремъ судамъ свойственна одинаковая адвокатура; здѣсь могутъ быть защитниками сторонъ только такъ-называемые барристеры, *barristers* (*bar* собственно значить отгороженное мѣсто въ судѣ и адвокаты — судебная арена; отсюда вообще судъ) въ противоположность адвокатамъ, *advocates*, духовныхъ судовъ и судовъ адмиралтейства. Практика барристеровъ фактически и ограничивается одною только *common law bar*, въ параллель которой можетъ быть поставлена *equity bar*, какъ адвокатура въ канцлерскомъ судѣ. Какъ для всѣхъ вообще лицъ, желающихъ сдѣ-

латься судьей по профессіи, такъ и для барристеровъ адвокатура служитъ необходимой подготовкой и переходной ступенью. Съ тѣхъ поръ, какъ судъ королевской скамьи пересталъ быть апелляціоннымъ судомъ для Common pleas и Exchequer'a, высшую или ревизіонную инстанцію для каждаго изъ трехъ вестминстерскихъ судовъ составляютъ два другіе, соединенные вмѣстѣ подъ именемъ court of exchequer chamber (это названіе дано по мѣсту засѣданій соединеннаго суда). Чѣмъ-то въ родѣ отдѣленія этого ревизіоннаго суда является Court of Appeal in Criminal cases, учрежденный статут. 11 и 12 Викторіи; онъ составляется по меньшей мѣрѣ изъ пяти судей трехъ вестминстерскихъ судовъ, и разрѣшаетъ во второй инстанціи юридическіе вопросы по уголовнымъ дѣламъ, возникшіе на четвертныхъ сѣздахъ мировыхъ судей или на полугодичныхъ засѣданіяхъ въ округѣ, circuit. По дѣламъ, подлежащимъ сокращенному разбирательству мировыхъ судей, апелляціонныя жалобы подаются непосредственно въ судъ королевской скамьи (статут. 20 и 21 Викторіи).

Три вестминстерскіе суда, о которыхъ мы теперь говорили, служатъ истинными представителями отправленія правосудія по обычному праву, common law, которое отличается слѣдующими тремя характеристическими чертами: приглашеніемъ присяжныхъ для рѣшенія спорныхъ фактовъ; ограниченіемъ судопроизводства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, — въ большей или меньшей степени, — и самаго хода дѣла, опредѣленными сроками, terms; и, наконецъ, публичнымъ совѣщаніемъ и рѣшеніемъ коллегіи судей. Разборъ процессовъ, при участіи присяжныхъ, производится или въ мѣстѣ постоянного пребыванія суда — at bar, in banco, — или на ассизахъ, circuit, передъ комиссаромъ суда. Впрочемъ, и въ Вестминстерѣ дѣла второстепенной важности и формальности разбираются также однимъ изъ судей въ такъ-называемомъ practise court, или въ пріемной залѣ — at chamber.

Въ обширномъ смыслѣ, къ высшимъ судамъ обычнаго права принадлежатъ также и канцлерскій судъ, Court of Chancery, съ его старшимъ по времени отдѣленіемъ.

Court of Chancery состоитъ, подъ предсѣдательствомъ лорда-канцлера, изъ слѣдующихъ лицъ: государственнаго вице-канцлера, называемаго Master of the rolls, (хранитель государственныхъ актовъ — старинная должность); трехъ вице-канцлеровъ (это званіе учреждено только въ нынѣшнемъ столѣтіи); двухъ Lord Justices, съ 1852 г.; и, наконецъ, изъ одного, а въ послѣднее время даже изъ 11 Masters in Chancery (впрочемъ, эта должность, въ силу статут. 15 и 16 Викт., будетъ существовать только до смерти нынѣ занимающихъ ее лицъ). Въ прежнее время на обязанности канцлера, — который вмѣстѣ съ тѣмъ хранитель королевской печати, lord keeper, — лежало главнымъ образомъ изготовленіе торжественныхъ и важнѣйшихъ письменныхъ актовъ, исходящихъ отъ лица короля.

Когда изъ *curia regis* возникли три вышеупомянутые суда *common law*, въ рукахъ канцлера остались многіе атрибуты судебной власти, которые преимущественно имѣли отношеніе къ особѣ короля или давали право на надзоръ за отправленіемъ правосудія. Канцлеръ, въ старину бывший духовникомъ и милостыне-раздавателемъ короля, оставался до самаго новѣйшаго времени патрономъ всѣхъ королевскихъ бенефицій, приносящихъ ежегоднаго доходу менѣе 20 фунт. старинной цѣнности; кромѣ того, онъ былъ во всемъ королевствѣ, за исключеніемъ привилегированныхъ городовъ, главнымъ инспекторомъ надъ всѣми госпиталями и благотворительными заведеніями, и главнымъ опекуномъ всѣхъ малолѣтнихъ, безумныхъ и сумасшедшихъ. Всѣ эти права, сопряженные съ должностью канцлера, вытекали отчасти изъ духовнаго сана средневѣковыхъ канцлеровъ, отчасти изъ идеи попечительства короля о всѣхъ умственно слабыхъ и нуждающихся въ опеку.

Court of Chancery въ судебномъ отношеніи (лордъ-канцлеръ, кромѣ того, *speaker* въ палатѣ лордовъ, членъ кабинета и тайнаго совѣта) раздѣляется на два департамента: первый по времени учрежденія—*court of common law*, и болѣе новый—*court of equity*, соотвѣтственно двумъ областямъ права, которыя англійскіе юристы уподобляютъ *leges* и *jus praetorium* римлянъ. Мы будемъ говорить здѣсь только о первомъ отдѣленіи *court of chancery*, которое сродно суду королевской скамьи. Въ кругъ вѣдомства *court of common law* входятъ, во-первыхъ, слѣдующіе предметы, составлявшіе первоначально обыкновенную юрисдикцію канцлера: объявленіе недѣйствительными королевскихъ указовъ, *letters patents* (болѣе торжественная форма выраженія королевской воли, въ противоположность *breve, writ* — грамотѣ), которые изданы были вопреки закона, или на основаніи невѣрныхъ донесеній, или ошибочныхъ предположеній; разборъ жалобъ о нѣкоторыхъ превышеніяхъ власти со стороны должностныхъ лицъ; иски на короля по поводу нарушенія имъ правъ частнаго лица (на представленіе канцлеру права рѣшать такого рода иски, вѣроятно, имѣло вліяніе то обстоятельство, что онъ былъ духовникомъ короля); тяжбы, въ которыхъ участвуетъ, въ качествѣ стороны, чиновникъ или служитель суда, или тяжбы, въ которыхъ предметъ спора составляютъ извѣстнаго рода имущества, пожалованныя отъ короны. Порядокъ производства въ этомъ отдѣленіи канцлерскаго суда, основанный на *common law*, бываетъ двоякаго рода. Во-первыхъ, какъ только при разборѣ какого либо дѣла встрѣчается спорное фактическое обстоятельство, юрисдикція канцлерскаго суда превращается, потому что онъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи *juris*, безъ котораго не можетъ быть рѣшенъ ни одинъ спорный фактъ. Дѣло передается тогда въ судъ королевской скамьи, который, выслушавъ вердиктъ присяжныхъ, постановляетъ на основаніи его приговоръ. Вообще въ такихъ случаяхъ *Kings bench* составляетъ вмѣстѣ съ *court of chan-*

сегу одинъ судъ. Во-вторыхъ, если въ дѣлѣ возникаетъ одинъ только юридическій вопросъ, то хотя канцлерскій судъ и имѣетъ право рѣшить самъ собою такой вопросъ, но рѣшеніе его не будетъ окончательнымъ, — оно должно восходить по инстанціямъ въ судъ королевской скамьи.

Отдѣленіе court of common law канцлерскаго суда представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ такъ-называемую officina justitiae (судебную аптеку), въ которой изготовляются всѣ судебныя original writs, всѣ распоряженія по управленію благотворительными заведеніями (pieae causae), каналами и т. п., по опекамъ надъ малолѣтними, безумными и сумасшедшими, потомъ—во время каникулъ судовъ Kings bench и Common pleas—приказы habeas corpus. Изъ канцлерскаго суда посылаются также приглашенія къ лордамъ явиться на парламентскую сессію, writs о выборѣ членовъ парламента, о выборѣ коронеровъ, и разнаго рода распоряженія по судебной части. На основаніи статута 39 Елизаветы, лордъ-канцлеръ долженъ былъ давать порученіе епископу графства, его канцлеру и другимъ благонадежнымъ лицамъ, чтобъ они, при содѣйствіи 12 человѣкъ присяжныхъ, или инымъ способомъ, какой окажется наиболее удобнымъ, производили ревизію школъ, госпиталей, домовъ призрѣнія бѣдныхъ, сиротъ, инвалидовъ и т. п., изыскивали средства на содержаніе подобнаго рода заведеній и на исправленіе мостовъ, дорогъ и т. д., наказывали виновныхъ за проступки, въ особенности за подлоги, похищенія, безпорядки, клонившіеся ко вреду этихъ учрежденій, и т. д. Исключеніе составляютъ коллегіи обоихъ университетовъ, кафедральныя церкви и т. д.

Наконецъ, канцлерскому суду предоставлено было разбирать и рѣшать на основаніи обычнаго права — *secundum legem et consuetudinem Angliae* (по законамъ и обычаямъ Англіи) — дѣла о нѣкоторыхъ менѣе важныхъ проступкахъ. Но коль скоро въ дѣлѣ оказывались спорныя фактическія обстоятельства, канцлерскій судъ долженъ былъ передавать дѣло, для повѣрки доказательствъ, въ судъ королевской скамьи. Въ дѣлахъ этого рода ни въ какомъ случаѣ не допускался свойственный канцлерскому суду порядокъ производства, при которомъ обвиняемый долженъ подъ присягою отвѣчать на предложенные ему вопросные пункты.

Этотъ common law court канцлерскаго суда, какъ органъ правосудія, давнымъ-давно отжилъ свой вѣкъ. Власть рѣшать всякаго рода вопросы о доказательствахъ или смѣшанные вопросы, незначительность роли въ сравненіи съ судомъ королевской скамьи, обширное право передавать посредствомъ writs спорныя дѣла на разсмотрѣніе судовъ common law, наконецъ, присвоенная канцлерскому и суду казначейства юрисдикція въ области equity law, появившаяся уже въ средніе вѣка, и считаемая въ нѣкоторомъ родѣ юрисдикціей высшаго разряда — всѣ эти обстоятельства сдѣлали совершенно излишней дѣятельность law court въ chancery. Въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій ни одного разу не былъ посланъ writ of

error (приказъ объ отмѣнѣ приговора) въ судѣ королевской скамьи. Судопроизводство equity law увидѣло себя наконецъ вынужденнымъ сдѣлать, въ видахъ примиренія, нѣкоторыя уступки обычному праву: оно стало въ исключительныхъ случаяхъ прибѣгать къ содѣйствию джюри.

IV.

Судебныя комисіи.

Всеобъемлющая или, по крайней мѣрѣ, всюду вмѣшивающаяся юрисдикція трехъ вестминстерскихъ судовъ создала для этихъ преемниковъ норманской curia regia монополию правосудія, безпримѣрную по обширности круга дѣйствій и многочисленности предметовъ вѣдомства. Судебная дѣятельность шерифовъ мало-по-малу утратила почти все свое значеніе; большая часть предоставленной имъ подсудности перешла къ судьямъ вестминстерскимъ, а меньшая, въ сущности ограничивавшаяся уголовною юстиціей, къ мировымъ судьямъ. Если же мы исключимъ этихъ послѣднихъ, то увидимъ, что начиная съ XIV и XV столѣтій и вплоть до нашего времени все отправление правосудія по обычному праву находится въ рукахъ государственныхъ судовъ, подлѣ которыхъ удержались только мѣстные суды городовъ и нѣсколько такъ-называемыхъ спеціальныхъ судовъ. Только въ самое послѣднее время, вслѣдствіе введенія новыхъ county courts (судовъ графствъ), снова вызвана къ жизни мѣстное отправление правосудія въ провинціальныхъ судахъ.

Эта централизація судебной власти находилась во внутреннемъ взаимнодѣйствіи съ институтомъ судебныхъ комисій, посылаемыхъ въ провинцію, и съ институтомъ присяжныхъ, именно въ гражданскихъ дѣлахъ, въ которыхъ джюри съ самаго начала составляла прерогативу придворнаго суда. Вообще эта централизація безъ учрежденія странствующихъ судей никогда не могла бы облечься въ прочныя внѣшнія формы; безъ странствующихъ судей, безъ джюри она уничтожилась бы отъ недостатка жизненности, отъ недостатка авторитета и самоувѣренности. Съ другой стороны, безъ судебныхъ комисій джюри никогда не было бы въ состояніи сдѣлаться такимъ выдающимъ членомъ въ организмѣ права, какимъ оно является въ настоящее время; безъ этой почти безпредѣльной юрисдикціи государственные суды не имѣли бы такого живаго интереса въ поддержаніи джюри и потому процвѣтаніе этого учрежденія стало бы невозможнымъ. Обѣзды судебныхъ комиссаровъ по графствамъ сдѣлались — и до сихъ поръ остаются — почвой, въ которой джюри болѣе всего нуждалось, чтобы пустить корни и достигнуть своего полнаго развитія.

Институтъ странствующихъ судей появляется уже въ XII столѣтіи. При учрежденіи его кажется имѣли въ виду слѣдующіе два различные образца: *missi dominici* Карловинговъ и объѣздъ шерифа по сотнямъ. Первымъ, т. е. *missi dominici*, соотвѣтствуютъ въ нѣкоторомъ родѣ *Justitarii errantes, justices in eire* (странствующие судьи), которые посылались каждые семь лѣтъ въ провинцію съ порученіемъ развѣдать тамъ о притѣсненіяхъ со стороны чиновниковъ, неправильномъ завладѣніи королевскимъ имуществомъ, нарушеніяхъ фискальныхъ законовъ. Одна старинная хроника рассказываетъ подъ 1261 г., что одно графство отослало назадъ пріѣхавшихъ юстиціаріевъ по той причинѣ, что не кончился еще семилѣтній срокъ. Извѣстія объ этой категоріи странствующихъ судей неполны и недостоверны. Послѣ XIII ст. не встрѣчается болѣе ни одного случая ихъ дѣятельности. Розыски они производили при помощи присяжныхъ.

Судебныя комиссіи второй категоріи назначались гораздо чаще и рѣшали дѣла въ общемъ порядкѣ судопроизводства — онѣ отправляли такъ называемую *jurisdictio ordinaria* придворнаго суда. Исходной точкой для учрежденія судебныхъ комиссій этой категоріи послужила, по всей вѣроятности, посылка юстиціаріевъ въ графства въ томъ видѣ, въ какомъ она нерѣдко употреблялась въ первое время норманскаго періода, т. е. для предсѣдательствованія при разборѣ какого либо отдѣльнаго процесса. Съ этого времени и вплоть до XVIII ст. постоянно встрѣчаются подобнаго рода комиссіи, дѣятельность которыхъ ограничивалась отдѣльнымъ судебнымъ случаемъ. Съ расширеніемъ предѣловъ подсудности и съ увеличеніемъ числа случаевъ, въ особенности случаевъ, подлежащихъ рѣшенію присяжныхъ, необходимо должна была явиться мысль поручить этимъ комиссіямъ *ad hoc* рѣшеніе нѣсколькихъ однородныхъ дѣлъ. И въ самомъ дѣлѣ, прежде всего имъ стали поручать разбирательство одного опредѣленнаго рода или числа процессовъ, въ особенности дѣлъ о преступленіяхъ, а потомъ постепенно предоставили цѣлую отрасль занятій, одну изъ многихъ рубрикъ, на которыя подраздѣляется дѣятельность вестминстерскихъ судовъ въ графствахъ. Такой отдѣльной отраслью занятій сдѣлались во-первыхъ *recognitions* (ислѣдованія), внослѣдствіи названныя ассизами; они введены были на основаніи государственныхъ постановленій — *assisae*, — состоявшихся въ Кларендонѣ, въ 1164 г., и въ Нортэмптонѣ (Northampton), въ 1176 г., и повлекли за собою командировку въ извѣстные сроки судей въ провинцію, *ad recognitions et assisas capiendas* (для производства слѣдствій и суда). Эти *recognitions* заключали въ себѣ древнѣйшую форму гражданскаго джюри въ Англіи. *Magna Charta* установила, чтобы для производства нѣкоторыхъ опредѣленныхъ *recognitions* юстиціаріи объѣзжали графства четыре раза въ годъ. Въ подтвердительной грамотѣ Генриха III и въ послѣдующихъ редакціяхъ великой хар-

ти число такихъ объѣздовъ ограничено однимъ въ годъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ стали назначать другія комисіи, число это снова увеличивается. Такъ Бриттонъ (Britton)—около 1285 г.—говоритъ, что каждое полугодіе въ графства отправлялись *Justices assignés* для открытія *assises* и очищенія *gaoles*, тюремъ, отъ арестантовъ. На основаніи статута 13 Эдуарда I и статута 25 Эдуарда III, вестминстерскіе судьи должны были объѣзжать государство три раза, или, смотря по мѣрѣ надобности, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ. Число постоянныхъ комисій возрасло уже въ XII или XIII ст. до пяти, именно: комисіи *ad assisas* и *nisi prius* отправляли гражданское правосудіе; комисіи *gaol delivery* и *oyer et terminer* разбирали и рѣшали дѣла уголовныя. Пятая—*commission of peace* (мировая комисія) исполняла, во все время пребыванія комиссаровъ въ графствѣ, обязанности мирового судьи, наприм. требовали отъ лицъ, покушавшихся совершить какое-либо преступное дѣяніе, обезпеченіе въ томъ, что они не нарушаютъ общественнаго спокойствія. Комиссія *nisi prius*¹⁾ отправляла все гражданское правосудіе, въ той мѣрѣ, въ какой оно не совершалось въ формѣ *ассизъ*, постепенно выходявшихъ изъ употребленія, но отмѣненныхъ законодательнымъ порядкомъ только въ 1836 г. Кругъ дѣйствій комисій: *ad audiendum et terminandum* (для разбора и рѣшенія дѣлъ уголовныхъ) и *ad gaolam deliberandam* (для очищенія тюремъ отъ арестантовъ) почти совпадалъ. Все различіе между ними заключалось въ слѣдующемъ: послѣдняя пользовалась полномочіемъ разбирать вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣла по обвиненіямъ большого джюри мировыхъ судей, между тѣмъ какъ комиссія *ad audiendum et terminandum* имѣла право рѣшать дѣла только по обвиненіямъ ея собственнаго большого джюри; во-вторыхъ, только судьи *gaol delivery* могли объявить, посредствомъ такъ-называемой *proclamation*, подсудимаго невпннымъ, въ случаѣ неявки обвинителя или недостаточности представленныхъ въ судъ большого джюри доказательствъ; въ-третьихъ, *commission of oyer and terminer* учреждалась преимущественно *for great and horrible trespasses*, для рѣшенія дѣлъ о тяжкихъ и чудовищныхъ преступленіяхъ; наконецъ, комиссія *oyer and terminer* посылалась въ графства два раза, а комиссія *gaol delivery* — три раза въ годъ.

Назначеніе этихъ четырехъ комисій отдѣльно продолжалось весьма недолгое время. Уже въ 1299 г. постановлено было, чтобы суды, которымъ поручено открытіе гражданскихъ *ассизъ*, занимались вмѣстѣ съ

¹⁾ «*Nisi prius*», не ранѣе, составляло главное условное выраженіе въ указахъ, которые посылались до 1852 г. шерифамъ о представленіи въ Вестминстеръ къ извѣстному сроку присяжныхъ для участія при рѣшеніи гражданскихъ процессовъ, производившихся въ высшихъ судахъ; шерифъ долженъ былъ отправлять присяжныхъ въ Лондонъ не ранѣе, *nisi prius*, т. е. послѣ того времени, какъ въ графствѣ побываетъ судебная комиссія.

тѣмъ и дѣлами *ad gaolam deliberandam*. Впослѣдствіи множествомъ статутовъ, опредѣлявшихъ наказанія за отдѣльные преступленія, рѣшеніе дѣлъ объ этихъ преступленіяхъ, *audire et terminare*, возлагалось прямо на судей *gaol delivery*. Соединеніе всѣхъ пяти комиссій въ лицѣ однихъ и тѣхъ же судебныхъ комиссаровъ мало-по-малу обратилось въ неизмѣнный обычай. Въ комиссары съ самаго начала, или по крайней мѣрѣ съ 13 года царствованія Эдуарда I, выбирались главнымъ образомъ судьи вестминстерскихъ судовъ. Но постоянство и правильная періодичность этихъ судебныхъ засѣданій, открывавшихся странствующими судьями, послужили причиною того, что англійскіе юристы смотрятъ на ассизы *nisi prius* и т. д., какъ на особенные суды.

Въ настоящее время все королевство Англіи со включеніемъ Уэльза раздѣляется въ судебномъ отношеніи на восемь округовъ, *circuits*. Въ каждомъ изъ этихъ округовъ судебная коммисія совершаетъ дважды въ годъ — около дней св. Иларіона и Троицы — (а въ Йоркѣ и Ланкастерѣ три раза въ годъ) объѣзды, называемые также *circuits*, съ цѣлью отправленія правосудія. Во главѣ коммисіи находятся обыкновенно двое судей, выбираемыхъ изъ трехъ высшихъ судовъ обычнаго права; къ нимъ присоединяется нѣсколько адвокатовъ, по большей части такихъ, которые получили степень *sergeant at law, serviens ad legem*, соотвѣтствующую доктору правъ. Постановленіе, требовавшее, чтобы при производствѣ гражданскихъ процессовъ одинъ изъ судей принадлежалъ къ тому суду, которому подсудно разбираемое дѣло, — отмѣнено было въ существенныхъ чертахъ уже статут. 14 Эдуарда III. Одни только названные до сихъ поръ члены коммисіи вправѣ руководить судебными преніями, но въ случаѣ отсутствія другихъ, въ особенности главныхъ членовъ, это право принадлежитъ, въ силу *writ si non omnes*, и одному или двумъ изъ нихъ. При производствѣ отдѣльнаго процесса представителемъ подлежащаго суда служитъ обыкновенно только одинъ судья. Кромѣ этихъ дѣйствительныхъ членовъ, опредѣленно указываемыхъ въ даваемой коммисіи инструкціи, (отъ начальнаго слова того вводнаго предложенія въ инструкціи, въ которомъ перечисляется дѣйствительный составъ коммисіи, эти члены получили названіе *quorum*), въ коммисію назначается еще нѣсколько номинальныхъ членовъ. — Сюда относятся: во-первыхъ, такіе, которыхъ можно бы назвать почетными членами, и которые выбираются большею частью изъ числа богатыхъ землевладѣльцевъ и изъ лицъ, пользующихся уваженіемъ въ графствѣ; во-вторыхъ, лица, на которыхъ, въ силу такъ-называемаго *writ of association*, возлагается веденіе письменной части или исполненіе другихъ подобныхъ второстепенныхъ обязанностей при производствѣ суда. Мѣста, гдѣ должны происходить ассизы, опредѣляются особымъ повелѣніемъ тайнаго совѣта. Адвокаты — *common law barrister* — занимающіеся практикой въ вестминстерскихъ судахъ,

приписываются къ какому-либо округу, и во время объѣздовъ судебной комисіи обыкновенно сопровождаютъ ее, каждый въ своемъ circuit.

Лондонъ и вообще все графство Мидльсексъ не принадлежатъ ни къ одному округу. Здѣсь четыре раза въ годъ, въ опредѣленные сроки — terms, — происходятъ судебныя засѣданія въ Гильдгаллѣ и въ Вестминстергаллѣ, на подобіе ассизъ въ circuits.

V.

Мировые судьи.

Въ первый годъ царствованія Эдуарда III издано было повелѣніе, чтобы, въ видахъ болѣе успѣшнаго поддержанія общественнаго спокойствія, въ каждомъ графствѣ выбирались благомыслящіе и вѣрные мужи въ качествѣ охранителей мира. Эти keepers of the peace, нынѣшніе мировые судьи, въ началѣ были ничто иное, какъ помощники прежнихъ должностныхъ лицъ, обязанныхъ заботиться о поддержаніи порядка: судей, шерифовъ, констэблей. Но уже по прошествіи трехъ лѣтъ они получили власть самостоятельно принимать обвиненія отъ присяжныхъ и постановлять по нимъ приговоры. Въ прежнее время право отпускать обвиняемыхъ и арестованныхъ на поруки принадлежало шерифу, а право рѣшенія уголовныхъ дѣлъ — юстиціаріямъ (судьямъ gaol delivery) и особенымъ комисіямъ уголовныхъ судей — commissions de nouvelles enquêtes, учрежденнымъ въ 1328 г. и находившимся въ какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ графства. Но эти комисіи упразднены были въ 1344 г., и статутъ 18 Эдуарда III постановилъ, чтобы рѣшеніе дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ королевскаго мира возлагалось, въ случаѣ надобности, на двухъ или трехъ keepers of the peace каждого графства вмѣстѣ съ другими мудрыми и знающими законы мужами. Такимъ образомъ положено было первое начало нынѣшнимъ четвертнымъ засѣданіямъ. Шестнадцать лѣтъ спустя эта временная уголовная власть — to hear and determine — обращена была (ст. 37 Эдуарда III) въ постоянную, и начиная съ 1363 г. всегда ужъ употребляется нынѣшнее названіе: судья, мировой судья justice of the peace. Этотъ статутъ Эдуарда III впервые содержитъ въ себѣ подробное опредѣленіе обязанности охранителей мира. Они имѣютъ право или сами, или чрезъ посредство другихъ, преслѣдовать нарушителей закона, бунтовщиковъ и возмутителей, арестовать ихъ и подвергать наказанію; имъ дана власть рѣшать дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ — felonies и tresspasses. Последующими статутами опредѣлена была дѣятельность мировыхъ судей по предметамъ полиціи уголовной и предупредительной — surety for good behaviour. Ричардъ II (стат. 12) учредилъ существующія нынѣ

четвертными засѣданія мировыхъ судей, причемъ повелѣлъ, чтобы судьямъ содѣйствовали королевскіе юстиціаріи или другіе sergeants de ley. Пять лѣтъ спустя, состоялось постановленіе о томъ, чтобы въ каждой комисіи мировыхъ судей принимали участіе два юриста (hommes de ley) изъ того же графства.

Tourn court, послѣ стат. 1 Эдуарда IV, утратилъ и ту ограниченную подсудность по дѣламъ о преступленіяхъ, которая у него оставалась еще до этого времени внѣ круга дѣйствій юстиціаріевъ и мировыхъ судей. Съ тѣхъ поръ онъ исполнялъ въ уголовномъ судопроизводствѣ только функцію обвинительнаго джюри; приговоры же по его indictments (обвинительнымъ актамъ) постановлялись на четвертныхъ сѣздахъ мировыхъ судей. Впослѣдствіи пытались было замѣнить утраченную уголовную юрисдикцію tourn courts мировой юстиціею, но эта попытка не удалась. Именно, стат. 33 Генриха VIII постановлено было, чтобы мировые судьи, въ числѣ по крайней мѣрѣ двухъ, за шесть недѣль до открытія четвертныхъ засѣданій объѣзжали по сотнямъ и совершали судъ—hear and determine—, съ участіемъ присяжныхъ, по дѣламъ о менѣ важныхъ проступкахъ. Но уже по прошествіи четырехъ лѣтъ это учрежденіе, какъ сопряженное съ большими затрудненіями, было отмѣнено. Взамѣнъ судовъ: court leet и tourn court впослѣдствіи установлено сокращенное разбирательство передъ однимъ или двумя мировыми судьями. Предметы вѣдомства мировыхъ судей, предоставленные имъ цѣлымъ рядомъ статутовъ по поводу различныхъ отдѣльныхъ случаевъ, изложены систематически въ такъ называемой new commission (формула опредѣленія въ должность мирового судьи), составленной въ царствованіе Елизаветы. Въ настоящее время въ рукахъ мировыхъ судей находится почти все, что входитъ въ область полиціи общественной безопасности и народнаго благосостоянія, вообще самая главная доля самоуправленія графствъ и ихъ подраздѣленій. Сюда относится главнымъ образомъ: надзоръ за призрѣніемъ бѣдныхъ; рѣшеніе дѣлъ о натурализаціи и объ исключеніи изъ числа гражданъ; администрація по части ремеслъ, путей сообщенія, охоты, рыбнаго промысла; повѣрка списковъ присяжныхъ; далѣе, завѣдываніе сборомъ податей въ общинахъ и участіе въ управленіи милиціею. Особенно важной мѣрой предупредительной полиціи служить обезпеченіе, которое мировой судья имѣетъ право, безъ приглашенія присяжныхъ, потребовать отъ всякаго, кто произноситъ угрозы другому лицу, или намѣревается совершить какой либо проступокъ, — обезпеченіе въ томъ, что лицо покушающееся не приведетъ въ исполненіе своего намѣренія и не нарушитъ общественнаго спокойствія—surety of the peace. Въ прежнее время мировой судья могъ также требовать такъ-называемое surety for good behaviour, обезпеченіе въ хорошемъ поведеніи отъ посѣтителей публичныхъ домовъ, ночныхъ гулякъ, всѣмъ извѣстныхъ воровъ; но теперь это вышло изъ

употребленія. Кромѣ того, мировые судьи обязаны прекращать всякія возмутительныя и недозволенныя закономъ собранія, а также принимать мѣры къ искорененію нищенства и бродяжничества на большихъ дорогахъ. Преступниковъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія (*in flagranti*) они берутъ подъ стражу, а также составляютъ приказы объ арестѣ обвиняемыхъ.

Мировые или въ городахъ полицейскіе судьи дѣлаютъ, безъ участія жюри, тѣ przygotowительныя къ процессу распоряженія, которыя обыкновенно, хотя и ошибочно, называются предварительнымъ слѣдствіемъ. Мировой судья обязанъ принять только мѣры къ воспрепятствованію обвиняемому и свидѣтелямъ уклониться отъ явки на ближайшія четвертныя засѣданія или на асессы въ *circuit*, — именно онъ можетъ, если признаетъ нужнымъ, подвергнуть обвиняемаго дѣйствительному или, по крайней мѣрѣ, фиктивному (подъ обезпеченіемъ залога или поручительства) аресту, а отъ свидѣтелей потребовать клятвенное ручательство, *recognizance*, непредставленіе котораго равнымъ образомъ влечетъ за собою арестъ свидѣтеля. Съ этою цѣлью мировой судья, правда, допрашиваетъ свидѣтелей, подобно тому какъ въ Германіи при предварительномъ слѣдствіи, и въ прежнее время чаще, чѣмъ теперь снимался допросъ также и съ обвиняемаго; но во всякомъ случаѣ между этимъ предварительнымъ производствомъ и процессомъ нѣтъ ни малѣйшей органической связи.

О подсудности мировыхъ судей по дѣламъ уголовнымъ, которыя они рѣшаютъ отчасти въ общемъ порядкѣ судопроизводства, т. е. при содѣйствіи жюри, отчасти въ порядкѣ сокращеннаго разбирательства, т. е. безъ присяжныхъ, мы будемъ говорить ниже.

Въ области гражданскихъ дѣлъ кругъ дѣйствія мировыхъ судей въ настоящее время весьма ограниченный. Имъ подсудны: дѣла о взысканіи безспорныхъ недоимокъ по уплатѣ десятины; дѣла касающіяся найма ремесленниковъ, фабричныхъ и сельскихъ рабочихъ, и непревышающія по цѣнности десяти фунт.; искъ о выводѣ изъ владѣнія, простирающіеся до двадцати фунт.; далѣе, незначительныя спорныя дѣла по арендѣ и найму домовъ или иныхъ помѣщеній; тяжбы между матросами и капитанами судовъ; наконецъ, искъ соблазнительей объ истребованіи отъ нихъ известной суммы на содержаніе прижитыхъ отъ нихъ дѣтей. Дѣла эти рѣшаются отчасти двумя, отчасти однимъ мировымъ судьей безъ приглашенія жюри. Кромѣ того, мировые судьи имѣютъ право, подобно мерамъ и шерифамъ, вводить во владѣніе лицъ, насильственно лишенныхъ своей собственности; но при этомъ необходимо участіе присяжныхъ.

Прежнія попытки расширить предѣлы гражданской юрисдикціи мировыхъ судей не удались. Къ числу такихъ попытокъ относится постановленіе статута 4 Генриха VII о томъ, чтобы всякій подданный, которому нанесено какое-либо оскорбленіе или причиненъ убытокъ, обращался

съ жалобою прежде всего къ ближайшему мировому судѣ, въ случаѣ безуспѣшности—къ ассизнымъ судьямъ, и, наконецъ, въ послѣдней инстанціи — къ канцлеру или къ самому королю. Но по отношенію къ мировымъ судьямъ статутъ этотъ никогда не исполнялся на практикѣ какъ слѣдуетъ.

Главное мѣсто между мировыми судьями занимаетъ такъ-называемый *custos rotulorum*, которому принадлежитъ почетное предсѣдательство на четвертныхъ мировыхъ сѣздахъ; онъ же отвѣтствуетъ за сохранность протоколовъ засѣданій, отчего произошло и самое его названіе. Должность *custos rotulorum* исправляетъ обыкновенно *lord-lieutenant*—начальникъ милиціи графства. Письменной частью на четвертныхъ сѣздахъ завѣдуетъ *clerk of the peace*, назначаемый *custos rotulorum*, и выбираемый всегда изъ атторнеевъ, *attorneys*. На другихъ мировыхъ засѣданіяхъ обязанность писмоводителей исполняютъ *clerks of justices*.

Дѣла по предметамъ мировой юстиціи исполняются или однимъ мировымъ судьей, или нѣсколькими мировыми судьями въ совокупности. Всякое засѣданіе, на которомъ присутствуютъ двое или болѣе мировыхъ судей, называется *session*,—притомъ *petty session* (малый сѣздъ), когда не имѣетъ въ виду собраніе представителей мировой юстиціи со всего графства, и *special session*, когда на сѣздъ приглашены всѣ мировые судьи графства, одного изъ округовъ графства или, по крайней мѣрѣ, одной сотни. Четвертные засѣданія (*quarter sessions*) суть сѣзды, происходящіе въ опредѣленные закономъ сроки, и состоящіе изъ представителей мировой юстиціи графства или какого-либо округа графства. Функции полиціи предупредительной, гражданская юрисдикція, предварительное производство по дѣламъ уголовнымъ и сокращенное разбирательство менѣе важныхъ уголовныхъ случаевъ лежатъ вообще на обязанности отдѣльныхъ мировыхъ судей или малаго сѣзда. *Special sessions* занимаются преимущественно извѣстнаго рода административными дѣлами, кромѣ того, рѣшаютъ сокращеннымъ порядкомъ дѣла о нѣкоторыхъ проступкахъ и иски о доставленіи денегъ на содержаніе прижитыхъ внѣ брака дѣтей.

Четвертные сѣзды мировыхъ судей—*court of general quarter sessions of the peace*,—на основаніи статутовъ 11 Георга IV и 1 Вильгельма IV, должны собираться въ каждомъ графствѣ въ первую недѣлю послѣ 11 октября, 28 декабря, 31 марта и 24 іюня каждаго года. Для открытія сѣзда необходимо присутствіе двухъ или болѣе мировыхъ судей, изъ которыхъ одинъ долженъ принадлежать къ числу *quorum*. Въ случаѣ большаго накопленія дѣлъ собравшіеся мировые судьи могутъ раздѣлиться на отдѣленія. Кромѣ этихъ срочныхъ *general quarter sessions*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бывають еще особенные сѣзды *general sessions*, пользующіеся почти равною съ предъидущими властью. — Для графства Мидлсексъ статутами 7 и 8 Викторіи установлены ежемѣсячно два ми-

ровыхъ сѣзда, изъ которыхъ сѣзды, бывающіе въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, представляютъ general quarter sessions графства; правительство посылаетъ на эти сѣзды одного изъ старшихъ адвокатовъ (который вмѣстѣ тѣмъ мировой судья) съ тѣмъ, чтобъ онъ, въ качествѣ судьи-ассистента (assistant judge), руководилъ совѣщаніями мировыхъ судей по дѣламъ о преступленіяхъ, по аппеляціямъ и всѣмъ относящимся сюда предметамъ. Въ подражаніе этому въ послѣднее время и въ другихъ графствахъ вошло въ обыкновеніе поручать управленіе судебными преніями на четвертныхъ засѣданіяхъ лицу, получившему юридическое образованіе.

Четвертные сѣзды занимаются важнѣйшими дѣлами по части администраціи и разбираютъ уголовные случаи, подлежащіе рѣшенію въ общемъ порядкѣ судопроизводства, т. е. съ участіемъ присяжныхъ. Эти собранія представляютъ вѣнецъ автономіи графствъ. Здѣсь устанавливаются нормы по всѣмъ дѣламъ, касающимся графства, назначаются важнѣйшія должностныя лица въ графствѣ, опредѣляется размѣръ налоговъ, платимыхъ графствомъ, утверждаются смѣты построекъ, лежащихъ на обязанности графства, какъ-то тюремъ, исправительныхъ заведеній, помѣщеній для судовъ, цейхгаузовъ для милиціи, мостовъ и т. п., выдаются позволенія на открытіе извѣстнаго рода промышленныхъ заведеній. Дѣла по предмету общественной безопасности (surety of the peace) и искорененію бродяжничества рѣшаются тоже административнымъ порядкомъ и безъ приглашенія присяжныхъ. Кромѣ того, четвертные засѣданія представляютъ аппеляціонную инстанцію по уголовнымъ дѣламъ, разбираемымъ однимъ или двумя мировыми судьями въ порядкѣ сокращеннаго производства, а равно по дѣламъ административнымъ и гражданскимъ, рѣшеннымъ такимъ же образомъ. По дѣламъ перваго рода аппеляція можетъ быть приносима во всѣхъ случаяхъ, хотя бы и неозначенныхъ опредѣленно въ законѣ; по дѣламъ же втораго рода, т. е. гражданскимъ и административнымъ, — лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она прямо дозволена закономъ. Аппеляціонныя жалобы разсматриваются на сѣздѣ, какъ и во всѣхъ вообще судахъ обычнаго права, изустно и публично, но обыкновенно безъ участія присяжныхъ.

Разграниченіе круга вѣдомства четвертныхъ засѣданій и полугодныхъ ассизъ вестминстерскихъ судей остается почти тоже самое, какое опредѣлено было въ статутѣ 37 Эдуарда III. Вѣдѣнію мировыхъ сѣздовъ съ самаго начала предоставлены были всѣ безъ различія felonies и tresspasses. Но, по употребительной классификаціи преступленій, въ это число не входила государственная измѣна—treason—и, вѣроятно, также предумышленное убійство—murder. Эти два самыя тяжкія преступленія подлежали суду юстиціаріевъ; послѣднимъ подсудны были также и тѣ фелоніи, дѣла о которыхъ могли быть рѣшены въ округахъ скорѣе, или тѣ, при разборѣ которыхъ мировые судьи должны бы были встрѣтить осо-

бенныя затрудненія. Законодательство и до сихъ поръ осталось при этомъ общемъ, въ сущности лишь отрицательномъ опредѣленіи границъ власти обоихъ установленій. Впрочемъ, нужно замѣтить, что множество отдѣльныхъ уголовныхъ законовъ, касающихся матеріальнаго права, содержатъ въ себѣ постановленія или совмѣстной юрисдикціи мировыхъ судей и юстиціаріевъ, или объ исключительной подсудности тѣхъ или другихъ.

Преступленія, изъятые изъ вѣдомства мировыхъ сѣздовъ, подробно перечислены въ статутахъ 5 и 6 Викторіи. Сюда относятся: измѣна и недонесеніе (*misprision*) объ измѣнѣ; предумышленное убійство; всѣ преступленія, угрожаемыя смертною казнью; всѣ преступленія, влекущія за собою пожизненную ссылку, — если только подсудимый не былъ уже наказанъ за *felony*; преступленія противъ особы, титула, правъ — *prerogative* — и правительства королевы или противъ палаты парламента; *praemunire* (преступленія подвергающія конфискаціи имущества); богохульство и преступленія противъ религіи; требованіе или произнесеніе противозаконной присяги; клятвопреступленіе и подстрекательство — *subornation* — къ клятвопреступленію; подлогъ; двоебрачіе и преступленія противъ законовъ о бракѣ; похищеніе женщинъ; скрытіе родовъ; преступленія противъ законовъ о банкротахъ и несостоятельныхъ должникахъ; составленіе, печатаніе, изданіе въ свѣтъ богохульныхъ или возмутительныхъ сочиненій, или сочиненій, заключающихъ въ себѣ диффамачію — *defamatory*; поджогъ нивъ, лѣсовъ, рощей и. т. п.; подкупъ; заговоръ съ цѣлью совершенія преступленія, — если только самое преступленіе не подлежитъ вѣдѣнію мировыхъ судей; кража и умышленное скрытіе или уничтоженіе протоколовъ суда или актовъ процесса; кража, уничтоженіе, скрытіе духовныхъ завѣщаній, или документовъ о владѣніи землею или извѣстнаго рода имуществомъ.

Въ отношеніи тѣхъ уголовныхъ проступковъ, которые не предоставлены прямо вѣдѣнію странствующихъ судей, эти послѣдніе и четвертные сѣзды пользуются совмѣстной юрисдикціею. По дѣламъ о проступкахъ новаго рода подлежащимъ судомъ считаются полугодичныя ассизы; мировые же судьи могутъ разбирать и рѣшать подобныя дѣла только въ случаѣ яснаго на то предписанія закона. Ассизные судьи имѣютъ также право посредствомъ особеннаго декрета потребовать къ себѣ для разсмотрѣнія всякій отдѣльный случай совмѣстной подсудности.

Съ другой стороны, законъ выдѣлилъ цѣлый рядъ менѣе важныхъ проступковъ, которые должны быть судимы только на четвертныхъ мировыхъ сѣздахъ. Сюда относятся главнымъ образомъ проступки болѣе полицейскаго свойства, находящіеся въ близкой связи съ административною дѣятельностью сѣзда, какъ-то: нарушенія законовъ объ охотѣ и азартныхъ играхъ, о большихъ дорогахъ, о пивныхъ, о незаконнорож-

денныхъ дѣлахъ, о призрѣніи бѣдныхъ, о заработной платѣ, объ отношеніяхъ между мастерами-хозяевами и ихъ учениками.

Дѣла по проступкамъ этого рода рѣшаются обыкновенно въ общемъ порядкѣ судопроизводства, т. е. на основаніи обвинительнаго акта и съ участіемъ джюри, и только въ исключительныхъ случаяхъ—въ сокращенномъ порядкѣ, безъ присяжныхъ. Законъ точно опредѣляетъ какой именно порядокъ долженъ имѣть мѣсто въ каждомъ данномъ случаѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ обширный классъ менѣе важныхъ проступковъ, которые разбираются однимъ или двумя мировыми судьями безъ приглашенія джюри. Проступки эти раздѣляются на двѣ категоріи: во-первыхъ, полицейскія нарушенія, какъ-то праздная божба — *common swearing*, — пьянство, бродяжничество, несоблюденіе воскресныхъ дней, неисполненіе полицейскихъ правилъ о путяхъ сообщенія, судоходствѣ, печати, нравственности, охотѣ, рыбной ловлѣ, ремеслахъ и промышленности; и во-вторыхъ, незначительные уголовные случаи, именно тѣ, которые въ прежнее время подлежали суду сотни и *courts leet*. Впрочемъ, это подраздѣленіе только приблизительное. Употребленіе сокращеннаго разбирательства основывается всегда на новѣйшихъ статутахъ, въ которыхъ обыкновенно вслѣдъ за опредѣленіемъ наказанія за извѣстное преступное дѣйствіе, помѣщается указаніе на самый порядокъ производства дѣлъ объ этого рода дѣйствіяхъ. Сокращеннымъ порядкомъ судятся преимущественно: оскорбленія дѣломъ и т. п., жестокое обращеніе съ животными, кража собакъ, похищеніе кольевъ отъ изгородей и заборовъ, кража растений, плодовъ, кражи на сумму до 5 шиллинговъ и семейныя кражи, мелочныя порубки лѣса, покушеніе на карманное воровство, злонамѣренное поврежденіе чужаго имущества. Равнымъ образомъ, наказаніе за утайку налоговъ, пошлинъ, денегъ, слѣдуемыхъ за пересылку по почтѣ корреспонденціи присуждается обыкновенно путемъ *summary conviction*. Очень часто выборъ между общимъ порядкомъ производства, съ присяжными, и сокращеннымъ порядкомъ—представляется подсудимому; въ иныхъ же случаяхъ мировой судья самъ выбираетъ тотъ или другой порядокъ разбирательства.

Институтъ мировыхъ судей не имѣетъ ничего подобнаго себѣ въ учрежденіяхъ континента,—не только по отсутствію въ немъ всякой бюрократической лѣстницы, не только потому, что важная и часто весьма трудная общественная должность исполняется безъ всякаго денежнаго вознагражденія. Должность мирового судьи есть, кромѣ того, повинность и прерогатива джентри; она представляетъ ту форму общественной дѣятельности, подъ которой всякій, получившій воспитаніе какъ *gentleman* и имѣющій средства къ независимой жизни, приноситъ свои услуги обществу и въ тоже время вступаетъ въ ряды господствующаго *gentry*. Ядро мировыхъ судей составляютъ въ графствахъ богатые землевладельцы. За ними слѣдуютъ лица духовнаго званія, адвокаты, капита-

листы и негоціанты, оставившіе свою прежнюю профессію. Члены сельскаго джентри обыкновенно тотчасъ же по достиженіи 21 лѣтнаго возраста записываются въ число мировыхъ судей. Но такимъ образомъ они получаютъ одно только званіе; права же и отиравленіе должности обусловливается еще затѣмъ грамотою канцлера, writ of dedimus potestatem, и принесеніемъ присяги на вѣрность службы и такъ-называемой квалификаціонной присяги. Кругъ дѣйствія мирового судьи, по закону, распространяется на все графство, въ которомъ онъ служитъ; поэтому въ предѣлахъ графства всѣ мировые судьи пользуются совмѣстной юрисдикціей. Впрочемъ, фактическое раздѣленіе графства на нѣсколько меньшихъ мировыхъ округовъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе приобрѣтаетъ значеніе законнаго. Въ прежнее время изъ среды мировыхъ судей выдѣлялся особенный классъ ихъ, который состоялъ изъ юристовъ-техниковъ и носилъ названіе quorum. Теперь же подъ категорію quorum подходятъ обыкновенно всѣ мировые судьи графства.

Кромѣ 19 counties corporate, т. е. такихъ городовъ, изъ которыхъ каждый составляетъ самостоятельное графство, существуетъ нѣсколько сотъ городовъ, которые или въ силу своихъ древнихъ вольностей, или на основаніи устава о городахъ 1835 г. (стат. 5 и 6 Вильгельма IV с. 76), или, наконецъ, вслѣдствіе привилегій, пожалованныхъ въ недавнее время, — изъяты, въ большей или меньшей степени, изъ вѣдомства мировой юстиціи графства, и имѣютъ своихъ собственныхъ мировыхъ судей. Эти мировые судьи, встарину избиравшіеся городскими корпораціями, justices by charter, — въ настоящее время выбираются правительствомъ изъ городскаго джентри, — кромѣ только мера, который по выбору отъ гражданъ исполняетъ должность мирового судьи въ продолженіе своего служебнаго года и въ слѣдующемъ году. Городскіе мировые судьи пользуются на пространствѣ семи миль вокругъ города совмѣстною властью съ мировыми судьями графства; но не участвуютъ, однакоже, на четвертныхъ засѣданіяхъ. Сверхъ того, въ случаѣ ходатайства городскихъ представителей, королева назначаетъ въ эти города еще полицейскихъ судей, состоящихъ на жалованьи—stipendiary magistrates.

Во многихъ городахъ и мѣстечкахъ сохранился отъ среднихъ вѣковъ еще особенный court of quarter sessions of the peace, состоявшій изъ городскихъ recorders, а при отсутствіи ихъ изъ мировыхъ судей. Предметы вѣдомства его были тѣ же, что и четвертныхъ мировыхъ сѣздовъ графствъ; за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ частей администраціи, но часто ему подлежали также и capital felonies (тяжкія преступленія). Въ предѣлахъ города этотъ муниципальный судъ пользовался отчасти исключительной юрисдикціей, отчасти совмѣстной съ мировыми судьями. Положеніе о городахъ 1835 г. оставило за городскими courts of quarter sessions только обыкновенную подсудность четвертныхъ засѣданій. Дол-

жность судьи въ этихъ судахъ исполняетъ recorder, назначаемый пожизненно отъ короны. Юрисдикція мировыхъ съѣздовъ графства не распространяется болѣе на эти города.

VI.

Коронеры.

Должность коронера возникла, вѣроятно, вскорѣ послѣ завоеванія Англіи Норманнами. Уже capitula placitorum regis 1194 г. содержатъ въ себѣ постановленіе: In quolibet comitatu eligantur tres milites et unus clericus, custodes placitorum corone (въ каждомъ графствѣ должны быть избираемы трое изъ военнаго сословія и одинъ изъ духовнаго въ качествѣ блюстителей уголовнаго закона). Въ цѣломъ рядѣ уголовныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ періодъ времени 1184—1214 г., замѣтно участіе coronarius domini regis. Сообразно этому въ проектѣ великой хартии определено было: Nullus vicescomes intromittat se de placitis corone sine coronatoribus (шерифъ не имѣетъ права безъ коронеровъ приступить къ производству уголовныхъ дѣлъ). Напротивъ того, текстъ Magna Charta запрещаетъ коронерамъ производить уголовныя дѣла. Онъ говоритъ: Nullus vicecomes, constabularius, coronator vel alii ballivi nostri teneant placita corone (ни шерифъ, ни констэбль, ни коронеръ, никакой либо иной намѣстникъ нашъ не рѣшаютъ дѣлъ уголовныхъ). Обязанности коронера подробно изложены у Брактона и послѣдующихъ писателей, а также во множествѣ статутовъ, относящихся къ послѣдней четверти XV столѣтія. Странно только, что въ этихъ источникахъ рядомъ съ custodes placitorum corone упоминаются coronatores, хотя, по всей вѣроятности, оба эти названія обозначали одно и тоже должностное лицо.

Различаютъ три рода коронеровъ: virtute officii, virtute chartae sive commissionis, virtute electionis (по праву должности, по праву назначенія, по праву выбора). Первый классъ заключаетъ въ себѣ одного только представителя — предсѣдателя королевской скамьи, который по своей должности считается верховнымъ коронеромъ въ государствѣ. Ко второй категоріи принадлежатъ, кромѣ лондонскаго лордъ-мера, тѣ коронеры, которыхъ назначаетъ въ извѣстныя округа король, или, на основаніи особенныхъ привилегій, отдѣльные лорды и епископы, — далѣе, коронеры адмиралтейства, королевской скамьи и королевскаго двора (of the king's household). Число выборныхъ коронеровъ, въ сравненіи съ которыми двѣ предъидущія категоріи теряютъ почти всякое значеніе, измѣняется въ отдѣльных графствахъ между двумя, четырьмя и шестью. Выборъ въ

коронеры производятся землевладельцами графства. По старинному праву, въ предѣлахъ графства всѣмъ коронерамъ, подобно тому, какъ мировымъ судьямъ, присвоена совмѣстная юрисдикція. Каждый коронеръ въправѣ приступить къ отправленію своей должности въ какомъ бы мѣстѣ графства онъ ни находился. Впрочемъ, города и мѣстечки, пользующіеся привилегіей собственныхъ четвертныхъ засѣданій, имѣютъ своихъ особенныхъ коронеровъ; а послѣ того, какъ введены были особые коронеры для нѣкоторыхъ независимыхъ въ административномъ отношеніи подраздѣленій графства, — статуты 7 и 8 Викт. гл. 92 установили общее правило, чтобы коронеръ избирался для одного только округа въ предѣлахъ графства.

При учрежденіи должности коронера имѣлось въ виду главнымъ образомъ — охранять интересы короны, соединенные съ отправленіемъ уголовного правосудія въ графствахъ, посредствомъ особенныхъ, независимыхъ отъ шерифа чиновниковъ. Сообразно средневѣковому воззрѣнію на судъ, какъ на источникъ дохода, сообразно экономическимъ условіямъ норманскаго государственнаго строя, эти интересы въ сущности сводились на обогащеніе казны. Осужденіе за уголовное преступленіе *placitum corone*, влекло за собою, какъ необходимое послѣдствіе, конфискацію въ пользу правительства движимаго и недвижимаго имущества преступника. Этотъ выводъ, заимствованный изъ феодальнаго права, стоялъ на первомъ планѣ при отправленіи уголовной юстиціи, такъ что даже, благодаря ему, всѣ преступленія стали называться общимъ именемъ *felony*. Такое пониманіе обязанностей коронера повело къ тому, что коронеры должны были поддерживать другія притязанія фиска подобнаго же или даже совершенно разнороднаго свойства. Такимъ образомъ къ предметамъ вѣдомства коронеровъ, на основаніи статута 4 Эдуарда I *de officio coronatorum*, отнесены слѣдующія дѣла: о найденныхъ кладахъ, *deodanda*, о выбрасываемыхъ на берегъ обломкахъ разбившихся кораблей — *wrake*, объ истребованіи слѣдуемой въ пользу короля части пойманной рыбы; объ имуществѣ, оставшемся послѣ самоубійцы (на самоубійство смотрѣли тоже какъ на *felony*). Охраненіе интересовъ казны сдѣлалось исторической основой, на которой совершалась и до сихъ поръ еще совершается офиціальная дѣятельность коронера. Въ отношеніи преслѣдованія преступленій коронеръ первоначально пользовался такимъ же правомъ инициативы, какое нѣкогда присвоено было розыскному джюри; присяжные коронера и теперь еще представляютъ нѣчто подобное розыскному джюри. Въ теченіи долгаго времени коронеръ былъ настоящимъ слѣдственнымъ судьей въ континентальномъ значеніи этого слова. Да и теперь англійское право допускаетъ настоящее предварительное слѣдствіе только въ той мѣрѣ, въ какой оно замѣняется слѣдственной дѣятельностью коронера. Когда розыскъ вышелъ изъ употребленія и на мѣсто его введена жалоба потерпѣвшаго отъ пре-

ступленія лица, въ соединеніи съ приговоромъ обвинительнаго джюри, — коронеру остались въ сущности только тѣ уголовные случаи, въ которыхъ пострадавшее лицо не въ состояніи само заявить о совершенномъ надъ нимъ злодѣянніи — т. е. различные роды убійства. Первоначальное фискальное назначеніе должности коронера обнаруживается и здѣсь тѣмъ, что коронеръ преслѣдуетъ только главныхъ виновниковъ преступленія: зачинщиковъ и сообщниковъ, такъ-называемыхъ *accessaries before the fact*, и не обращаетъ вниманія на второстепенныхъ: укрывателей и т. п. — *accessaries after the fact*, — потому что только первыхъ постигаетъ конфискація имущества, какъ прибавочная кара за *felony*.

Нѣтъ сомнѣнія, что на установленіе должности коронера вліяло въ нѣкоторой степени еще другое обстоятельство. Именно: въ началѣ норманскаго владычества введенъ былъ судебный поединокъ по частному обвиненію въ уголовномъ преступленіи, а потому явилась необходимость создать такой органъ, который бы лучше понималъ условія новаго порядка производства, чѣмъ шерифъ, вращающійся въ средѣ совершенно иного судоустройства и иныхъ формъ процесса.

Если мы оставимъ въ сторонѣ обязанность коронера по охраненію общественнаго спокойствія и обязанность заступать мѣсто шерифа, существующую и до сихъ поръ, то увидимъ, что первоначально вся дѣятельность коронера въ уголовномъ судопроизводствѣ распадалась на три главные отдѣла: пріемъ частныхъ обвиненій; изслѣдованіе состава преступления въ случаяхъ скоропостижной или инымъ образомъ подозрительной смерти, или также въ случаѣ другихъ преступленій; и, наконецъ, примѣненіе законовъ о правѣ убѣжища.

Пока существовала форма частнаго обвиненія — *арреал* — въ отношеніи убійства, грабежа, изнасилованія, тѣлесныхъ поврежденій, это обвиненіе, по общему правилу, должно было подаваться коронеру. До изданія *Magna Charta* коронеру принадлежало все веденіе процесса, возникшаго по частному обвиненію. Со времени же великой хартіи ему предоставлено было только: принятіе частнаго обвинительнаго акта — *bill of arrear*; — подтвержденіе факта, что частный обвинитель оставилъ дальнѣйшее преслѣдованіе; вызовъ обвиняемаго чрезъ посредство шерифа; и начатіе заочнаго процесса противъ неявившагося по вызову.

Видоизмѣненіемъ частнаго обвинителя былъ такъ-называемый *арровер*, т. е. такой обвиняемый, который сознавался въ своей винѣ, но въ тоже время обвинялъ другое лицо въ какомъ либо преступленіи и брался доказать его виновность посредствомъ судебного поединка. Сознаніе и частное обвиненіе *арровера* долженъ былъ принимать коронеръ. На обязанности послѣдняго лежало также, съ извѣстными ограниченіями, представленіе въ судъ лица, обвиняемаго *арроверомъ*. Съ отмѣною частнаго обвиненія и учрежденія *арровера* прекратилась, разумѣется, и дѣятель-

ность коронера, сопряженная съ этимъ порядкомъ производства. Въ настоящее время лишь королевскій свидѣтель, замѣнившій въ нѣкоторомъ родѣ *approver*'а, можетъ явиться точно также къ коронеру, какъ и во всякій другой судъ. Безслѣдно уничтожилась и третья функція коронера, основанная также на принятіи отъ виновнаго признанія: въ прежнее время преступникъ, воспользовавшійся правомъ убѣжища, долженъ былъ сознаваться въ своей винѣ предъ коронеромъ, подвергаться клейменію (буквою А) и давать торжественную клятву, что онъ оставитъ предѣлы государства и никогда не возвратится назадъ.

Такимъ образомъ на долю коронера осталось только предварительное производство по самымъ важнымъ уголовнымъ дѣламъ *placita corone*. Коронеръ раскрываетъ объективный и субъективный составъ преступленія во всѣхъ случаяхъ насильственной или сомнительной смерти — *coroners inquest, inquisition*. Сюда же причисляются всѣ случаи смерти арестантовъ въ тюрьмѣ; такъ какъ въ этихъ случаяхъ весьма естественно подозрѣвать, что причиной смерти было дурное обращеніе съ арестантами. Слѣдствіе коронера производится не иначе, какъ при наличности мертвaго тѣла, *super visum corporis* (это напоминаетъ древнѣйшую форму джюри — *assisa*), и всегда съ участіемъ присяжныхъ. Гдѣ нѣтъ трупа, тамъ не можетъ быть и слѣдствія коронера. Сверхъ того, до изданія статутовъ 6 и 7 Викторіи с. 12 слѣдствіе должно было производиться на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ послѣдовала смерть лица, умершаго неестественнымъ образомъ. Въ видѣ отвѣта на вопросъ: *quomodo ad mortem devenit defunctus* (какимъ образомъ умеръ покойникъ), англійскіе юристы различаютъ слѣдующіе виды смерти: *ex visitatione dei* (волею Божіею) — естественная смерть; *per infortunium* (вслѣдствіе несчастнаго случая) безъ участія другаго лица; отъ собственной руки; отъ руки неизвѣстнаго; отъ руки извѣстнаго посторонняго лица. Послѣдній видъ смерти подраздѣляется въ свою очередь на убійство предумышленное, убійство неумышленное, убійство во время защиты себя или другихъ, убійство *per infortunium*, по нечаянности. При этомъ интересы уголовного правосіа смѣшивались самымъ страннымъ образомъ съ интересами фиска. При производствѣ слѣдствій о несчастныхъ смертныхъ случаяхъ коронеръ долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы животное, или неодушевленный предметъ, бывшій причиною смерти — *Deodand* — или цѣнность его въ деньгахъ представлены были въ казну. Далѣе, коронеръ забиралъ въ пользу короны имущество, оставшееся послѣ самоубійцы — *felo de se*. Особенное вниманіе коронеръ обязанъ былъ обращать на то обстоятельство, не скрывалось ли подозрѣваемое лицо бѣгствомъ, и въ такомъ случаѣ — какія вещи остались послѣ него. Эти вещи конфисковались, на основаніи вердикта присяжныхъ коронера, и уже не возвращались вла-

дѣльцу, хотя бы даже онъ впоследствии и былъ оправданъ по суду во вводимомъ на него обвиненіи.

Согласно требованіямъ разумной теоріи и новѣйшей судебной практики, коронеръ при производствѣ слѣдствія долженъ собирать доказательства за и противъ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ мировой судья при предварительномъ производствѣ. Но рѣшеніе присяжныхъ коронера въ пользу обвиняемаго не обязываетъ ни обвинителя, ни большое джюри, въ которое потомъ поступить дѣло. Какъ обвинитель, такъ и большое джюри имѣютъ право преслѣдовать обвиняемаго даже за болѣе тяжкій видъ убійства, чѣмъ тотъ, который принятъ въ приговорѣ присяжныхъ коронера, — могутъ возбуждать процессъ по такому обвиненію, которое признано присяжными коронера не заслуживающимъ уваженія, или подвергать суду лицо, объявленное этими послѣдними невиннымъ.

Должность коронера, въ продолженіе своего болѣе чѣмъ семисотлѣтняго существованія, подвергалась въ высшей степени замѣчательнымъ превращеніямъ. Коронеръ, назначаемый сначала королемъ, скоро сталъ избираться жителями графства, и въ настоящее время представляетъ самую важную общественную должность, отправляемую по выбору. Первоначальное назначеніе коронера состояло въ охраненіи интересовъ фиска, производствѣ процессовъ по частнымъ обвиненіямъ, примѣненіи законовъ о правѣ убѣжища. Изъ всѣхъ этихъ предметовъ вѣдомства коронеровъ теперь ничего почти не осталось. Уже во времена Кока (Coke) — около 1600 г. — обширный кругъ дѣйствія coroners inquest ограничивался въ сущности одними только сомнительными смертными случаями. Въ настоящее время эта должность замѣщается часто атторнеями и хирургами, и лишена своего прежняго независимаго значенія: коронеры поставлены подъ нѣкотораго рода officialный надзоръ мировыхъ судей.

Но не смотря на всѣ превратности въ судьбѣ самого коронера, джюри его сохранилось безъ всякаго измѣненія. Между тѣмъ, какъ розыскное джюри уничтожилось, а обвинительное и судящее джюри получили отдѣльное существованіе, присяжные коронера и до сихъ поръ соединяютъ въ себѣ три различныя функціи, свойственныя названнымъ учрежденіямъ.

Обязанность коронера производить слѣдствія о найденныхъ кладахъ, о кораблекрушеніяхъ, забирать въ казну выброшенные на берегъ вещи съ потонувшаго судна—wreck, — хотя все еще остается за нимъ по закону, но на практикѣ уже не имѣетъ почти никакого примѣненія.

VII.

Судьба древнихъ народныхъ судовъ.

Начиная съ XIII и XIV столѣтій старинные народные суды, существовавшіе въ цѣломъ королевствѣ, все болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія. Неограниченная власть государственныхъ судовъ, предпочтеніе мировой юстиціи, ограниченіе круга дѣйствія присяжнаго судопроизводства вестминстерскими судами, мировыми судьями и коронерами, и наконецъ постепенно укоренившееся убѣжденіе, что участіе джюри составляетъ существенный элементъ всякаго справедливаго процесса, fair trial, по обычному праву — вотъ тѣ обстоятельства, которыя были причиною упадка народныхъ судовъ. Все, что уцѣлѣло до нашего времени отъ этихъ англосаксонскихъ судовъ, и что не отмѣнено еще законодательнымъ порядкомъ, носить на себѣ характеръ крайняго разрушенія. Упадкомъ народныхъ судовъ объясняется и тотъ фактъ, что въ Англіи до послѣдняго времени въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій не существовало общихъ гражданскихъ судовъ, однообразныхъ во всемъ государствѣ. Всякая сколько нибудь значительная судебная власть основывалась на особенной привилегіи.

Curiae baronum уничтожились, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда. Court baron, правда, и до сихъ поръ еще упоминается въ учебникахъ англійскаго права, гдѣ говорится, что засѣданія этого суда происходятъ черезъ каждыя три недѣли, что онъ производитъ дѣла на основаніи breve de recto, или рѣшаетъ другіе вещные и смѣшанные иски, а также долговые иски, не превышающіе сорока шиллинговъ; рассказывается, что судъ графства и высшіе суды имѣютъ право потребовать къ себѣ court baron, производство по writ of right, равно какъ всѣ другіе иски; наконецъ перечисляются способы апелляціи, допускаемые на судъ барона. Но все это описаніе court baron дѣлается для того только, чтобы вслѣдъ затѣмъ помѣстить примѣчаніе, въ которомъ объясняется, что этотъ судъ совершенно вышелъ изъ употребленія и забытъ. А вышелъ онъ изъ употребленія уже давно, еще раньше того времени, когда статуты 3 и 4 Вильгельма IV гл. 27 § 36 исключили изъ его вѣдомства дѣла по writ of right вмѣстѣ съ множествомъ другихъ вещныхъ и смѣшанныхъ исковъ. Теперь существуетъ только выродокъ суда court baron, учрежденіе, которому принадлежитъ публичная продажа участковъ земли, называемыхъ сорухолд.—Если говорить о присяжныхъ, участвовавшихъ въ этомъ судѣ, то подъ этимъ собственно слѣдуетъ понимать старинныхъ suitors.

Также безслѣдно погибли: *hundred court*, гражданскій судъ сотни, и *sheriffs tourn* — судные дни, открывавшіеся въ сотняхъ шерифомъ или баллифомъ, *ballivus*, съ цѣлью производства розысковъ, наблюденія за исполненіемъ фридборга и рѣшенія маловажныхъ уголовныхъ случаевъ. Юрисдикція миревыхъ судей и замѣна мѣстнаго розыскаго джюри однимъ обвинительнымъ джюри для всего графства — положили конецъ судейской дѣятельности шерифа.

Лучше сохранились кое-гдѣ, въ видѣ исключенія, остатки мѣстныхъ уголовно-полицейскихъ судовъ — *court leet*, — въ которыхъ участвуютъ *suitors* подъ именемъ присяжныхъ, хотя это такъ-называемое джюри часто остается на службѣ по цѣлому году, рѣшаетъ *ex professo*, кромѣ вопроса о фактѣ, также и вопросъ о правѣ, и при неопредѣленности качествъ, требуемыхъ отъ *suitors*, не можетъ считаться настоящимъ представителемъ общины.

Одинаковую съ предыдущими судами участь раздѣлили и старинный *county court*, судъ графства, который собирался ежемѣсячно и рѣшалъ всѣ долговые иски, не превышавшіе 40 шиллинговъ. Подсудность его по дѣламъ этого рода была такъ велика, что если онъ отказывалъ истцу, то искъ не могъ уже получить движенія ни въ какомъ другомъ установленіи. Иски на большую сумму онъ могъ разбирать только въ тѣхъ случаяхъ, когда бывалъ уполномоченъ на то особенною *writ* канцлера. Наконецъ, ему подлежали также разнаго рода вещные иски. Остатки судейскихъ функцій этого стариннаго «*forum plebeiae justitiae et theatrum comitivae potestatis*» (судилище народнаго правосудія и мѣсто дѣйствія мірской власти) перешли въ послѣдствіи въ *courts of request*. Долѣе удержалось учрежденіе, состоявшее въ томъ, что на этомъ собраніи землевладѣльцевъ графства, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ шерифа, объявляли во всеобщее свѣдѣніе всѣ акты парламента, по окончаніи законодательной сессіи, провозглашали скрывавшихся преступниковъ изгнанными изъ отечества, и производили выборы въ общественныя должности графства. Отмѣна подсудности по вещнымъ искамъ и веденіе новыхъ судовъ графствъ (въ 1846 г.) положили конецъ жалкому существованію древнихъ *county courts*.

Посреди этихъ преобразованій въ судоустройствѣ должность стариннаго судьи графства, — шерифа, все болѣе и болѣе лишалась своихъ судейскихъ правъ. Чѣмъ глубже укоренялась основная мысль судопроизводства по обычному праву: *ad quaestionem juris respondent judices, ad quaestionem facti respondent juratores* (на вопросъ о правѣ должны отвѣчать судьи, на вопросъ о фактѣ — присяжные), тѣмъ несостоятельнѣе становилось простое «держаніе» суда въ томъ видѣ, какъ оно отправлялось шерифомъ, — тѣмъ быстрѣе ниспадала эта формальная судебная власть на степень вспомогательнаго средства для болѣе обширной власти государ-

ственныхъ судовъ и другихъ королевскихъ судей. Такимъ образомъ въ настоящее время шерифъ въ сущности ничто иное, какъ чиновникъ полиціи исполнительной: онъ представляетъ присяжныхъ по требованію высшихъ судовъ, судебныхъ комиссаровъ и мировыхъ судей, сообщаетъ тяжущимся вызовы въ судъ, и приводитъ въ исполненіе судебные приговоры по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Затѣмъ на немъ лежитъ соединенная съ большими расходами право представительства и множество административныхъ дѣлъ. Ежегодная смѣняемость шерифа, громадность издержекъ, сопряженныхъ съ этой должностью и покрываемыхъ лишь въ незначительной степени доходами, наконецъ участіе государственныхъ судовъ въ назначеніи шерифовъ — все это, какъ извѣстно, привело къ тому, что теперь выборъ присяжныхъ производится съ полнымъ безпристрастіемъ, между тѣмъ, какъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ, слышались повсемѣстные жалобы на злоупотребленія шерифовъ. Какъ подвѣдомственное должностное лицо государственныхъ судовъ, шерифъ получаетъ иногда отъ этихъ послѣднихъ порученіе, опредѣлить вмѣстѣ съ присяжными, при исполненіи приговора, количество убытковъ, понесенныхъ истцемъ. Точно также, на основаніи новыхъ законовъ объ экспроприаціи, онъ производитъ, при содѣйствіи джюри, оцѣнку отчуждаемаго имущества. Кромѣ исполненія приговоровъ, шерифу принадлежитъ приготовительныя дѣйствія по тяжбамъ о заложенномъ имуществѣ а также власть налагать взысканія за нарушеніе права владѣнія, основаннаго на вступившемъ въ законную силу рѣшеніи суда. Завѣдываніе дѣлами, соединенными съ должностью шерифа, теперь находится почти исключительно въ рукахъ *under-sheriff'a* и другихъ помощниковъ шерифа. Въ противоположность этому помощнику шерифа, *under-sheriff*, настоящій шерифъ называется обыкновенно *High Sheriff*, высшій шерифъ.

Нѣчто подобное суду *court baron* представляла юрисдикція, присвоенная нѣкоторымъ придворнымъ сановникамъ короля, — разумѣется, съ тѣми видоизмѣненіями, какихъ требовали иные отношенія между сюзереномъ и его вассалами. Присяжные въ придворные суды выбирались изъ числа придворныхъ чиновниковъ, вслѣдствіе чего эти суды, по своему устройству, приближались къ судамъ на подобіе шѣфеновъ. Но и эта королевская домашняя юстиція должна была уступить мѣсто «верховой власти» государственныхъ судовъ — она погибла въ борьбѣ съ обычнымъ правомъ.

Судъ оберъ-гофмейстера и гофмаршала короля — *steward* и *marshal of the kings household* — возникъ одновременно съ *aula regia*. По упраздненіи послѣдней, онъ началъ дѣйствовать самостоятельно, и рѣшалъ съ участіемъ обыкновеннаго джюри, дѣла о маловажныхъ проступкахъ, совершенныхъ въ предѣлахъ придворнаго округа (этотъ *verge* простирался на 12 миль вокругъ королевской резиденціи), если только въ

дѣла замѣшанъ былъ, въ качествѣ нарушителя или обиженнаго, чиновникъ королевскаго двора. Дѣла же по долговымъ искамъ и т. п. между придворными чиновниками разбирались при содѣйствіи присяжныхъ, выбранныхъ изъ придворныхъ служителей. Частое отсутствіе придворнаго суда, *curia regis*, всюду слѣдовавшаго за королемъ, побудило Карла I учредить особенный дворцовый судъ, *palace court*, который состоялъ изъ высшихъ придворныхъ сановниковъ или ихъ представителей, и рѣшалъ всѣ частныя тяжбы, возникшія между кѣмъ бы то ни было на пространствѣ 12 миль вокругъ дворца Уайтгалль (*Whitehall*), — за исключеніемъ, однакоже, лондонскаго Сити. Впослѣдствіи этотъ судъ, вмѣстѣ съ древнимъ судомъ гофмаршала, открывалъ свои засѣданія еженедѣльно въ Саутваркѣ (*Southwark*), но юрисдикція его ограничивалась фактически лишь дѣлами, непревышавшими по цѣнности 20 фунтовъ, такъ какъ всѣ иски на болѣе значительную сумму должны были передаваться въ судъ королевской скамьи или въ *Common pleas*. Въ 1848 г. *palace court* упраздненъ.

Георхъ VIII ввелъ придворный судъ по дѣламъ государственной измѣны, предумышленномъ и неумышленномъ убійствѣ и пролитіи крови, совершенномъ въ домѣ, принадлежащемъ королю или занимаемомъ имъ. Этотъ судъ рѣшалъ дѣла съ участіемъ большого и малого джюри, которые составлялись изъ чиновниковъ и служителей двора. Придворные служители, которые должны были, въ большемъ числѣ, участвовать при исполненіи приговора, представляли также нѣчто подобное присяжнымъ. Этотъ судъ впослѣдствіи лишенъ былъ большей части своей юрисдикціи и вышелъ изъ употребленія. Тоже самое случилось и съ судомъ, который учрежденъ былъ въ царствованіе Георга IV по дѣламъ о *felonies*, совершенныхъ присягнувшими на вѣрность королю служителями двора (джюри его состояло изъ 12 безпристрастныхъ и благонадежныхъ мужей).

Въ тѣсной связи съ древними народными судами были рыночныя суды. Главное мѣсто между ними занималъ такъ-называемый судъ запыленныхъ ногъ — *court of pied-poudre*, *curia pedis pulverizati*, — который разбиралъ всякаго рода нарушенія правилъ о торговлѣ, возникавшія на подвѣдомственномъ ему рынкѣ. Должность судьи исполнялъ сенешаль — *steward* — лицо, имѣвшее привилегію собирать рыночную пошлину; съ сенешаломъ участвовали выборные засѣдатели, *suitors*, — слѣдовательно, *court of pied-poudre* представлялъ судъ шёфеновъ въ родѣ *court baron*. Жалоба истца и возраженіе отвѣтчика выслушивались и дѣло рѣшалось — до окончанія базарнаго времени. Все это учрежденіе теперь забыто.

Въ области уголовного права мы встрѣчаемъ еще такъ-называемый *court of the clerk of the market*, дѣйствовавшій первоначально отъ имени епископа. Этотъ *clerk* обязанъ былъ повѣрять на рынкахъ мѣры и вѣсы, уничтожать фальшивые и налагать взысканія на владѣльцевъ ихъ. При

немъ тоже состояли *suitors*, называемые также, хотя и неправильно, присяжными. Функции этого суда перешли въ сущности къ инспекторамъ мѣръ и вѣсовъ, учрежденнымъ статутами 5 и 6 Вильгельма IV гл. 68. Эти инспекторы, точно также какъ и мировые судьи, имѣютъ право повѣрять мѣры и вѣсы у каждаго публичнаго продавца, и обязаны конфисковать невѣрные мѣры или вѣсы, а владѣльцевъ ихъ, равно какъ лицъ, препятствующихъ повѣркѣ, присуждать сокращеннымъ порядкомъ къ опредѣленному закономъ наказанію.

Такъ-называвшіеся суды королевскихъ лѣсныхъ дачъ раздѣлили участь всѣхъ мѣстныхъ судовъ, основанныхъ на англосаксонскомъ началѣ участія *suitors*, и учрежденныхъ въ силу общихъ постановленій. Къ числу лѣсныхъ судовъ принадлежали слѣдующіе; во-первыхъ, *court of attachment*, который состоялъ изъ лѣсничихъ и открывался чрезъ каждые 40 дней; онъ производилъ слѣдствія о всякаго рода поврежденіяхъ лѣсовъ и истребленіи дичи, дѣлалъ распоряженія объ арестѣ — *attachment* — виновныхъ, затѣмъ представлялъ дѣла, для дальнѣйшаго производства, въ высшіе лѣсные суды. Далѣе, *court of sweinmote*, который собирался трижды въ годъ и состоялъ изъ свободныхъ землевладѣльцевъ лѣснаго округа — *sweins*, — въ качествѣ выборныхъ засѣдателей — *suitors*, — и изъ лѣсничихъ, подъ предсѣдательствомъ *steward of the sweinmote*, — въ качествѣ судей. Главной задачей этого суда было производство слѣдствій о притѣсненіяхъ, причиненныхъ подданнымъ чиновниками лѣснаго вѣдомства; затѣмъ онъ разбиралъ поступившіе изъ *court of attachment* обвиненія (*presentments*). *Court of sweinmote* простиралъ производство дѣлъ только до объявленія подсудимаго виновнымъ — *conviction*. Опредѣленіе же наказанія предоставлено было высшему суду — *court of justice seat* (введенному въ 1184 г.), который открывался черезъ каждые три года особенными странствующими главными судьями — *chief justice in eyre*, *capitalis justitarius in itinere*, — и вѣдалъ дѣла о всякаго рода проступкахъ, спорахъ и жалобахъ, касавшихся дачъ и охоты; рѣшенія его основывались или на собственномъ изслѣдованіи — *trial*, — или на вердиктѣ суда *court of sweinmote*. Лѣсные суды заключали въ себѣ весьма характеристичное смѣшеніе института *suitors* съ институтомъ присяжныхъ. — Со временъ революціи всѣ эти ненавистные органы древняго суроваго устава о лѣсахъ вышли изъ употребленія.

VIII.

Привилегированные судебные округа. Городскіе суды.

Всемогущество государственныхъ судовъ встрѣтило прочную преграду лишь въ рядѣ судебныхъ учрежденій, принадлежавшихъ отдѣль-

нымъ привилегированнымъ областямъ, въ особенности городамъ. Эти учрежденія спасалъ примѣръ столицы, предпочтительно одаренной вольностями, характеръ городовъ, этихъ главныхъ сборныхъ пунктовъ англосаксонскаго населенія, наконецъ, совпаденіе самостоятельнаго судоустройства съ административной автономіей. Муниципальные суды Лондона и другихъ городовъ и мѣстечекъ королевства основываютъ свое право существованія или на королевскихъ льготныхъ грамотахъ, или на актахъ парламента, или на незапамятной давности. Примыкая въ области уголовного правосудія къ институту мировыхъ судей, они занимаютъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ совершенно независимое положеніе. Со времени Георга III законодательство начало устанавливать общія правила для городскихъ судовъ. Но о томъ, чего не коснулось законодательство, рѣшаютъ мѣстные обычаи и привилегіи. Должность судьи въ городскихъ судахъ исправляетъ recorder или barrister, занимавшійся не менѣе пяти лѣтъ адвокатурой; по дѣламъ же гражданскимъ — большею частью меръ (mayor) или town clerk. Рекордеръ можетъ взять себѣ помощника, можетъ также устанавливать нормы судопроизводства, которыя однакоже должны быть утверждены государственными судами. Вообще говоря, порядокъ процесса въ городскихъ судахъ сообразуется съ обычнымъ правомъ, чѣмъ обусловливается приглашеніе присяжныхъ. Но выборъ въ присяжные подчинялся обыкновенно мѣстнымъ своеобразнымъ правиламъ, и незначительное число лицъ, обладавшихъ требуемыми качествами, нерѣдко придавало присяжнымъ характеръ постоянныхъ засѣдателей. Во многихъ мѣстахъ личный составъ суда былъ образованъ прямо изъ засѣдателей, suitors. Городское положеніе 1835 г. опредѣлило въ общихъ чертахъ условія выбора въ присяжные, равно какъ права и обязанности послѣднихъ. На основаніи стат. 2 и 3 Викт. гл. 27, городскіе суды должны, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ годъ открывать засѣданія для рѣшенія спорныхъ вопросовъ о правѣ или о фактѣ. Въ большинствѣ случаевъ вестминстерскіе суды имѣютъ совмѣстную юрисдикцію съ городскими судами. Высшее наблюденіе за муниципальными судами принадлежитъ суду королевской скамьи, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ апелляціонной инстанціей по дѣламъ, рѣшаемымъ въ этихъ судахъ. — Подсудность городскихъ судовъ въ отношеніи дѣлъ гражданскихъ отмѣнена въ 1846 г.

Особенно большими привилегіями пользуется лондонское Сити. Въ Сити существуютъ слѣдующіе муниципальные суды: Court of Hustings — старинный county court Сити, состоявшій первоначально изъ мера и шерифовъ, рѣшалъ всѣ смѣшанные иски, а также разсматривалъ въ апелляціонномъ порядкѣ приговоры суда шерифа по дѣламъ извѣстнаго рода; судъ лорда-мера — court of conscience (совѣстный судъ) — по личнымъ искамъ, въ особенности по притязаніямъ, основаннымъ на правѣ equity;

судъ шерифа — по однимъ только личнымъ искамъ; сиротскій судъ — по всѣмъ дѣламъ, касающимся ввѣренныхъ его попеченію сиротъ. Въ двухъ первыхъ судахъ должность судьи исполняетъ рекордеръ. Вторую инстанцію для приговоровъ этихъ судовъ составляетъ особенная коммисія, назначаемая изъ судей вестминстерскихъ судовъ; а самую высшую — палата лордовъ. Судъ шерифа получилъ теперь устройство, въ сущности подобное устройству новыхъ судовъ графствъ. Затѣмъ осталась гражданская юрисдикція судовъ Сити или совершенно вытѣснена конкуренціей государственныхъ судовъ, или доживаетъ послѣдніе дни. Городская уголовная юстиція сосредоточивается теперь въ центральномъ уголовномъ судѣ. Прежде разборомъ уголовныхъ процессовъ занимался такъ-называемый «court of the sessions house in Old Bailey», который состоялъ изъ лорда-мера, рекордера, common sergeant и альдерменовъ; онъ открывалъ свои засѣданія восемь разъ въ годъ, и рѣшалъ дѣла съ тою же властью и съ тѣми же обрядами производства, какъ и уголовные ассизы.

Въ теченіи нѣкотораго времени существовалъ особенный court of policies of assurance по дѣламъ, касавшимся застрахованія товаровъ, преимущественно застрахованія морскаго судоходства. Этотъ судъ, кругъ дѣйствій котораго ограничивался однимъ только Лондономъ, введенъ былъ на мѣсто прежняго третейскаго суда, назначавшагося каждый разъ лондонскимъ лордомъ-меромъ для разрѣшенія споровъ, относившихся до застрахованія кораблей. Въ court of policies of assurance засѣдали: судья адмиралтейства, рекордеръ города Лондона, два цивилиста, два юриста-техника по части обычнаго права и восемь купцевъ. Но даже трое изъ этихъ членовъ, если въ томъ числѣ находился одинъ цивилистъ или одинъ барристеръ, имѣли право производить и рѣшать дѣла сокращеннымъ порядкомъ, безъ присяжныхъ. Аппеляція на приговоры этого суда подавалась въ судъ канцлера. Многочисленные ограниченія подсудности страхового суда — онъ могъ принимать только жалобы страхователя и ни въ какомъ случаѣ страховщика — давнымъ-давно предали забвенію это учрежденіе временъ Елизаветы. Въ настоящее время спорныя дѣла по застрахованію разбираются въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, причемъ вопросъ о фактѣ рѣшается, по большей части, специальное джюри изъ купцевъ, а вопросъ о правѣ — судья.

Кромѣ городовъ, привилегированные суды находятся еще въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ королевства.

Такъ въ Девоншайрѣ и Корнуэллѣ существуютъ, по меньшей мѣрѣ со временъ Эдуарда I, особенные суды оловянныхъ рудниковъ — stannary courts, — пользующіеся исключительною юрисдикціею по всѣмъ тяжбамъ, возникающимъ въ предѣлахъ рудника между рудокопами или иными лицами, занимающимися добычею и продажею олова — privileged tanners. Изъ вѣдомства его изъяти только иски о недвижимомъ имѣніи и уголов-

ныя дѣла. Поводомъ къ дарованію рудникамъ такой привилегіи послужило, по всей вѣроятности, желаніе избавить горнозаводскихъ рабочихъ отъ необходимости оставлять свои общепользныя работы—для веденія процесса въ отдаленномъ отъ рудника судебномъ мѣстѣ. Судъ производилъ steward (помощникъ смотрителя рудниковъ), безъ участія настоящаго джюри; чиновники горнаго вѣдомства, которые присутствовали въ судѣ, заседали въ родѣ выборныхъ—suitors. Апелляціи на рѣшенія этого суда приносились въ восходящемъ порядкѣ: лорду-уардену—lord-warden (лордъ-смотритель оловянныхъ рудниковъ),— въ тайный совѣтъ принца уэльскаго, какъ герцога корнуэльскаго, и наконецъ самому королю. Въ 1848 и 1856 г. изданы были новыя правила о подсудности stannary courts и о способахъ обжалованія ихъ приговоровъ. Послѣ лорда-уардена, апелляція подается теперь въ верхній парламентъ.

Далѣе, до 1856 г. привилегированные суды существовали въ семи портовыхъ городахъ: Дуврѣ (Dover), Сандвичѣ (Sandwich), Ромни (Romey), Гастингсѣ (Hastings), Гайдѣ (Hyde), Уинчельси (Winchelsea) и Рай (Rye). Суды эти, состоявшіе изъ мера и выборныхъ—jurats, — пользовались исключительною юрисдикціей по гражданскимъ дѣламъ; апелляціонныя жалобы на рѣшенія ихъ поступали къ лорду-уардену портовъ, а затѣмъ въ судъ королевской скамьи.

Наконецъ, до самаго послѣдняго времени въ герцогствахъ Ланкастерскомъ и Доргемскомъ отправляли правосудіе особыя установленія, какъ наприм. судъ common pleas въ Ланкастерѣ. Прежде эти двѣ привилегированныя области были совершенно отдѣлены въ административномъ отношеніи отъ остальнаго королевства и пользовались полными самостоятельными jura regalia (королевскими правами), такъ что даже до послѣдняго времени указы объ открытіи въ этихъ герцогствахъ полугодичныхъ ассизъ, грамоты, writs, о производствѣ суда и слѣдствія по исковымъ прошеніямъ, и т. п. посылались за подписью и печатью канцлера герцогства. Порядокъ производства и предметы вѣдомства судовъ герцогствъ какъ въ области обычнаго права, такъ и въ области права equity, согласуются съ нормами, установленными для вестминстерскихъ судовъ. Отчасти даже личный составъ тѣхъ и другихъ одинаковъ. Отъ бывшаго герцогства Доргемскаго, уничтоженнаго въ 1838 г., остался только Court of pleas, въ качествѣ королевскаго мѣстнаго суда, Court of the duchy chamber of Lancaster пользуется юрисдикціей по праву equity надъ множествомъ подвѣдомственныхъ ему отдѣльныхъ участковъ земли, разбросанныхъ по всему королевству.

IX.

Суды справедливости.

Юрисдикція по equity возникла въ сравнительно новое время и считается юрисдикціей чрезвычайной: *nunquam decurritur ad extraordinarium, sed ubi deficit ordinarium*. Главнымъ представителемъ ея служитъ судъ канцлера—*Court of Chancery*. Девизъ этого суда—*aequum et bonum*—обозначаетъ не только отличный отъ обычнаго права порядокъ процесса, но и особенную, характеристическую отрасль судебной власти. Право equity предписываетъ судьямъ: *to hear and determine by their wisdomes and discretions «secundum sanas discretiones»* (судить по своему благоусмотрѣнію). Между тѣмъ право обычное требуетъ, чтобы судъ производился: *secundum legem et consuetudinem Angliae*, или: *secundum legem terrae* (по законамъ и обычаямъ Англии, или по законамъ страны). Существенное различіе этихъ двухъ формъ суда составляетъ отдѣленіе вопроса о правѣ отъ вопроса о фактѣ и послѣдствіе этого отдѣленія—участіе присяжныхъ въ судѣ: ни то, ни другое неизвѣстно судопроизводству по equity. Англосаксонское право предоставляетъ все рѣшеніе дѣла безраздѣльно засѣдателямъ суда, право equity—самому судѣ, право же обычное раздѣляетъ эту функцію между судомъ и присяжными.

И королевскій судъ, *aula regia*, зналъ, конечно, *aequitas*, equity, но онъ понималъ ее не какъ особенную, отличную отъ *common law* норму рѣшенія, а просто какъ общее, всюду примѣнимое начало правосудія. Напротивъ Брактонъ—около 1250 г.—уже противопоставляетъ «справедливость» праву въ тѣсномъ смыслѣ. Если во времена *aula regia* правосудіе составляло верховное право короны, которымъ пользовался самъ король, судьи же—только по порученію его, то и послѣ учрежденія судовъ *common law* король все еще могъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ взять на себя роль верховнаго судьи и употребить въ дѣло прежнюю верховную власть. По какому бы поводу и въ какой бы формѣ эта королевская прерогатива ни приводилась въ дѣйствіе въ отдѣльномъ случаѣ, общая мысль, лежавшая въ основѣ верховной юстиціи, была слѣдующая: примирить матеріальное право съ формальнымъ, приспособить правосудіе къ новымъ, болѣе разумнымъ, или, по крайней мѣрѣ, болѣе сложнымъ условіямъ народной жизни и цивилизаціи, устранить тѣ препятствія, какія противопоставлялъ тяжелый формализмъ *common law* осуществленію требованій нравственности и справедливости. Исполненіе этой чрезвычайной судейской должности досталось на долю канцлера, какъ хранителя государственной печати, предсѣдателя королевскаго верховнаго совѣта и управляющаго судебною частью, со-

вѣта по дѣламъ обыкновенной подсудности. Канцлеръ удовлетворялъ требованіямъ *aequitas*, во-первыхъ, тѣмъ что во многихъ случаяхъ устанавливалъ въ формѣ *original writs* (именныхъ грамотъ), посылаемыхъ имъ въ суды обычнаго права, новые обряды судопроизводства сообразно измѣнившимся условіямъ общежитія. Кромѣ того, онъ, по своему духовному сану, былъ естественнымъ представителемъ духовныхъ интересовъ, и потому проводилъ въ своей судейской дѣятельности начала каноническаго процесса. Въ противоположность стѣснительнымъ постановленіямъ и формамъ *common law*, право каноническое, считаемое вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдникомъ римскаго права, носило на себѣ общечеловѣческій характеръ. Духъ каноническаго права состоялъ въ стремленіи осуществить, подъ внѣшней формой правосудія, идею нравственности въ обыденной жизни людей. Каноническій процессъ передъ «*court of conscience*» (совѣстнымъ судомъ) болѣе, чѣмъ всякій другой способенъ былъ пробить формализмъ норманскаго судопроизводства и защитить субъективную сторону юридическихъ сдѣлокъ и правонарушеній противъ объективнаго направленія древнегерманскаго быта. Суды обычнаго права тщетно усиливались вести борьбу съ канцлеромъ при помощи множества смѣлыхъ фикцій; усилія ихъ были тѣмъ безплоднѣе, что канцлера поддерживала сама корона, съ завистью смотрѣвшая на всемогущество *common law courts*. Канцлеръ съ самаго начала занималъ болѣе выгодное положеніе и дѣйствовалъ съ большею свободой, чѣмъ его противники. Само собою разумѣется, что уголовное право не заключало въ себѣ ни малѣйшаго зачатка для развитія этой преторской юрисдикціи, еслибы даже знаменитая 39 статья великой хартіи не говорила прямо: «*Nullus liber homo capiatur vel imprisonetur aut dissaisiatur aut utlagetur aut exuletur aut aliquo modo destruatur, nec super eum ibimus, nec super eum mittemus, nisi per legale iudicium parium suorum vel per legem terrae*», т. е.: «ни одинъ свободный гражданинъ не можетъ быть, ни нами (королемъ), ни нашими чиновниками, схваченъ или посаженъ въ тюрьму, или лишенъ имущества, или изгнанъ изъ отечества, или инымъ образомъ лишенъ своихъ правъ, безъ законнаго на то приговора своихъ равныхъ, или судебного приговора, основаннаго на законахъ страны».

Первымъ по времени предметомъ вѣдомства *equity* англійскіе юристы считают вошедшую въ употребленіе къ концу царствованія Эдуарда III передачу имѣній въ руки довѣренныхъ лицъ для управленія въ интересахъ третьяго лица. Суды обычнаго права не принимали исковъ на такихъ владѣльцевъ по довѣренности. Тогда канцлеръ взялъ подъ свое покровительство беззащитныхъ претендентовъ. Второй главный отдѣлъ юрисдикціи канцлера по праву *equity*, въ историческомъ ея развитіи, составили тѣ договоры, которые, бывъ заключены безъ свидѣтелей и безъ всякихъ письменныхъ актовъ, не могли, до изданія кларендонскихъ консти-

туцій 1164 г., сдѣлаться предметомъ иска въ свѣтскихъ судахъ. Кларендонскія конституціи, желая отнять у духовныхъ судовъ, право рѣшать подобнаго рода иски, постановили: *placita de debitis, quae fide interposita debentur, vel absque interpositione fidei, sint in justitia regis* (дѣла о взысканіи займовъ, обезпеченныхъ только клятвою должника, или данныхъ просто на слово, подлежатъ вѣдѣнію королевскихъ судовъ). Но если духовные суды — *curiae christianitatis* — не смотря на такое постановленіе, продолжали до XV столѣтія принимать жалобы *pro laesione fidei* (о клятвopепреступленіяхъ), то канцлеръ еще болѣе имѣлъ возможности захватить въ свои руки рѣшеніе дѣлъ этого рода. Ему помогъ, по всей вѣроятности, также и первоначальный характеръ присяжныхъ, которыхъ до XV и даже XVI ст. приглашали просто въ качествѣ свидѣтелей, не представляя имъ никакихъ доказательствъ, относящихся къ дѣлу. Разумѣется, при разборѣ дѣлъ встрѣчалось много такихъ вещей, о которыхъ присяжные, не смотря на всѣ свои усилія, сами ничего не могли разузнать. Въ такомъ случаѣ прибѣгали, какъ къ единственному выходу, къ помощи канцлера. Въ царствованіи Генриховъ IV и V общины неразъ дѣлали тщетныя попытки ниспровергнуть эту юрисдикцію канцлера. Главный поводъ къ стремленію общинъ подала власть канцлера, сильно оспариваемая въ то время, уничтожать посредствомъ *equity* приговоры, основанные на обычномъ правѣ и вошедшіе уже въ законную силу. Относительно этого обстоятельства, которое уже въ царствованіе Генриха VIII составляло одну изъ обвинительныхъ статей противъ кардинала Уольсея (Wolsey), возгорѣлся въ 1616 г., знаменитый споръ между канцлеромъ лордомъ Эллесмиромъ (Ellesmere) и предсѣдателемъ суда королевской скамьи Кокомъ (Coke). Король, въ силу своей верховной власти устанавливать границы юрисдикціи различныхъ судовъ, рѣшилъ споръ въ пользу канцлерскаго суда, и такимъ образомъ санкціонировалъ то, что ужъ укоренилось на практикѣ. Начало нынѣшнему порядку канцлерскаго судопроизводства и нынѣшнему кругу дѣйствія канцлерскаго суда положилъ графъ Ноттингамъ (Nottingham), бывший канцлеромъ съ 1673 г. Последнее значительное расширеніе предѣловъ власти этого суда совершилось въ 1842 г., когда ему передана была юрисдикція по праву *equity* суда казначейства — *court of exchequer*.

Судъ канцлера, т. е. одно изъ его отдѣленій — *court of equity*, есть судъ права *equity par excellence*. Прочіе суды *equity*, болѣе древняго происхожденія, упразднены, за немногими исключеніями. Такъ уже въ царствованіе Карла I закрытъ былъ *court of request*, предназначенный преимущественно для разбора исковъ бѣдныхъ людей. Многіе суды *equity*, учрежденные Генрихомъ VIII главнымъ образомъ для охраненія финансовыхъ интересовъ короны, существовали весьма недолго.

Въ настоящее время юрисдикція канцлерскаго суда въ области права *equity* обнимаетъ собою слѣдующіе главные предметы.

1) Обезпеченіе отъ убытковъ или вознагражденіе за вредъ, причиненный случайно, по ошибкѣ или вслѣдствіе нарушенія довѣренности — «*convin, accident, breach of confidence*». Положеніе каноническаго права, говорящее, что никто не долженъ обогащаться въ ущербъ своему ближнему, ведетъ въ этомъ случаѣ къ болѣе надежной защитѣ со стороны закона, чѣмъ бездушныя формулы обычнаго права, — напримѣръ, въ случаѣ потери документовъ, относящихся къ какой-либо юридической сдѣлкѣ. Осуществленію цѣлей каноническаго права много способствуетъ особенность процесса въ канцлерскомъ судѣ, состоящая въ томъ, что обвиняемый обязанъ дать подъ присягою объясненіе относительно обстоятельствъ, послужившихъ основаніемъ иска. Подъ общее понятіе обмана — *fraud* — подводится также и контрафакція. Вообще, судъ канцлера, при разсмотрѣніи исковъ объ удовлетвореніи за убытки, поступаетъ по своему усмотрѣнію и потому гораздо лучше охраняетъ имущественныя права гражданъ, чѣмъ мелочной формализмъ судовъ обычнаго права или тяжелая практика нѣмецкаго судопроизводства. Далѣе, къ этой же рубрикѣ относятся иски по передачѣ имѣнія въ чужое владѣніе безъ заключенія формальнаго акта, объ удовлетвореніи первыхъ по времени кредиторовъ, объ исполненіи словесныхъ договоровъ, *actio de in rem verso* на мужа, *actio in exceptio doli*.

2) Необыкновенная эластичность судопроизводства *chancery*, его способность сообразоваться съ желаніями истца обнаруживается какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ тяжбы: въ началѣ тѣмъ, что оно допускаетъ принятіе предварительныхъ мѣръ обезпеченія иска и наложеніе запрещенія на предметы иска — *injunction*, подобное римскому интердикту; въ концѣ — тѣмъ, что оно даетъ возможность взыскать съ отвѣтчика именно то вознагражденіе *in specie*, о которомъ говорится въ договорѣ, составляющемъ основаніе иска — *specific performance*. Эти преимущества процесса *chancery*, которыми, разумѣется, весьма часто пользуются, существуютъ такъ давно, что они уже подали поводъ къ одной изъ обвинительныхъ статей противъ Уольсея. Замѣчательно примѣненіе начала *injunction* къ искамъ о контрафакціи, въ которыхъ судъ канцлера дѣлаетъ распоряженіе о временномъ приостановленіи продажи перепечатаннаго изданія, — между тѣмъ, какъ по обычному праву эта продажа не можетъ быть запрещена до окончательнаго рѣшенія дѣла.

3) Запрещенія, направленные противъ чрезмѣрнаго обогащенія имѣній сервитутныхъ вызвали обширную систему владѣнія по довѣренности, которая привела къ тому, что теперь одно лицо считается номинальнымъ владѣльцемъ имѣнія, не пользуясь имъ фактически, между тѣмъ другія лица, не имѣющія законнаго права на владѣніе этимъ имѣніемъ, получаютъ

всѣ доходы съ него. Такимъ образомъ законный владѣлецъ бываетъ обыкновенно не болѣе какъ управителемъ имѣнія, фактическое же право пользования имѣніемъ находится въ рукахъ посторонняго лица. Лица, отыскивающія этого рода права лишены всякой защиты со стороны общихъ судовъ. Лишь чрезвычайная юрисдикція канцлера въ состояніи оказать имъ помощь. Точно также, администраторы богоугодныхъ заведеній, исполнители духовныхъ завѣщаній и т. п. подлежатъ вѣдомству канцлерскаго суда, власть котораго въ этомъ случаѣ вытекаетъ изъ присвоеннаго канцлеру высшаго наблюденія надъ всѣми благотворительными учрежденіями.

4) Четвертую категорію дѣлъ, подлежащихъ court of chancery, составляютъ въ высшей степени запутанные процессы по опекамъ, въ отношеніи которыхъ, впрочемъ, суды обычнаго права имѣютъ совмѣстную юрисдикцію, — процессы между отцомъ и сыномъ, искъ лицъ, не имѣющихъ *persona standi in judicio* (права вести дѣло судебнымъ порядкомъ): дѣтей, замужнихъ женщинъ; далѣе — въ связи съ духовнымъ саномъ средневѣковыхъ канцлеровъ — искъ о взысканіи неправильно удержанной десятины.

Къ подсудности канцлера по праву *equity* присоединяется еще такъ называемая юрисдикція по порученію и юрисдикція, предоставленная статутами. Первая касается преимущественно управленія имуществомъ безумныхъ и сумасшедшихъ; ко второй относятся дѣла по ликвидаціи долговъ несостоятельныхъ акціонерныхъ обществъ, назначеніе надзирателей въ сиротскіе дома и т. п. Со времени стат. 4, Анны гл. 17 въ кругъ дѣйствія канцлера входятъ также и дѣла о банкротахъ.

Обыкновенный порядокъ производства въ *chancery court* имѣетъ много сходства съ обыкновенной нѣмецкой процедурой; его составляютъ: исковое прошеніе, предписаніе суда о представленіи отвѣта, отвѣтъ, возраженіе, опроверженіе, собраніе справокъ, повѣрка доказательствъ передъ нисшимъ чиновникомъ суда. Присяжные не приглашаются; напротивъ, стороны вправѣ требовать отъ противника всякаго рода объясненія, даже объясненія подъ присягой. Въ исключительныхъ случаяхъ, судъ канцлера можетъ подвергнуть фактическія обстоятельства, относящіяся къ дѣлу, рѣшенію джюри, чрезъ посредство суда королевской скамьи. Приговоры въ первой степени постановляются теперь почти исключительно намѣстниками канцлера. Самъ канцлеръ рѣшаетъ дѣла почти только въ аппеляціонной инстанціи. Засѣданія судовъ обычнаго права происходятъ лишь четыре раза въ годъ, каждый разъ въ продолженіи опредѣленнаго періода времени — *terms*; судъ же канцлера открытъ въ теченіи цѣлаго года, за исключеніемъ только каникулъ. Всѣмъ извѣстны жалобы на медленность и дороговизну процесса въ этомъ судѣ: выраженіе *chancery chicanery* сдѣлалось техническимъ терминомъ. Впрочемъ преобразованія, которымъ подвергся судъ канцлера въ новѣйшее время, значительно уменьшили недостатки его производства.

X.

Подсудность верхняго парламента.

Верховный судъ королевства, судъ, пользующійся наибольшимъ авторитетомъ, представляетъ палата лордовъ, — впрочемъ только въ области *common law* и *equity*.

Англійскіе юристы выводятъ судебную власть палаты лордовъ, по крайней мѣрѣ отчасти, тоже изъ первоначальной, обширной юрисдикціи придворнаго суда, *aula regia*, который и до сихъ поръ продолжаетъ существовать въ образѣ этого собранія, возникшемъ изъ *curia civium*.

Верхній парламентъ есть отчасти судъ первой степени, отчасти кассационный судъ. Въ качествѣ суда первой инстанціи, онъ рѣшаетъ дѣла исключительно уголовныя; въ качествѣ же кассационнаго суда, разсматриваетъ какъ уголовныя, такъ и гражданскіе процессы. Изъ числа предметовъ судебного вѣдомства палаты лордовъ слѣдуетъ исключить, во-первыхъ, несомнѣнное право парламента налагать взысканія за дѣйствія, которыя относятся къ давнопрошедшему времени: *act of attainder*. Рѣшенія этого рода—хотя въ результатѣ тоже самое, что и приговоръ суда—постановляются законодательнымъ порядкомъ, и потому требуютъ участія обѣихъ палатъ и утвержденія королевы. Точно также право, присвоенное какъ верхней, такъ и нижней палатѣ, подвергать наказанію виновныхъ въ оскорбленіи достоинства палаты или ея членовъ, въ подкупахъ и т. п. при парламентскихъ выборахъ, въ нарушеніи офиціальной тайны и т. д. — можно назвать дисциплинарной властью палатъ, хотя англійскіе юристы и эти мѣры причисляютъ къ (судебной власти) *judicature* парламента.

Напротивъ, когда верхній парламентъ судитъ по обвиненію — *impeachment*—палаты общинъ, тогда онъ является настоящимъ судомъ. Такое обвиненіе можетъ состояться: противъ пера по поводу всякаго преступленія; противъ члена палаты общинъ—*commoner*—только по поводу *high misdemeanor* (тяжкаго преступленія). Въ случаѣ обвиненія пера въ государственной измѣнѣ, корона назначаетъ особаго *lord high steward*, который, въ качествѣ предсѣдателя, руководитъ судебными засѣданіями и совѣщаніями палаты лордовъ. Но эта мѣра не необходима: палата можетъ приступить къ производству дѣла и безъ подобнаго представителя короля. По отношенію къ судопроизводству на основаніи *impeachment*, англичане сравниваютъ палату общинъ, какъ *general inquisitors of the realm*, съ большимъ, а палату лордовъ — съ малымъ джюри. Сравненіе, однакоже, невѣрно въ томъ отношеніи, что въ этомъ *high court of parliament* функціи судей и присяжныхъ не раздѣлены, — онѣ отираются

совокупно всѣми участвующими въ засѣданіяхъ перами; кромѣ того, ни лорды, ни коммонеры не приносятъ такой присяги, какая требуется отъ присяжныхъ, — лорды, при подачѣ мнѣнія на судѣ, говорятъ просто: «upon my honour» (клянусь честью).

Уголовный процессъ, производящійся въ верхней палатѣ, не можетъ быть прекращенъ помилованіемъ подсудимаго.

Въ настоящее время эта форма суда употребляется главнымъ образомъ для сужденія министровъ за преступленія по должности и преступленія противъ конституціи.

Если палату лордовъ, по отношенію къ вышеозначенной судебной дѣятельности ея, можно назвать государственнымъ судомъ, то съ другой стороны она служитъ, также, сословнымъ судомъ для перовъ — включая сюда шотландскихъ лордовъ, несовершеннолѣтнихъ лордовъ, нерессъ по рожденію или по замужству, принцевъ и принцессъ королевскаго дома, королеву (супругу короля), вдовствующую королеву и принца-супруга; но исключая духовныхъ членовъ верхняго парламента. Вѣдомству палаты лордовъ, какъ сословнаго суда, подлежатъ всякія обвиненія большаго джюри, произнесенныя противъ пера по поводу измѣны, felony или недонесенія кому слѣдовало о той или другой. Каждый indictment большаго джюри противъ пера представляется въ судъ сенешала — court of lord high steward, котораго корона должна назначать для каждаго отдѣльнаго случая. Сенешаль приглашаетъ лордовъ для обсужденія дѣла, — въ прежнее время отъ 18—20, выбранныхъ по своему усмотрѣнію; впоследствии неопредѣленное число, не менѣе однакоже 23; со времени же статута 7 Вильгельма III гл. 3. всѣхъ свѣтскихъ лордовъ, имѣющихъ право засѣданія и голоса въ парламентѣ. Явившіеся по этому приглашенію лорды приносятъ особенную присягу и затѣмъ исполняютъ обязанность присяжныхъ, сенешаль же — обязанность судьи; такъ что, по теоріи, лордамъ принадлежитъ рѣшеніе фактическихъ, сенешалу — рѣшеніе юридическихъ вопросовъ. Подобно тому какъ во всѣхъ судахъ присяжныхъ, составленныхъ болѣе, чѣмъ изъ 12 человекъ, въ палатѣ лордовъ рѣшаетъ большинство, состоящее по меньшей мѣрѣ изъ 12 голосовъ.

Отступленіе отъ этого порядка производства бываетъ лишь въ томъ случаѣ, когда обвиненіе пера состоитъ во время парламентской сессіи. Правда, и въ этомъ случаѣ назначается лордъ великій сенешаль; но ему предоставляется одно лишь формальное управленіе засѣданіями. Рѣшеніе же вопросовъ какъ о фактѣ, такъ и о правѣ принадлежитъ всѣмъ собравшимся перамъ въ одинаковой степени. Судъ верхней палаты носитъ въ это время названіе: court of our lord the king in parliament.

Прелаты, засѣдающіе въ палатѣ лордовъ, никогда не присутствуютъ при разборѣ уголовныхъ дѣлъ, но обыкновенно посредствомъ протеста

оставляют за собой право участія въ судѣ. По правдѣ сказать, право это очень ограниченное: епископы должны бы были удалиться, какъ скоро дѣло дошло бы до обсужденія вопроса о виновности.

Палата лордовъ есть верховный судъ какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ. Въ принципѣ всѣ процессы, подлежащіе рѣшенію на основаніи *common law* или *equity* въ какомъ бы то ни было англійскомъ судѣ, могутъ быть представлены въ послѣдней инстанціи въ верхній парламентъ. Юрисдикція палаты лордовъ не распространяется на приговоры, состоявшіеся въ судахъ духовныхъ, призовыхъ, судахъ адмиралтейства, въ судахъ острововъ, лежащихъ въ ламаншскомъ проливѣ, и на рѣшенія канцлера по дѣламъ, касающимся безумныхъ и сумасшедшихъ. Въ этихъ случаяхъ послѣдней инстанціей служитъ судебный департаментъ тайнаго совѣта. Въ прежнее время палата лордовъ не была апелляціонной инстанціей и по дѣламъ, рѣшаемымъ въ судахъ оловянныхъ рудниковъ и у вице-канцлера ланкастерскаго.

При разсмотрѣніи дѣлъ въ кассационномъ порядкѣ, въ палатѣ лордовъ присутствуютъ, въ качествѣ совѣтниковъ-спеціалистовъ, вестминстерскіе судьи и *Master of the Rolls* (вице-канцлеровъ),—не принимая, однакоже, участія въ рѣшеніи. Въ судебной практикѣ палаты вошло въ обычай, чтобы рѣшенія въ кассационномъ порядкѣ постановлялись только лордами, получившими юридическое образованіе. Между ними главное мѣсто занимаетъ лордъ-канцлеръ. Присутствіе трехъ лордовъ достаточно для того, чтобы приговоры палаты имѣли законную силу. Недавно была попытка ввести должность *law lords* (лордовъ-юристовъ) не наследственныхъ, а по назначенію. Учрежденная статутомъ 14 Эдуарда III гл. 5 коммисія для исполненія этихъ судебныхъ функцій палаты лордовъ, а также для принятія жалобъ на нисшіе суды въ промежутки между парламентскими сессіями, — давнымъ-давно уже не существуетъ.

XI.

Суды такъ-называемаго «гражданскаго права».

Прямую противоположность *courts of common law* и *of equity* составляютъ *ecclesiastical*, *military* и *maritime courts* (суды духовные, военные и морскаго вѣдомства).

По мнѣнію англійскихъ юристовъ, духовная юрисдикція — *curiae christianitatis*, въ англосаксонскомъ періодѣ называвшіеся: *halimots*, *circgemots* *chircgemots*—въ первый разъ отдѣлена была отъ свѣтской Вильгельмомъ Завоевателемъ, который всѣми мѣрами старался покровительствовать преданному ему духовенству. Обѣ юрисдикціи снова соединились въ одну въ

царствованіе Генриха I, но на весьма короткое время. Уже на синодѣ вестминстерскомъ духовенство установило правило, что ни одинъ епископъ не можетъ принимать участія въ обсужденіи свѣтскихъ дѣлъ. Король Стефанъ при вступленіи на престолъ принужденъ былъ обѣщать духовенству, что лица духовнаго званія и духовныя дѣла будутъ подсудны исключительно епископу. Съ тѣхъ поръ, разграниченіе двухъ противоположныхъ правъ: права обычнаго и права чуждаго, римско-каноническаго происхожденія, стало все болѣе и болѣе укореняться въ общемъ сознаніи. Формальное раздѣленіе этихъ двухъ правъ продолжается непрерывно, такъ что духовные суды, не смотря на реформацію XVI ст., существуютъ и по настоящее время. Они и теперь еще производятъ и рѣшаютъ дѣла по такъ-называемому гражданскому, т. е. римско-каноническому праву, въ противоположность праву обычному. Вообще въ Англіи различныя системы права не слились въ одно органическое цѣлое, подобно тому какъ это было въ Германіи. Въ Англіи соединенію правъ помѣшало то обстоятельство, что тамъ каждая отдѣльная область права имѣетъ своихъ особенныхъ органовъ исполнителей.

Юрисдикція духовныхъ судовъ по дѣламъ уголовнымъ едва заслуживаетъ упоминанія. Она ограничивается прегрѣшеніями и коварнымъ приписываніемъ кому-либо духовныхъ грѣховъ. Виновные присуждаются къ церковному покаянію, которое иногда замѣняется денежной пеней въ пользу суда. Кромѣ того, со времени стат. 3 и 4 Викт. гл. 8, существуютъ дисциплинарные суды для лицъ духовнаго званія.

Въ области гражданского права духовнымъ судамъ подсудны дѣла троякаго рода: объ имуществѣ, о завѣщаніяхъ и о бракахъ. Къ дѣламъ перваго рода причисляются: или о признаніи права полученія десятины, —если только истецъ и отвѣтникъ принадлежатъ къ духовному званію; иски о взысканіи десятины, слѣдуемой съ свѣтскаго лица въ пользу духовнаго; иски о взысканіи денегъ на жалованье чиновникамъ духовныхъ судовъ; дѣла о взысканіи вознагражденія за незаконное пользованіе доходами духовнаго мѣста — *spoliation*; о взысканіи вознагражденія за нерадивое содержаніе или поврежденіе — *dilapidation* — церковныхъ строеній; наконецъ, дѣла о сборѣ налога на поправленіе церквей и т. п. Но дѣла спорныя между мірянами и духовными о правѣ десятины, о правѣ патронажа, объ обязанности платить нѣкоторые сборы подвѣдомы свѣтскимъ судамъ. По дѣламъ о *dilapidation* и о вознагражденіи за неправильно удержанную десятину свѣтскіе суды пользуются совмѣстной юрисдикціей. Точно также иски о взысканіи десятины, объ уплатѣ вознагражденія и т. п., о взысканіи церковныхъ налоговъ, если сумма иска не превышаетъ 10 фунт., у квакеровъ 50 фунт., не подлежатъ болѣе духовнымъ судамъ (стагуты: 53 Георга III гл. 27; 5 и 6 Вильг. IV гл. 75; 4 и 5 Викт. гл. 36), а должны быть рѣшаемы передъ двумя мировыми судьями.

Къ дѣламъ о бракахъ, подсуднымъ духовнымъ судамъ, принадлежатъ: жалобы о томъ, что извѣстное лицо несправедливо хвасталось вступленіемъ въ бракъ съ обиженной стороной, которая поэтому проситъ запретить такое хвастовство; далѣе, иски о продолженіи или о прекращеніи совместной супружеской жизни, и, наконецъ, искъ жены о доставленіи ей мужемъ необходимаго содержанія, въ случаяхъ прекращенія супружескаго сожителства. Иски объ исполненіи обѣщанія вступить въ бракъ съ обиженной стороной исключены изъ вѣдомства духовныхъ судовъ (стат. 26 Георга II. гл. 33 и 4 Георга IV гл. 76, § 27). Расторженіе брака до 1857 г. возможно было только законодательнымъ путемъ посредствомъ такъ-называемаго частнаго билля—*private bill*.

Юрисдикція духовныхъ судовъ по дѣламъ о завѣщаніяхъ и о наслѣдствахъ *ab intestat* (по закону) восходитъ къ самой отдаленной эпохѣ. Уже *Magna Charta* предоставила церкви распоряженіе о наслѣдствахъ *ab intestat* — *per visum ecclesiae*. Гланвилла (*Glanvilla*, кн. 7 гл. 8) говоритъ: *si quis aliquid dixerit contra testamentum, placitum illud in curia christianitatis audiri debet et terminari*, т. е. что споры по поводу завѣщаній рѣшаются въ духовномъ судѣ. Въ царствованіе Ричарда I это учрежденіе перенесено было и въ Нормандію. Да и на скандинавскомъ сѣверѣ она пересажена, кажется, съ англійской почвы. Рѣшеніе дѣлъ о завѣщаніяхъ, по всей вѣроятности, никогда не попало бы въ руки духовныхъ судовъ, еслибы свѣтскіе суды въ Англіи не отвергали такъ упорно римскаго права по предмету завѣщаній. Осязательнымъ основаніемъ для юрисдикціи духовныхъ судовъ по дѣламъ этого рода послужили: во-первыхъ, постановленіе каноническаго права, говорящее, что епископъ можетъ вынуждать исполненіе завѣщаній *ad pios usus* (въ пользу церкви) путемъ церковныхъ наказаній, *censura ecclesiastica*; во-вторыхъ, изданная Генрихомъ I при коронаціи грамота, которая заключала въ себѣ распоряженіе о томъ, чтобы при раздѣлѣ наслѣдствъ *ab intestat* не забывали удѣлять часть для спасенія души — *pro anima* — оставившаго наслѣдство. Такимъ образомъ духовнымъ судамъ до самаго новѣйшаго времени принадлежало не только засвидѣтельствованіе духовныхъ завѣщаній и учрежденіе опеки надъ имуществомъ, оставшимся послѣ смерти завѣщателя, но также и рѣшеніе дѣлъ о дѣйствительности завѣщанія, о правѣ на управленіе наслѣдствомъ, объ исполненіи завѣщаній. Впрочемъ, въ отношеніи дѣлъ послѣдняго рода судъ канцлера пользовался совместной подсудностью, въ тѣхъ случаяхъ, когда такое дѣло по нѣкоторымъ другимъ входящимъ въ него обстоятельствамъ, — каковы наприм. отчетность по управленію наслѣдствомъ, согласіе на завѣщаніе и т. п., превращалось въ споръ, подлежащій разбирательству *equity court*.

Порядокъ производства въ духовныхъ судахъ построенъ на началахъ римскаго и въ особенности каноническаго права, но отчасти видоизмѣ-

нился вслѣдствіе вмѣшательства свѣтскихъ судовъ, отчасти самъ собой выработался на практикѣ въ своеобразныя формы. Въ общемъ порядкѣ производства процессъ начинается жалобою истца—*libel*,—часто изложенной по пунктамъ—*allegation*; затѣмъ слѣдуетъ отвѣтъ подъ присягой отвѣтчика—*answer*. Если этотъ отвѣтъ отрицательный, то спрашиваются свидѣтели чиновникомъ суда. Подобнымъ же образомъ судъ удостоверяется относительно фактовъ, на которыхъ основывается возраженіе. Отвѣтъ подъ присягою обвиняемаго—*oath ex officio*,—возникшій изъ *purgatio canonica* (церковное очищеніе) отмѣненъ (стат. 13 Карла II гл. 12) въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о такомъ преступленіи или дѣйствіи, которое подвергло бы сознающагося наказанію или церковному покаянію. По окончаніи предварительной письменной подготовки и по предъявленіи сторонами доказательствъ, судья выслушиваетъ доводы адвокатовъ обѣихъ сторонъ, и затѣмъ постановляетъ приговоръ безъ участія присяжныхъ. Наказаніе, къ которому приговаривали духовные суды и которое они сами и исполняли, состояло въ отлученіи виновнаго отъ церкви; отлученіе было или малое, или большое, причемъ послѣднее влекло за собою лишеніе права быть избраннымъ въ присяжные, права свидѣтельствовать и искать на судѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ арестъ, по распоряженію свѣтской власти, впредь до примиренія съ церковью. Статутъ 53 Георга III (гл. 127. § 3) отмѣнилъ эти послѣдствія отлученія и опредѣлилъ вмѣсто ихъ, въ видѣ прибавочнаго наказанія къ отлученію, тюремное заключеніе отлученнаго, на время до 6 мѣсяцевъ; виновные же въ неявкѣ по вызову духовнаго суда или въ неисполненіи приговоровъ его подвергаются аресту въ теченіи такого же времени, не будучи исключаемы изъ церковной общины.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ въ судопроизводство духовныхъ судовъ вмѣшиваются, по просьбамъ сторонъ, суды обычнаго права съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать исполненію обрядовъ духовной процедуры, въ особенности избавить сторону отъ необходимости представленія двухъ свидѣтелей въ доказательство своего объясненія. Это бываетъ преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ духовномъ судѣ разбирается такого рода дѣло, которое одинаково могло бы производиться и въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, каковы, наприм., дѣла по платежамъ, по освобожденію отъ внесенія налоговъ, по договорамъ. Вмѣшательство судовъ *common law* имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, когда духовный судъ переступаетъ предѣлы предоставленной ему власти.

Духовные суды суть слѣдующіе: судъ архидіакона, отправляемый его официаломъ; судъ епископа—*Consistory court*—отправляемый его канцлеромъ, судъ архіепископа, подъ предсѣдательствомъ его главнаго официала. Два первые суда имѣютъ въ большинствѣ случаевъ совмѣстную юрисдикцію. Для привилегированныхъ приходовъ судъ епископа замѣ-

няется судомъ Court of Peculiars, который составляетъ отдѣленіе суда Court of Arches—Ecclesia Sancta Maria de arcibus—архіепископа кэнтерборійскаго. Дѣла о завѣщаніяхъ, если наслѣдство находится въ нѣсколькихъ епархіяхъ, подлежатъ суду Prerogative court. Самой высшей инстанціей по духовнымъ дѣламъ, на основаніи кларендонскихъ конституцій 1164 г., былъ король; со времени же Генриха II—папа. Генрихъ VIII снова присвоилъ королю право верховнаго судьи по духовнымъ дѣламъ. Впослѣдствіи отъ имени короля дѣйствовалъ Court of Delegates, состоявшій большею частью изъ духовныхъ и свѣтскихъ лордовъ и всегда изъ судей вестминстерскихъ судовъ и докторовъ civil law. Но послѣ изданія статутовъ: 2 и 3 Вильг. IV гл. 90, 3 и 4 Вильг. IV гл. 41, § 3, 6 и 7 Викторія гл. 38. § 11, все вѣдомство этого суда перешло въ тайный совѣтъ. — Духовная юрисдикція считается королевскою, такъ какъ королева есть главный епископъ королевства. Судьи духовныхъ судовъ назначаются высшими духовными сановниками и выбираются изъ числа адвокатовъ civil law.

Къ духовнымъ судамъ, curiae christianitatis, примыкаютъ суды университетовъ оксфордскаго и кембриджскаго, сообразно духовному характеру этихъ заведеній.

Судъ канцлера университета, представляемый вице-канцлеромъ или его намѣстникомъ, имѣетъ исключительную юрисдикцію по всѣмъ гражданскимъ искамъ, въ которыхъ участвуетъ, въ качествѣ стороны, студентъ или лицо, получившее ученую степень, — за исключеніемъ лишь исковъ о свободной поземельной собственности, freehold. Университетскій судъ принимаетъ, однакожъ, искъ только въ томъ случаѣ, если отвѣчикъ живетъ въ университетскомъ городѣ, а что касается кембриджскаго университета, то къ этому условію присоединяется еще другое, именно: если и самое основаніе иска возникло въ университетскомъ городѣ или въ его предмѣстьяхъ—suburbs. Въ силу привилегій, данныхъ университетамъ, дѣла, подлежащія вѣдѣнію университетскихъ судовъ, должны быть рѣшаемы или на основаніи общаго права страны, или на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Вслѣдствіе этого порядокъ производства въ университетскихъ судахъ тотъ же самый, какой употребляется въ духовныхъ судахъ, т. е. основанный на такъ-называемомъ «гражданскомъ правѣ». Дѣла рѣшаются безъ участія присяжныхъ. Способъ обжалованія приговоровъ университетскаго суда слѣдующій: аппеляція на приговоръ подается во-первыхъ депутатамъ конгрегации, затѣмъ депутатамъ конвокаціи, и, наконецъ, если рѣшенія этихъ трехъ инстанцій не согласны между собою, дѣло поступаетъ на разсмотрѣніе особыхъ, назначаемыхъ отъ короны судей.

По дѣламъ уголовнымъ власть университетскаго суда сначала была очень ограниченная. Онъ могъ судить лицъ, принадлежащихъ къ уни-

верситету, только за проступки маловажные, т. е. за всё преступленія, кромѣ государственной измѣны, felony и тяжкихъ увѣчій и ранъ; порядокъ разбирательства былъ сокращенный, безъ участія присяжныхъ. Но въ послѣдствіи Генрихъ IV далъ университетамъ привилегію, въ силу которой всякое обвиненіе противъ члена университетской корпораціи по поводу измѣны, участія въ возмущеніи, felony или тяжкихъ увѣчій и ранъ, въ какомъ бы королевскомъ судѣ оно ни состоялось, должно было передаваться для обсужденія и рѣшенія къ high steward университета. Послѣ того каждый разъ, когда какое-либо большое джюри произносило подобное обвиненіе, вице-канцлеръ университета требовалъ дѣло для дальнѣйшаго производства въ университетскій судъ, который самъ не имѣлъ при себѣ обвинительнаго джюри. Для сужденія этихъ тяжчайшихъ преступленій назначался high steward, который долженъ былъ приглашать присяжныхъ, выбиравшихся по особенному правилу.

Но это судопроизводство передъ high steward'омъ университета совершенно вышло изъ употребленія. Послѣдніе примѣры его встрѣчаются въ царствованіе Карла I.

Судъ адмиралтейства — high court of admiralty — учрежденъ впервые Эдуардомъ III. Ему предоставлена была подсудность по всѣмъ искамъ, касавшимся такихъ фактовъ, которые совершились на морѣ, или, лучше сказать, внѣ круга дѣйствія обычнаго права, т. е. внѣ предѣловъ англійскаго графства; а равно подсудность по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, содѣянныхъ въ открытомъ морѣ, среди большихъ морскихъ заливовъ, при устьяхъ рѣкъ, при входѣ въ гавань, на морскомъ берегу. Судопроизводство этого суда первоначально какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, основывалось на гражданскомъ правѣ въ англійскомъ смыслѣ — очевидное доказательство ограниченности сферы дѣйствія common law въ противоположность міровому характеру римско-каноническаго права. Главное отличіе процесса въ court of admiralty составляло отсутствіе въ немъ присяжныхъ. Судья адмиралтейства рѣшалъ какъ вопросы фактическіе, такъ и вопросы юридическіе. Море, разсуждали англійскіе юристы, не принадлежитъ вѣдь къ country, а присяжные могутъ быть избираемы только въ country. Эта тѣсная связь между судомъ присяжныхъ и родной землей — country и jury и теперь еще въ извѣстномъ смыслѣ синонимы — имѣла рѣшительное вліяніе на порядокъ производства въ судѣ адмиралтейства, а также и въ рыцарскомъ судѣ, court of chivalry. Въ судѣ адмиралтейства гражданскія дѣла и до сихъ поръ рѣшаются въ сущности безъ участія присяжныхъ; также рѣшаются и дѣла, касающіяся призовъ и береговаго права. Сходство суда адмиралтейства съ духовными судами по отношенію къ источникамъ права и процедурѣ проявляется внѣшнимъ образомъ: во-

первыхъ, въ общемъ этимъ судамъ мѣсто засѣданій — *Doctors commons doctores communes, i. e. juris communis*—; далѣе, въ обязанности высшаго духовнаго судьи—*Dean of Arches*—помогать судѣ адмиралтейства при отправленіи имъ должности и заступать, въ случаѣ надобности, его мѣсто; наконецъ, въ одинаковости адвокатуры. Въ колониальныхъ владѣніяхъ Англіи установлены подобные же суды подъ именемъ судовъ вице-адмиралтейства. Апелляціи на приговоры этихъ судовъ въ прежнее время подавались въ судъ адмиралтейства въ Англіи или королю въ тайномъ совѣтѣ; изъ суда же адмиралтейства дѣла переносились въ *court of delegates*. По дѣламъ о призахъ учрежденъ былъ особый высшій призовый судъ. Но въ царствованіи Вильгельма IV и Викторіи право суда адмиралтейства разсматривать дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ отмѣнено, *court of delegates* упраздненъ, — и теперь по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію судовъ адмиралтейства, верховную инстанцію представляетъ судебный комитетъ тайнаго совѣта.

Примѣненіе римско-каноническаго процесса къ уголовнымъ случаямъ встрѣчало уже въ средніе вѣка много противниковъ. И въ то время распространено уже было убѣжденіе, что безъ участія присяжныхъ въ судѣ невинно обвиняемый легко можетъ сдѣлаться жертвой злонамѣренности или предубѣжденія единичной личности—судьи, и что, съ другой стороны, осужденіе дѣйствительно виновнаго будетъ слишкомъ не надежно, если довольствоваться для доказательства виновности собственнымъ признаніемъ подсудимаго или показаніемъ двухъ свидѣтелей. Велѣдствіе этого Генрихъ VIII (стат. 28. гл. 15) постановилъ, чтобы всѣ дѣла о государственной измѣнѣ, о *felonies*, о разбойничествѣ, о предумышленныхъ убійствахъ, о противозаконныхъ обществахъ, подлежащія вѣдѣнію адмиралтейства, производились и рѣшались по обычному праву. Для дѣлъ этого рода учрежденъ былъ особый судъ — *commissioners of oyer and terminer*—, состоявшій изъ адмирала или его депутатовъ, изъ судьи адмиралтейства, и изъ трехъ или четырехъ засѣдателей, въ томъ числѣ двое судей обычного права; кромѣ того, при судѣ находилось большое и малое джюри. На основаніи статутровъ 4 и 5 Вильгельма VI, судья адмиралтейства прикомандированъ былъ къ центральному уголовному суду города Лондона, и этотъ трибуналъ получилъ обширную власть вѣдать преступленія, совершенныя въ судебномъ округѣ адмиралтейства. Наконецъ, законоположенія 7 и 8 Викторіи гл. 2 уполномочили всѣхъ судей, открывающихъ полугодные ассизы — *circuits* — рѣшать дѣла о преступленіяхъ, подсудныхъ *court of admiralty*. Это постановленіе подтверждено было впоследствии и статутами 6 августа 1861 г., преобразовавшими значительную часть англійскаго уголовного законодательства (*Criminal law consolidation statutes 24 and 25 Vict.*):

Такимъ образомъ въ метрополіи юрисдикція суда адмиралтейства по дѣламъ уголовнымъ существуетъ теперь только по имени. Напротивъ, по гражданскимъ дѣламъ вѣдомство его въ послѣднее время даже нѣсколько расширено. Оно обнимаетъ: тяжбы о правѣ на обломки разбившагося корабля, на грузъ погибшаго судна, выкинутый на берегъ; споры относительно уплаты жалованія служащимъ на кораблѣ, хотя бы даже контрактъ между истцемъ и хозяиномъ судна заключенъ былъ на сушѣ; дѣла по сбору денегъ на устройство всѣхъ и т. п. въ форватерахъ; кромѣ т. го, статутами: 3 и 4 Викт. гл. 65 вѣдомство его распространено, съ нѣкоторыми ограниченіями, на дѣла, касающіяся владѣнія кораблями и отдачи ихъ подъ залогъ, на споры по поводу платы за буксированіе, или за спасеніе груза съ разбившагося судна, дѣла объ аваріяхъ, о бодмерейныхъ договорахъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ все равно, гдѣ бы ни возникло основаніе иска. — По менѣе важнымъ спорнымъ дѣламъ пользуются отчасти мировые судьи совмѣстной юрисдикціи; а для рѣшенія исковъ о вознагражденіи за спасенія груза съ погибшаго корабля учреждены во многихъ мѣстахъ особыя комисіи.

Право, которымъ руководствуется судъ адмиралтейства въ своихъ рѣшеніяхъ, и процедура въ этомъ судѣ примыкаютъ въ сущности къ постановленіямъ такъ-называемаго гражданского права, но дополнены въ извѣстной степени сообразно законамъ о мореплаваніи и обычаямъ современныхъ морскихъ націй. Дѣла о призахъ рѣшаются на основаніи международного права и международныхъ трактатовъ. Относительно подробностей судопроизводства можетъ, съ разрѣшенія тайнаго совѣта, устанавливаться отъ времени до времени извѣстныя, опредѣленныя нормы. Эта и нѣкоторыя другія привилегіи предоставлены судѣ адмиралтейства вышеупомянутымъ статутномъ Викторіи (3 и 4 гл. 65), съ цѣлью уравнять его въ правахъ съ судьями common law. Тотъ же статутъ позволяетъ ему испрашивать, въ исключительныхъ случаяхъ, вердиктъ присяжныхъ относительно спорныхъ фактическихъ обстоятельствъ. Въ такихъ случаяхъ подлежащіе рѣшенію вопросы о фактѣ предлагаются, чрезъ посредство судьи высшаго суда, присяжнымъ, присутствующимъ на срочныхъ, такъ-называемыхъ nisi prius, засѣданіяхъ вестминстерскихъ судовъ. Обыкновенный порядокъ производства въ судѣ адмиралтейства состоитъ въ предъявленіи сторонами письменныхъ доказательствъ или въ допросѣ свидѣтелей и записываніи ихъ показаній передъ чиновникомъ суда, безъ участія присяжныхъ. Часто, вмѣсто вызова обвиняемаго установленнымъ порядкомъ, прямо дѣлается распоряженіе объ арестѣ его.

Тайный совѣтъ—privy council, прежде council board,—не говоря объ его номинальныхъ функціяхъ въ области законодательства и администраціи, представляетъ высшее судебное мѣсто по всѣмъ дѣламъ, рѣшаемымъ не на основаніи common law или equity, въ особенности по дѣламъ, рѣша-

емымъ въ колоніальныхъ судахъ. Прежняя высшая инстанція въ отношеніи суда адмиралтейства и духовныхъ судовъ—*court of delegates*, упраздненный статутомъ 2 или 3 Вильгельма IV, образованъ былъ во всемъ своемъ составѣ изъ членовъ тайнаго совѣта по судебнымъ дѣламъ. Со времени статутовъ 3 и 4 Вильгельма IV судебной частью тайнаго совѣта завѣдуетъ особое постоянное отдѣленіе его, такъ - называемый судебный комитетъ, *judicial committee*, въ которомъ засѣдаютъ: президентъ тайнаго совѣта, судьи высшихъ государственныхъ судовъ, имѣющіе званіе *privy councillor* (тайный совѣтникъ), и нѣкоторые другіе члены по особому назначенію. Наличность четырехъ членовъ въ комитетѣ достаточна для того, чтобы постановленія его получили законную силу. При производствѣ суда надъ духовнымъ лицомъ за нарушеніе обязанностей своего званія, въ комитетѣ присутствуютъ засѣдатели отъ духовенства. Комитетъ имѣетъ право допрашивать подсудимаго подъ присягою и въ случаѣ надобности призывать присяжныхъ; приговоры постановляетъ — выражаясь техническимъ языкомъ—*queen in council* (королева въ совѣтѣ).

XII.

Рыцарскій судъ — Военные суды.

Рыцарскій судъ—*court of chivalry, curia militaris*—теперь совершенно вышелъ изъ употребленія. Въ прежнее время назначеніе его состояло въ рѣшеніи: тяжбъ, касавшихся рыцарской службы, въ особенности службы во время войны, какъ внутри, такъ и внѣ королевства; дѣлъ о преступленіяхъ, совершенныхъ внѣ государства, но однакоже не на морѣ; дѣлъ о договорахъ и т. п., заключенныхъ за границею и тамъ же подлежащихъ къ исполненію; дѣлъ о нарушеніи законовъ турнира, о рыцарскихъ гербахъ и степеняхъ; наконецъ, такихъ исковъ объ оскорбленіи чести, по которымъ суды обычнаго права не могли дать защиты обиженному. Главными предметами дѣятельности *court of chivalry* были: рыцарство въ Англіи и спорныя дѣла англійской короны въ ея французскихъ владѣніяхъ. Рыцарскій судъ, состоявшій изъ *earl marshal* и изъ лорда великаго конетабля, пользовался до временъ Генриха VIII юрисдикціей какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ, и имѣлъ право присуждать уголовныхъ преступниковъ къ лишенію жизни или къ наказаніямъ изувѣчивающимъ, къ обрѣзанію членовъ тѣла. Но вмѣстѣ съ упраздненіемъ постоянной должности великаго конетабля прекратилась и судебно-уголовная власть *court of chivalry*. Той же участи подверглась

вскорѣ и подсудность его по дѣламъ гражданскимъ и дѣламъ объ обидахъ,—отчасти потому, что не стало главнаго поприща ея дѣятельности, отчасти потому, что рыцарскій судъ не могъ приговорить ни къ денежной пенѣ, ни къ тюремному заключенію, а назначалъ лишь наказанія измѣненіемъ чести, напр. публичное признаніе во лжи; отчасти, наконецъ, потому, что вступило во всеобщее дѣйствіе начало, провозглашенное еще въ 1390 г., согласно которому въ court of chivalry должны были поступать только дѣла, изъятые изъ вѣдомства судовъ обычнаго права. Къ дѣламъ этого рода причислялись въ особенности дѣла объ оскорбленіяхъ бранными словами. Новѣйшія законоположенія отняли у рыцарскаго суда и послѣднюю тѣнь его власти — юрисдикцію по дѣламъ о словесныхъ обидахъ.

Процессъ въ court of chivalry производился безъ содѣйствія присяжныхъ. Судъ руководствовался главнымъ образомъ такъ-называемымъ правомъ оружія—law of arms, jus armorum,—которое носило на себѣ міровой характеръ — оно было распространено на всемъ западѣ. Приговоръ основывался на поединкѣ сторонъ или на показаніяхъ свидѣтелей.—Послѣдніе остатки рыцарскаго суда уцѣлѣли въ лицѣ нѣсколькихъ чиновниковъ, называемыхъ герольдами—herald,—которые ведутъ родословную книгу англійскаго дворянства.—Паденіе court of chivalry повелѣло къ тому, что въ Англіи въ настоящее время обиды словомъ остаются совершенно безнаказанными. Название curia militaris произошло не отъ нынѣшняго слова «military» (военные), но отъ средневѣковаго miles (рыцари). Военные суды въ современномъ смыслѣ существуютъ въ Англіи только для сужденія солдатъ за нарушеніе воинской дисциплины. Суды general courts martial, состоящіе изъ судьи и 12 присяжныхъ, вѣдаютъ всѣ тягчайшія военныя преступленія, а равно процессы между офицерами по поводу оскорбленія чести. Въ этихъ судахъ дѣла рѣшаются по большинству голосовъ; для произнесенія смертнаго приговора необходимо большинство $\frac{2}{3}$ голосовъ. Менѣе важныя преступленія разбираются отчасти въ высшихъ военныхъ судахъ, отчасти дисциплинарнымъ порядкомъ. На приговоръ суда general court martial допускается аппеляція въ высшіе государственные суды.

XIII.

Суды документальные и недокументальные.

Слово court первоначально означало всякій органъ верховной власти. Оно сохранилось отъ той эпохи, когда еще не было извѣстно строгое раздѣленіе правосудія и администраціи, и указываетъ на первобытное, отчасти и теперь существующее однообразіе формъ, въ которыхъ проявлялись обѣ эти функціи государственной власти. Такимъ образомъ Кокъ подъ словомъ courts понимаетъ всю правительственную организацію. Въ наше же время названіе court присвоено лишь настоящимъ судебнымъ учрежденіямъ.

Англійское право различаетъ courts of record и not of record. Records — это протоколы судебныхъ засѣданій, написанные на пергаментѣ, по установленной формѣ. Какъ судебное доказательство, record исключаетъ всякое опроверженіе. Courts of record, т. е. суды, имѣющіе привилегію составлять records, образуютъ родъ высшихъ, полноправныхъ судебныхъ учреждений. Они одни пользуются правомъ, за оскорбленіе ихъ власти непосредственно подвергать виновныхъ денежному штрафу и лишать свободы; поэтому судъ, получившій такое право, становится судомъ of record. Равнымъ образомъ, исключительно одни только courts of record вправе требовать отъ сторонъ клятвеннаго ручательства—recognizance—относительно явки въ судъ, исполненія его распоряженій и т. п. Изъ неопровержимости records, какъ судебныхъ письменныхъ доказательствъ, вытекаетъ то необходимое послѣдствіе, что приговоры судовъ courts of record ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ апеллиціи—writ of false judgement,—т. е. такому отъзыву, который повлекъ бы за собою пересмотръ всѣхъ матеріаловъ процесса, рѣшеннаго въ court of record; на приговоры этихъ судовъ допускается лишь кассационная жалоба — writ of error — по поводу нарушенія формъ и обрядовъ судопроизводства. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что различіе между этими двумя категоріями судовъ большею частью утратило практическое значеніе, такъ что въ настоящее время есть множество судовъ, относительно которыхъ очень трудно сказать, къ какой именно категоріи они принадлежатъ. Какъ происхожденіе, такъ и уничтоженіе этого различія между судебными установленіями тѣсно связаны съ привилегированнымъ положеніемъ судовъ обычнаго права и съ развитіемъ института присяжныхъ. Въ теченіи долгаго времени суды обычнаго права употребляли двоякаго рода процедуру; trial by jury (судопроизводство съ участіемъ присяжныхъ) и trial by record (производство письменное). Record, какъ средство доказательства, стоялъ на ряду или даже выше джюри. Отсюда чрезвычайная заботливость законодательства,

чтобы record не вытѣснилъ собою учрежденія джюри, чтобы право составлять records не давалось такимъ судамъ, въ которыхъ нѣтъ одного изъ средствъ изслѣдованія истины—присяжныхъ. Оттого-то это право, подобно уголовной юстиціи, присвоено было главнымъ образомъ судамъ common law. Придавая records безусловную силу доказательства, законодатель по-видимому, руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что въ основѣ record лежитъ вердиктъ присяжныхъ, и потому нѣтъ надобности спрашивать по тому же дѣлу новыхъ присяжныхъ. Съ уничтоженіемъ письменнаго порядка судопроизводства—trial by record—джюри перестаетъ быть простымъ средствомъ доказательства—вердиктъ джюри получаетъ въ нѣкоторомъ родѣ характеръ судебскаго приговора; самые records представляются теперь на разсмотрѣніе присяжныхъ, которые трактуютъ ихъ подобно всякому другому судебному доказательству. Такимъ образомъ въ настоящее время нѣтъ никакой существенной разницы между court of record и court not of record.

Къ судамъ courts of record причисляются, во-первыхъ: судъ королевской скамьи, судъ common pleas, судъ казначейства и департаментъ суда канцлера по отдѣлу обычнаго права. Далѣе, сюда же относятся: соотвѣтственные предъидущимъ суды герцогства ланкастерскаго, суды такъ-называемые nisi prius, oyer and terminer, gaol delivery, суды мировой юстиціи, суды корнуэльскихъ оловянныхъ рудниковъ и т. п., судъ коронера и нѣсколько муниципальных судовъ: mayor and aldermen, borough courts of record, и т. д. Изъ числа прежнихъ, теперь вышедшихъ изъ употребленія судовъ къ этому разряду принадлежали; судъ гофмаршала, palace court, sheriffs tourn и court leet, суды лѣснаго вѣдомства: court of attachment, swainmote, justice seat. Парламентъ вмѣстѣ съ королевой — high court of parliament — и каждая палата парламента въ отдѣльности также считаются court of record.

Не имѣли права составлять records слѣдующія судебныя учрежденія: департаментъ суда канцлера по отдѣлу equity, духовные суды, суды морскаго вѣдомства, рыцарскій судъ, суды courts of request and of conscience, суды съ выборными засѣдателями (suitors); court baron, hundred court, county court, court of ancient demesne (судъ королевскихъ удѣловъ, въ родѣ court baron) и, наконецъ, тайный совѣтъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ немъ производились дѣла о государственныхъ преступленіяхъ,

XIV.

Судебныя преобразованія новѣйшаго времени.

Изъ предыдущаго очерка легко видѣть, что организація англійской судебной части представляетъ прежде всего слѣдующія двѣ особенности. Первая особенность — это совмѣстное существованіе многихъ группъ судовъ, которые различаются между собою не по степенямъ и округамъ, не по предметамъ вѣдомства, а по системамъ права, которыми они руководствуются въ своихъ рѣшеніяхъ, по формамъ и обрядамъ судопроизводства. Суды, отправляющіе правосудіе по исключительно національному англійскому *common law*, безспорно удерживаютъ за собою первенство; въ ихъ рукахъ находится почти вся уголовная юстиція, имъ же принадлежитъ и высшій надзоръ за всѣми другими судами въ государствѣ. Второе, по значенію, мѣсто занимаютъ суды, рѣшающіе по такъ-называемой справедливости, *equity*, т. е. по общему римско-каноническому праву, получившему въ Англіи особенный національный отпечатокъ. Самымъ ограниченнымъ кругомъ дѣйствія пользуется третья группа судовъ, называемыхъ поэтому также «спеціальными судами», въ которыхъ всемірное римско-каноническое право чище всего сохранилось отъ вліянія національнаго элемента. Вторая важная характеристическая черта англійскаго судоустройства, черта, которая еще рѣзче, чѣмъ первая, бросается въ глаза — это сосредоточеніе правосудія по *common law* и по *equity* въ вестминстерскихъ судахъ и совершенный недостатокъ въ графствахъ сколько нибудь значительныхъ гражданскихъ судовъ. Правосудіе по обычному праву основывается на различіи между вопросомъ о правѣ и вопросомъ о фактѣ, между судомъ и юстиціей, между органами правительства и представителями общины графства, наконецъ, на различіи между *leges generales* (общіе законы) графствъ и *leges speciales* (мѣстные законы) городовъ.

Въ новѣйшее время всѣ эти области англійскаго судоустройства подверглись существеннымъ преобразованіямъ, которыя можно вообще охарактеризовать слѣдующими двумя словами: децентрализація и сближеніе противоположныхъ формъ суда. Впрочемъ, первые начатки этой реформы относятся, по крайней мѣрѣ отчасти, къ довольно отдаленному времени и при удобномъ случаѣ осуществлялись уже на практикѣ.

Сосредоточеніе гражданскаго правосудія въ вестминстерскихъ судахъ, процессъ въ которыхъ обходится весьма не дешево, лишило бѣднѣйшую часть народонаселенія почти всякой защиты со стороны закона въ гражданскихъ дѣлахъ.

Паденіе древнихъ народныхъ судовъ повлекло за собою необходимость установить мѣстные суды для разбора такихъ спорныхъ дѣлъ, ко-

торья по малоцѣнности иска неудобно бы было вести передъ ассизнымъ судомъ, такъ какъ производство на полугодичныхъ ассизахъ сопряжено и съ значительной потерей времени и съ большими издержками. Такимъ образомъ возникли courts of request, называвшіеся также courts of conscience—видоизмѣненіе суда equity. Первый судъ такого рода введенъ былъ для Лондона во времена Генриха VIII. Впослѣдствіи особенными парламентскими актами они мало по малу учреждены были и во многихъ другихъ мѣстахъ. Вообще законодательство перестало заниматься вопросомъ о судахъ подобнаго рода, въ особенности въ царствованіе Якова I, Георга III, Вильгельма IV и Викторіи. Судья такого суда назывался commissioner of the court. Къ нему иногда присоединялись засѣдатели, обязанные исправлять, въ случаѣ надобности, должность судьи. Court of request подлежали долговые иски на сумму до сорока шиллинговъ, часто даже до пяти фунтовъ. Судопроизводство было сокращенное, т. е. безъ участія присяжныхъ. Свидѣтели и стороны допрашивались подъ присягою. Дѣло рѣшалось по справедливости—equity—и по совѣсти—conscience. При Вильгельмѣ IV мѣстную юрисдикцію этихъ судовъ, учрежденныхъ большею частью въ городахъ, стали распространять и на прилежащія къ городамъ участки земли.

Замѣчательная попытка возстановить древній народный судъ сдѣлана была въ царствованіе Георга II (стат. 23, гл. 33) для графства Мидльсексъ, въ которомъ расположена большая часть Лондона. Такъ-называемый county clerk долженъ былъ по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ открывать въ каждой сотнѣ special county court (частный судъ графства). Въ этомъ судѣ участвовали, въ качествѣ suitors, человѣкъ двѣнадцать землевладѣльцевъ сотни, удовлетворявшихъ тѣмъ качествамъ, какія требуются отъ присяжныхъ; ни одинъ изъ нихъ не могъ быть выбранъ въ suitor's болѣе одного раза въ годъ. County clerk и засѣдатели разбирали сокращеннымъ порядкомъ всѣ иски на сумму сорокъ шиллинговъ — спрашивали подъ присягой свидѣтелей и стороны рѣшали дѣло по совѣсти. На приговоры этого суда не допускалась никакая аппеляція; точно также, исковое прошеніе, поданное въ special county court, ни въ какомъ случаѣ не могло быть взято назадъ. Если истецъ заводилъ процессъ въ какомъ либо высшемъ судѣ и если этотъ судъ приговаривалъ отвѣтника къ штрафу менѣе сорока шиллинговъ, т. е. къ мѣрѣ наказанія, присвоенной special county court, то всѣ судебныя издержки падали на истца.

Мысль, руководившая законодателемъ при этихъ отдѣльных попыткахъ введенія мѣстныхъ судовъ, въ 1846 г. исполнена была систематически. На основаніи закона 1846 г., вся Англія вмѣстѣ съ Уэльсомъ раздѣлена на шестьдесятъ округовъ и въ каждомъ округѣ учрежденъ county court (судъ графства), какъ прямой преемникъ стариннаго county court. Сначала новымъ судамъ графствъ подлежали только иски ex contractu

(по договорамъ) и ex delicto (о правонарушеніи), не превышавшіе по цѣнности двадцати фунтовъ; но съ 1850 г. къ нимъ могутъ поступать иски на сумму до пятидесяти фунтовъ. Точно также они рѣшаютъ дѣла, касающіяся такихъ благотворительныхъ заведеній, которыхъ валовой доходъ не превышаетъ пятидесяти фунтовъ. Казна можетъ предъявлять въ этихъ судахъ иски о взысканіи пошлины съ наследства, на сумму не болѣе пятидесяти фунтовъ, и иски по поволу нарушенія устава о пошлинахъ, на сумму до ста фунтовъ. Кромѣ того, судъ графства разбираетъ, по взаимному согласію сторонъ, споры о завѣщаніяхъ, на сумму до трехсотъ фунтовъ, споры о владѣніи и жалобы о взысканіи десятины, на неограниченную сумму. Въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣнность иска превышаетъ пятьдесятъ фунтовъ, когда стороны живутъ одна отъ другой на разстояніи болѣе двадцати миль и т. п.,—государственные суды имѣютъ совмѣстную юрисдикцію съ судами графствъ. — County courts, съ тѣхъ поръ какъ они введены, получили уже много новыхъ атрибутовъ, въ видахъ облегченія высшихъ судовъ, и по всей вѣроятности кругъ вѣдомства ихъ со временемъ еще болѣе расширится.

Судъ графства составленъ изъ одного или двухъ судей, которые назначаются изъ числа адвокатовъ, занимавшихся не менѣе семи лѣтъ практикой. Каждый судебный округъ подраздѣленъ на участки, въ которыхъ въ опредѣленное время открываются засѣданія county court.

Порядокъ судопроизводства въ county court смѣшанный изъ обычнаго права и equity. По образцу процесса equity, стороны могутъ быть спрошены, какъ свидѣтели, подъ присягой. По образцу процесса common law, допускается участіе присяжныхъ въ судѣ. Впрочемъ, присяжные (въ числѣ пяти человекъ) приглашаются по требованію стороны лишь въ томъ случаѣ, если цѣнность иска болѣе пяти фунтовъ. На практикѣ число случаевъ, въ которыхъ призывается джюри, составляетъ только $\frac{1}{2}$ процента всѣхъ дѣлъ, рѣшаемыхъ въ судѣ графства. Дозволеніе отвѣтчику имѣть защитника зависитъ отъ усмотрѣнія судьи, который, однакожъ, обязанъ для соблюденія формы спрашивать у отвѣтчика, не желаетъ ли онъ избрать себѣ защитника. Право апелляціи на приговоры этого суда стѣснено различными ограниченіями; самый порядокъ обжалованія соотвѣтствуетъ порядку, употребляемому въ судопроизводствѣ common law.

Гражданскіе суды городовъ упразднены закономъ 1846 г.; вѣдомство ихъ перешло въ county courts. Тотъ же законъ отмѣнилъ и право шерифа рѣшать гражданскія дѣла, право, которое, впрочемъ, существовало только по имени.

Въ новѣйшее время и въ вестминстерскихъ судахъ, подобно тому какъ въ судахъ графствъ, проложенъ путь къ сліянію судопроизводства common law съ судопроизводствомъ equity. Законъ 1852 г. (стат. 14 и

15 Викт.) предоставилъ судамъ *common law* право — въ гражданскихъ процессахъ, по соглашенію съ сторонами, рѣшать фактическіе вопросы безъ присяжныхъ; тогда какъ прежде участіе присяжныхъ было обязательно. Съ другой стороны, суду канцлера дозволено — непосредственно приглашать присяжныхъ, и тѣмъ самымъ *equity side* этого суда, т. е. департаментъ его по отдѣлу права *equity*, включенъ въ число судовъ обычнаго права.

Централизациа уголовного правосудія уже въ XV ст. ослаблена была въ значительной степени мировой юстиціей. Въ области уголовного правосудія искони дѣйствовало одно только право — право обычное. Слѣдовательно, на этомъ пути оставалось сдѣлать одинъ только шагъ, именно — уравнять графства съ городами по отношенію отправленія уголовной юстиціи. Такое уравниеніе началось въ 1835 г., когда юрисдикція городскихъ уголовныхъ судовъ распространена была и на пограничныя съ городомъ части графства. Замѣчательное соединеніе городской и провинціальной подсудности представляетъ центральный уголовный судъ, учрежденный статутами 4 и 5 Вильгельма IV гл. 36. Этотъ судъ собирается ежемѣсячно и раздѣляется обыкновенно на нѣсколько отдѣленій, дѣйствующихъ одновременно; онъ состоитъ изъ вестминстерскихъ судей и изъ чиновниковъ Сити по судебной части; судебная власть его простирается на десять миль вокругъ собора св. Павла, и соединяетъ, какъ по предметамъ, такъ и по кругу вѣдомства, юрисдикцію городскихъ судовъ съ юрисдикціей ассизныхъ судей. При разборѣ отдѣльнаго случая здѣсь, подобно тому, какъ и на *circuits*, дѣйствительнымъ представителемъ суда бываетъ обыкновенно лишь одинъ судья; кромѣ того, въ судѣ участвуютъ присяжные. Центральный уголовный судъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ переходная станція на пути новыхъ преобразованій въ уголовномъ судопроизводствѣ.

Политическія, административныя и судебныя занятія лорда-канцлера возрасли въ теченіе долгаго времени до такихъ огромныхъ размѣровъ, что этотъ первый судья въ государствѣ долженъ былъ предоставить существенную часть своихъ судейскихъ обязанностей своимъ помощникамъ, въ особенности такъ-называемымъ *Masters in chancery*. Между тѣмъ изъ этой передачи *de facto* впослѣдствіи образовались особыя отрасли судебной власти *de jure*. Такъ сначала возникъ *Rolls court*, судъ хранителя государственныхъ грамотъ — *Master of the rolls*;— а затѣмъ суды вице-канцлеровъ. Апелляція на приговоры этихъ судовъ приносится лорду-канцлеру или апелляціоннымъ судьямъ — *Lords justices*.

По дѣламъ о назначеніи опеки надъ умалишенными учреждена (стат. 8 и 9 Викт. гл. 100) особая коммисія, состоящая изъ такъ-называемыхъ *Masters in lunacy*, которые опредѣляются канцлеромъ изъ числа опытныхъ адвокатовъ, и которые обязаны свидѣтельствовать, вмѣстѣ съ при-

присяжными, умственное состояніе лицъ, подлежащихъ опеку. Впрочемъ, канцлеру предоставлено право назначать, по своему усмотрѣнію, въ отдѣльныхъ случаяхъ особыя комисіи. — Для наблюденія за содержаніемъ лицъ признанныхъ сумасшедшими, установлена, на основаніи статутовъ 3 и 4 Вильгельма IV, гл. 36, особая комисіа по назначенію канцлера; она ежегодно осматриваетъ казенныя заведенія для умалишенныхъ и о результатахъ осмотра доноситъ канцлеру. Эти ревизоры домовъ сумасшедшихъ — *visitors of lunatics*, — въ числѣ трехъ, выбираются отчасти изъ врачей, отчасти изъ адвокатовъ; къ нимъ во время ревизіи присоединяются *ex officio* члены первой комисіи, *masters in lunacy*.

Дѣла о банкротствахъ — которыя вѣдали сначала семьдесятъ отдѣльныхъ комиссаровъ, а потомъ самостоятельный судъ, *court of bankruptcy*, — переданы на основаніи новаго конкурснаго устава (стат. 12 и 15 Викт. гл. 106) въ особыя комисіи по назначенію канцлера. Такія комисіи существуютъ теперь въ Лондонѣ (съ юрисдикціей на сорокъ миль въ окружности), Бирмингемѣ, Бристолѣ, Эксетерѣ, Лидсѣ, Манчестерѣ, Ливерпулѣ и Ньюкэстлѣ. Отзѣвы на рѣшенія комисій подаются въ судъ канцлера — *lords justices in chancery*. Конкурсное судопроизводство, которому подсудны только торговцы и промышленники, вращается, въ сущности, въ формахъ и обрядахъ процесса, свойственнаго суду канцлера. — Къ этимъ же комисіямъ перешли и обязанности прежняго суда по дѣламъ о несостоятельныхъ должникахъ — *court for the relief of insolvent debtors*, — назначеніе котораго состояло въ предоставленіи должникамъ не изъ купцевъ справедливой защиты противъ чрезмѣрно суровыхъ законовъ о несостоятельныхъ должникахъ. — Въ послѣднее время комисіи по дѣламъ о банкротахъ должны были удѣлить часть своей подсудности новымъ судамъ графствъ.

Юрисдикція духовныхъ судовъ подверглась ограниченію, равносильному почти совершенной отмѣнѣ ея: въ 1857 г. учреждены особыя суды по дѣламъ бракоразводнымъ и по дѣламъ о завѣщаніяхъ — *court of divorce and matrimonial causes* и *court of probate*.

Послѣдній, т. е. *court of probate*, состоящій изъ одного судьи, равнаго по степени съ вестминстерскимъ судьею, и изъ опредѣленнаго числа нисшихъ чиновниковъ. На обязанности этого суда лежитъ слѣдующее: засвидѣтельствованіе и изготовление духовныхъ завѣщаній — *probate of wills*; выдача разрѣшенія на вступленіе во владѣніе наслѣдствомъ *ab intestat* — *granting of administration*; и, наконецъ, рѣшеніе споровъ о дѣйствительности завѣщаній. По дѣламъ на сумму менѣе трехсотъ фунтовъ суды графствъ пользуются совмѣстной юрисдикціей. *Court of probate* можетъ приглашать присяжныхъ для рѣшенія спорныхъ фактовъ. Апелляціи на приговоры его подаются въ палату лордовъ. Подъ вѣдомствомъ суда *court of probate* состоятъ сорокъ нисшихъ органовъ, занимающихся

въ разныхъ мѣстахъ государства засвидѣтельствомъ и изготовленіемъ духовныхъ завѣщаній.

Судья court of probate есть вмѣстѣ съ тѣмъ председатель суда по дѣламъ брачнымъ. Впрочемъ, въ этомъ судѣ имѣютъ право присутствовать также лордъ-канцлеръ и пятнадцать государственныхъ судей, и при разборѣ трудныхъ случаевъ непременно должны находиться, по крайней мѣрѣ, двое изъ этихъ засѣдателей. Власть суда court of divorce and matrimonial causes распространяется на всѣ процессы, касающіеся брака, включая сюда и разводъ по судебнымъ приговорамъ введенный одновременно съ учрежденіемъ этого суда. Спорные фактическіе вопросы разрѣшаются при помощи присяжныхъ, которые опредѣляютъ также и количество вознагражденія, слѣдуемаго правой стороной за причиненные ей вредъ и убытки. Апелляціонныя жалобы на приговоры этого суда приносятся въ верхній парламентъ. Ассизные судьи на полугодичныхъ circuits тоже имѣютъ право рѣшать брачныя дѣла, но только такія, которыя не заключаютъ въ себѣ требованія развода.

Въ предѣлахъ круга дѣйствія этихъ двухъ новыхъ судовъ духовная юрисдикція не имѣетъ болѣе никакой силы.

XV.

Очеркъ теоріи судебныхъ доказательствъ.

Выше было указано, что въ Англіи существуетъ нѣсколько системъ процесса; число этихъ системъ увеличилось вмѣстѣ съ ходомъ историческаго развитія. Такъ-называемый законъ или теорія судебныхъ доказательствъ (law of evidence) не совмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ этихъ системъ, но ограничивается только судопроизводствомъ съ участіемъ присяжныхъ, и притомъ имѣетъ въ виду не древнюю форму института джюри, въ которой присяжные заступали мѣсто свидѣтелей, а современное его устройство, при которомъ присяжные, судя по силѣ приведенныхъ въ публичномъ судѣ доказательствъ, произносятъ рѣшеніе о виновности или невинности подсудимаго.

Кромѣ того, необходимо замѣтить, что law of evidence обязательенъ только для джюри, но не для суда, орудіемъ котораго служитъ джюри. Это ограниченіе легко упустить изъ виду, потому что суды общаго права только въ исключительныхъ случаяхъ сами рѣшаютъ спорные фактическіе вопросы. Тѣмъ не менѣе, подобные случаи встрѣчаются, и тогда немедленно обнаруживается необязательность для суда тѣхъ правилъ о силѣ доказательствъ, которымъ должны подчиняться присяжные. Такъ, напримѣръ, предсѣдательствующій судья рѣшаетъ, можно ли допустить приводимые сторонами доводы. Между тѣмъ это рѣшеніе зависитъ отъ фактовъ, составляющихъ предметъ судебныхъ преній. Обязанность предсѣдателя состоитъ въ установленіи фактовъ, подлежащихъ рѣшенію, но при разсмотрѣніи и повѣркѣ доказательствъ, необходимыхъ для этого рѣшенія, онъ дѣйствуетъ независимо отъ правилъ law of evidence. Тоже самое имѣетъ мѣсто въ отношеніи доказательства фактовъ, дающихъ поводъ къ отказу въ уголовномъ искѣ, если о такихъ фактахъ не упомянуто въ обвинительномъ актѣ—indictment. Наконецъ, до 1851 г. тоже самое имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда при производствѣ дѣла возникалъ вопросъ о повтореніи подсудимымъ преступленія. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ яснѣе всего обнаруживалась необязатель-

ность для судей предписаний law of evidence, который прямо говорит, что безусловно лучшее доказательство, есть протоколъ — record — прежняго уголовного процесса, и настоятельно требует, чтобы судъ каждый разъ удостовѣрялся въ существованіи такого протокола. Не смотря на то, судьи только въ исключительныхъ случаяхъ руководствовались спросомъ полисмена или тюремнаго надзирателя и, получивъ утвердительный отвѣтъ, считали доказанной рецидивность подсудимаго.

Далѣе, въ высшихъ судахъ обычнаго права дѣла о contempts производятся совершенно особымъ порядкомъ (такъ-называемымъ by attachment), который также противорѣчитъ ученію law of evidence, какъ и процедура, употребляемая въ судѣ of chancery и въ духовныхъ судахъ. Понятіе contempts чрезвычайно обширное. Подъ него подходитъ слѣдующее: притѣсненіе или противозаконное покровительство какой-либо изъ сторонъ, допущенное судьями низшихъ судовъ, шерифами, должностными лицами, тюремными надзирателями и т. д.; неисполненіе судьями предписаний высшихъ судовъ; злоупотребленіе по должности стряпчихъ, состоящихъ при судахъ (attorneys); дисциплинарныя нарушенія присяжныхъ; неявка въ судъ по приглашенію; отказъ произнести присягу или вердиктъ; употребленіе чего-либо въ пищу и питье безъ дозволенія суда; неявка безъ уважительныхъ причинъ свидѣтелей, ихъ отказъ дать присягу или показаніе; неуваженіе къ суду или неявка по его вызову, допущенныя сторонами или какими-либо посторонними лицами, и т. д. Если подобное нарушеніе должнаго судебной власти повиновенія и уваженія совершено не предъ глазами судьи, вѣдающаго дѣла о взысканіяхъ за такія нарушенія, и требуетъ надлежащаго изслѣдованія, то судья предварительно отбираетъ показанія подъ присягой отъ свидѣтелей (affidavits), и затѣмъ, на основаніи этихъ показаній, или немедленно дѣлаетъ распоряженіе о приводѣ обвиняемаго, или посылаетъ къ этому послѣднему требованіе, чтобы онъ представилъ уважительныя причины, почему не можетъ явиться въ судъ. Приведенный обязанъ отвѣчать подъ присягой на предложенные ему обвинительные пункты. Очевидное доказательство того, что law of evidence обязателенъ исключительно для одного только джюри, для котораго онъ собственно и созданъ.

Суды не только главные творцы, но и охранители правилъ, установленныхъ для джюри въ law of evidence. Значеніе и самое происхожденіе law of evidence было бы не мыслимо, еслибъ англійское джюри основывалось на томъ же началѣ, какъ и французское, т. е. что судъ и скамья присяжныхъ суть равноправные органы, соединенные для разбора и рѣшенія даннаго между собою дѣла и раздѣляющіе между собою компетентность, и что при этой совокупной дѣятельности судей и присяжныхъ одно только внѣшнее управленіе ходомъ ея принадлежитъ, въ видѣ прерогативы, президенту суда. Подобный взглядъ на отношеніе присяжныхъ къ

судьямъ, въ соединеніи съ принципомъ обвиненія, которымъ проникнуть англійскій уголовный процессъ, въ соединеніи съ руководящимъ началомъ, какъ гражданскаго, такъ и уголовного судопроизводства, привелъ бы къ тому, что англійское джюри получило бы совершенно независимое положеніе при разсмотрѣніи и повѣркѣ представляемыхъ сторонами доказательствъ. Между тѣмъ на дѣлѣ мы видимъ противное: председатель англійскаго суда устраняетъ недозволенные средства доказательства, запрещаетъ присяжнымъ употребленіе этихъ средствъ, при всякомъ удобномъ случаѣ внушаетъ присяжнымъ, что они обязаны соблюдать дѣйствующія правила объ оцѣнкѣ силы доказательствъ. Эта опека судьи надъ присяжными можетъ быть объяснена только продолжающимся вліяніемъ стариннаго англійскаго воззрѣнія, по которому джюри считалось орудіемъ въ рукахъ судьи, пользующагося имъ для изслѣдованія истины. По англійскому праву, вердиктъ присяжныхъ есть не составная часть приговора, а просто средство доказательства, доставляющее судѣ формальное право. Law of evidence есть совокупность правилъ о подготовленіи и полученіи этого средства доказательства; соблюденіе этихъ правилъ должно служить ручательствомъ благонадежности средства въ матеріальномъ отношеніи.

Тѣсная связь law of evidence съ исторіей развитія и съ особенностями англійскаго джюри привела прежде всего къ слѣдующимъ двумъ результатамъ: во-первыхъ, къ исключенію, возведенному въ принципъ, ненадежныхъ и отдаленныхъ средствъ доказательства, въ особенности свидѣтельствъ, основанныхъ на слухахъ; и во-вторыхъ, къ требованію, чтобъ изъ всѣхъ возможныхъ средствъ доказательства присяжнымъ предлагалось по закону ближайшее и потому предполагаемое лучшимъ въ матеріальномъ отношеніи. Чтобы понять значеніе этихъ правилъ необходимо припомнить, что англійскіе присяжные съ XII до XV и даже XVI столѣтія сами были ничто иное, какъ свидѣтели, показывавшіе отъ лица общины. Свидѣтельство ихъ опиралось не на доказательства, собранныя судебнымъ порядкомъ, а на личное знаніе, достовѣрныя свѣдѣнія, всеобщее мнѣніе. Такого рода рѣшеніе дѣлъ, значеніе котораго лучше всего объясняется сходствомъ его съ гласнымъ судопроизводствомъ, продолжала существовать, если не по формѣ, то по духу, до настоящаго столѣтія, являясь въ видѣ извѣстныхъ ограниченій судебной защиты. Судопроизводство съ участіемъ джюри стало вводиться мало по малу только съ конца среднихъ вѣковъ, сначала по гражданскимъ, а потомъ по уголовнымъ дѣламъ, да и то присяжные еще долгое время имѣли право выбирать одно изъ двухъ: или рѣшать дѣло на основаніи собственныхъ знаній, или требовать представленія доказательствъ. Исходной точкой этого судопроизводства служилъ допросъ понятыхъ, бывшихъ при розыскѣ. Другія средства доказательства допускались постепенно по одному, а общее правило, что въ судѣ присяжныхъ долженъ

излагаться всякій доводъ, бросающій свѣтъ на спорный вопросъ, никогда не было принято. Каждое вновь введенное средство доказательства служило въ тоже время и новымъ исключеніемъ изъ первоначальнаго значенія присяжныхъ, какъ свидѣтелей. Нѣтъ сомнѣнія, что это такъ сказать природное свойство англійскаго джюри развиваться путемъ исключеній, въ соединеніи съ явнымъ отвращеніемъ англійскаго права отъ всякаго рода общихъ принциповъ, въ значительной степени обусловливаетъ нынѣ существующія ограниченія правъ присяжныхъ.

Такъ какъ англійское джюри въ прежнее время само служило средствомъ доказательства, да и теперь еще служить до известной степени, то рядъ различныхъ способовъ доказательства, какъ-то допросъ свидѣтелей и т. д., употребляемыхъ въ англійскомъ процессѣ, превосходитъ однимъ членомъ рядъ соотвѣтственныхъ способовъ доказательства, употребляемыхъ въ какомъ-либо континентальномъ судѣ или въ судѣ присяжныхъ, устроенномъ по образцу французскаго, въ которомъ присяжные исполняютъ функцію судьи. Англійское право смотритъ на присяжныхъ какъ на средній членъ, долженствующій служить для суда указателемъ того впечатлѣнія, какое производятъ собранныя доказательства. Но есть основаніе или вѣроятность предполагать, что доказательства, проходя чрезъ эту среду, преломятся въ ней особеннымъ образомъ, а потому является необходимость устранять по возможности всѣ доказательства сомнительныя или трудно повѣряемыя. Къ этому соображенію присоединяется еще другое: недостаточное умственное развитіе присяжныхъ. Англійская система выборовъ, какъ извѣстно, не обращаетъ вниманія на умственныя способности выбираемыхъ. Джентри, т. е. болѣе образованная и способная часть народа, хотя и преобладаетъ въ большомъ джюри, но зато въ маломъ, для котораго собственно и созданъ law of evidence, почти не имѣетъ представителей. Къ тому же цензъ для выбора въ присяжные, существующій въ провинціи, и привилегіи различныхъ городовъ и мѣстечекъ, имѣющихъ собственную юрисдикцію, не слишкомъ благоприятствуютъ внесенію въ судъ присяжныхъ элементовъ прогресса и умственного развитія.

Самое главное вліяніе на ограниченіе правъ джюри имѣлъ тотъ юридическій обычай, по которому присяжные произносятъ вердиктъ, не приводя основаній своего убѣжденія. Въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій джюри мотивировало свои рѣшенія, если этого требовалъ предсѣдатель или если возникало сомнѣніе на счетъ правильности вердикта. Но это установленіе существовало только до тѣхъ поръ, пока присяжные имѣли характеръ свидѣтелей. Будучи свидѣтелями, присяжные обязаны были отдавать судѣ отчетъ о тѣхъ сужденіяхъ и воззрѣніяхъ, которыя легли въ основаніе вердикта. Судопроизводство съ участіемъ джюри, въ первое время введенія его, отличалось такой первобытной простотой и, такъ

сказать, прозрачностью, что устраняло всякую возможность сомнѣнія на счетъ того впечатлѣнія, какое произведено на присяжныхъ собранными доказательствами. Основанія вердикта были очевидны впередъ, такъ что послѣдующее мотивированіе представлялось излишнимъ. Но съ теченіемъ времени то, что прежде было только послѣдствіемъ, мало по малу сдѣлалось причиной. Такъ какъ присяжные провозглашаютъ свое guilty или not guilty, свое for the plaintiff или for the defendant въ формѣ изрѣченія жюракула, то явилась необходимость — опредѣлить основы этого изрѣченія простыми и несомнѣнными правилами. Такимъ образомъ мѣсто основаній вердикта занялъ law of evidence. Въмѣсто того, чтобы требовать отъ присяжныхъ конкретнаго мотивированія каждаго вердикта, которое позволяло бы подвергнуть критической оцѣнкѣ ихъ мнѣніе, судебная практика установила абстрактныя, общія для всѣхъ случаевъ, правила, въ силу которыхъ доказательства принимаютъ видъ основаній, изъ которыхъ синтетически выводится сужденіе. Однимъ словомъ, law of evidence — это составленный судьями кодексъ основаній вердикта присяжныхъ.

Руководствуясь этимъ кодексомъ, предсѣдатель указываетъ присяжнымъ на существующія доказательства, излагаетъ и объясняетъ въ своей charge, на сколько нужно, правила объ оцѣнкѣ доказательствъ и внушаетъ присяжнымъ, что они обязаны соблюдать эти правила какъ по закону, такъ и по долгу совѣсти.

Требованіе, чтобы изъ всѣхъ существующихъ средствъ доказательства употреблялось относительно лучшее и ближайшее къ цѣли, служить въ тоже время предохраненіемъ отъ злоупотребленій руководящимъ началомъ судопроизводства. Существованіе этого требованія препятствуетъ сторонѣ употреблять средство доказательства, наиболѣе выгодное для нея, но въ тоже время менѣе удовлетворительное въ качественномъ отношеніи, и такимъ образомъ предотвращаетъ затемнѣніе истины интригами сторонъ.

Другая рѣзкая особенность law of evidence состоитъ въ предпочтеніи доказательства чрезъ свидѣтелей и въ стремленіи замѣнить имъ по возможности всѣ другія роды доказательства. Письменные доказательства, конечно, не исключены совершенно, но имъ оставлено, особенно въ уголовномъ процессѣ, самое ничтожное мѣсто. Осмотръ существуетъ въ весьма ограниченномъ размѣрѣ; эксперты допрашиваются какъ свидѣтели, письменныхъ заключеній отъ нихъ не требуется. Результатъ изслѣдованія мѣстности, осмотра, обыска, вскрытія трупа, и т. п. трактуется наравнѣ съ случайнымъ наблюденіемъ какого-нибудь свидѣтеля: присяжные узнаютъ объ этомъ результатѣ изъ устъ свидѣтелей.

Нельзя отрицать, что такое сведеніе разнообразныхъ источниковъ доказательства къ одному, хотя и вредитъ точности и полнотѣ производства, но за то упрощаетъ его и облегчаетъ присяжнымъ, людямъ посред-

ственного образованія, и способностей, пониманіе матеріала, собраннаго для сужденія. Благодаря однообразію производства, присяжные сразу могут обозрѣть всѣ представленные доказательства. Съ другой стороны, живой голосъ свидѣтеля производитъ болѣе сильное впечатлѣніе на присяжныхъ, чѣмъ прочтеніе письменнаго заключенія или протокола осмотра. Между тѣмъ нѣтъ никакого основанія утверждать, чтобъ это соображеніе имѣло значительное вліяніе на форму англійскаго судопроизводства. Точно также и положеніе, занимаемое сторонами въ уголовномъ процессѣ, не развивалось послѣдовательно, не смотря на то, что это рѣзкое раздѣленіе процесса на двѣ противоположныя другъ другу стороны тоже замѣтно облегчаетъ разсмотрѣніе и оцѣнку доказательствъ.

Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи свойственный англійскому праву недостатокъ настоящаго предварительнаго слѣдствія, которое встрѣчается лишь въ исключительныхъ случаяхъ въ формѣ такъ-называемаго coroner's inquest. Предварительное слѣдствіе, производимое предъ большимъ джюри, страдаетъ отсутствіемъ необходимой полноты; предварительное производство мирового судьи имѣетъ въ виду только рѣшеніе вопроса объ арестѣ обвиняемаго или объ оставленіи его на свободѣ за надлежащимъ поручительствомъ, а также собраніе свидѣтелей для производства въ большомъ джюри и для главнаго производства. Между тѣмъ необходимо такое предварительное слѣдствіе, которое давало бы эксперту возможность сдѣлать обстоятельное заключеніе о предметѣ преступленія, слѣдствіе, при которомъ протоколъ осмотра и мнѣніе экспертовъ возвышались бы надъ простыми свидѣтельскими показаніями. Но предварительная подготовка матеріала, нужнаго для главнаго производства, предполагаетъ въ тоже время дѣятельность судьи, который бы заботился о раскрытіи объективной истины. Англійскому праву неизвѣстенъ подобный судья, за исключеніемъ одного лишь коронера. Мировой судья не дѣйствуетъ самостоятельно при собраніи доказательствъ; онъ ограничивается при своемъ разбирательствѣ только тѣми доказательствами, которыя представляютъ ему стороны. Ограниченность обязанностей мирового судьи сдѣлается совершенно понятной, если мы скажемъ, что въ англійскомъ судопроизводствѣ существуетъ правило, по которому установленіе фактовъ дѣла принадлежатъ не судьямъ, но присяжнымъ. Хотя это правило ближайшимъ образомъ относится лишь къ главному производству — trial, — тѣмъ не менѣе оно оказываетъ вліяніе и на дѣятельность судьи во время предварительнаго производства. Протоколъ осмотра, заключеніе экспертовъ и т. п. суть нѣкотораго рода предварительное установленіе доказательствъ, въ которомъ легко видѣть вторженіе въ область правъ, предоставленныхъ присяжнымъ. При такой точкѣ зрѣнія, уголовный процессъ ничѣмъ не отличается отъ гражданскаго. Если мы обратимся за подтвержденіемъ нашихъ соображеній къ исторіи, то уви-

димъ тамъ, что для assisa, древнѣйшей формы англійскаго джюри, visus terrae былъ также обязательнъ, какъ обязательнъ и теперь еще visus corporis для присяжныхъ коронера. Живымъ воспоминаніемъ этого visus terrae служить нынѣшнее учрежденіе, по которому шесть или болѣе присяжныхъ малаго джюри изъ числа означенныхъ въ очередномъ списокѣ производятъ, передъ началомъ судебного засѣданія, осмотръ мѣста, гдѣ совершено преступленіе. Производство коронера какъ нельзя лучше подтверждаетъ справедливость нашего положенія. Коронеръ дѣлаетъ осмотръ съ участіемъ своихъ присяжныхъ, но какъ то, такъ и другое, служитъ только основою для вердикта присяжныхъ коронера. Для того, чтобы собранныя коронеромъ доказательства имѣли надлежащую силу въ trial'ѣ, они должны быть представлены, подобно всякому другому чувственному наблюденію, чрезъ посредство свидѣтелей. Изъ всего производства коронера одно только доказательство обладаетъ законной силой — это самый вердиктъ присяжныхъ. Недостатокъ своего джюри у мирового судьи препятствуетъ этому послѣднему быть настоящимъ, слѣдователемъ. Предоставленіе присяжнымъ установленія фактической стороны дѣла придало свидѣтельскимъ показаніямъ несоразмѣрный перевѣсъ въ системѣ судебныхъ доказательствъ.

Law of evidence обнаруживаетъ явное нерасположеніе къ признанію подсудимаго. По закону 1848 г. мировой судья обязанъ дѣлать подсудимому наставленіе, которое равносильно предостереженію отъ признанія. Принятіе или непринятіе въ trial'ѣ прежде сдѣланнаго признанія зависитъ не столько отъ правдоподобія признанія, сколько отъ соблюденія законныхъ формъ при произнесеніи его. Въ главномъ производствѣ не только что не увѣщиваютъ подсудимаго показывать истину, но скорѣе затрудняютъ ему признаніе, заставляя его играть совершенно пассивную роль.

Эта антипатія къ признанію подсудимаго вовсе не составляетъ отличительной черты англійскаго права вообще — она свойственна только правиламъ о доказательствахъ, установленнымъ для джюри. Мы сошлемся на процессъ of chancery, на порядокъ by attachment, въ которыхъ обвиняемый обязанъ подъ присягой показать правду; сошлемся на guilty подсудимаго, которое, подобно вердикту присяжныхъ, рѣшаетъ не только фактическую, но и юридическую сторону дѣла.

Политическія побужденія, наприм. боязнь тайнаго инквизиціоннаго судопроизводства, охраненіе личной свободы, могутъ до извѣстной степени обусловливать тотъ odium къ признанію подсудимаго, которымъ проникнутъ law of evidence. Національная вражда къ Риму, къ каноническому праву и къ учрежденіямъ континента также должна имѣть свою долю вліянія въ этомъ случаѣ. Но настоящая и самая главная причина этого нерасположенія лежитъ глубже — въ техническихъ особенностяхъ англійскаго судопроизводства. Средства и форма доказательствъ одинаковы какъ въ

гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ судопроизводствѣ, или, выражаясь иначе, повѣрка доказательствъ въ уголовныхъ дѣлахъ и правила объ оцѣнкѣ ихъ основываются на началахъ гражданского процесса. Но основной принципъ гражданского процесса не дозволяетъ судѣ помогать сознанію сторонъ, тѣмъ болѣе, что гражданское джюри занимается исключительно тѣми вопросами, по поводу которыхъ стороны не пришли къ соглашенію въ предшествовавшей процессу перепискѣ. Кромѣ того, въ уголовномъ процессѣ, при отсутствіи сознанія подсудимаго, дѣло рѣшается совершенно тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ гражданскомъ. Къ этому присоединяется еще пассивная роль предсѣдателя, который не можетъ обратиться къ подсудимому съ увѣщаніями или распросами. Вслѣдствіе чего судья, который долженъ бы быть адвокатомъ подсудимаго, легко можетъ сдѣлаться сторонникомъ обвинителя. Тѣмъ болѣе нельзя предоставить самому обвинителю права распрашивать своего противника, — по крайней мѣрѣ нельзя этого сдѣлать въ Англіи, гдѣ процессъ основанъ на чисто обвинительномъ началѣ, и гдѣ законъ налагаетъ на обвинителя ту же самую обязанность, какая лежитъ на гражданскомъ истцѣ, т. е. обязанность доказать свое обвиненіе.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ англійскомъ уголовномъ судопроизводствѣ недостаетъ надлежащихъ формъ для полученія признанія подсудимаго. Признаніе не допускается въ составъ присяжнаго производства. Если бы кто-нибудь возразилъ, что передъ джюри отбираются только присяжные показанія, между тѣмъ подсудимый не можетъ быть спрошенъ подъ присягою, то можно бы отвѣтить, что это основаніе только внѣшнее. Вглядываясь внимательнѣе въ духъ англійскаго процесса, мы замѣтимъ, что между дѣятельностью джюри и сознаніемъ подсудимаго существуетъ родъ внутренняго антагонизма. Джюри должно рѣшить спорный вопросъ; между тѣмъ сознаніе дѣлаетъ ненужнымъ это рѣшеніе и отнимаетъ у джюри характеръ судьи. Джюри должно быть посредникомъ между сторонами; но оно лишается этого посредничества, какъ скоро стороны приходятъ къ соглашенію. Малое джюри въ уголовныхъ дѣлахъ издавна считалось законнымъ средствомъ защиты для лицъ, обвиняемыхъ предъ большимъ джюри и т. д.; но оно сдѣлалось бы средствомъ притѣсненія, если бы стало вымогать у подсудимаго сознаніе. Произнося *not guilty*, подсудимый формально отрицаетъ обвиненіе и передаетъ свою участь въ руки присяжныхъ; при формализмѣ англійскаго права, это отрицаніе опредѣляетъ весь ходъ дѣла. Всякое сознаніе, когда бы оно ни было сдѣлано, есть вторженіе въ область правъ джюри. Такимъ образомъ дѣятельность присяжныхъ вмѣсто того, чтобы быть суррогатомъ сознанія, является скорѣе опроверженіемъ его.

Различіе между функціями судей и присяжныхъ.

Во всѣхъ процессахъ съ участіемъ джюри фактическіе вопросы дѣла, по общему правилу, рѣшаются присяжными, а вопросы юридическіе — коронными судьями. Примѣненіе общихъ принциповъ права обусловливается фактами, ибо, какъ говорили римскіе юристы, *ex facto jus oritur* (изъ факта возникаетъ право); и факты должны получить полную достовѣрность, прежде чѣмъ относительно ихъ можетъ быть произнесенъ какой-либо приговоръ суда. Но такъ какъ факты безпрестанно мѣняются, а нормы права должны быть постоянными и вполне опредѣленными, то весьма естественно предоставить рѣшеніе фактическихъ вопросовъ дѣла непостоянному суду, который бы въ тоже время имѣлъ существенно практическій характеръ, а примѣненіе законовъ — возложить на сословіе постоянныхъ судей, посвятившихъ себя изученію и примѣненію права на основаніи прочныхъ научныхъ началъ. Сохраненіе этого различія между функціей судей и функціей присяжныхъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій присяжнаго судопроизводства, и потому необходимо провести ясную раздѣльную линію между вопросами фактическими и вопросами юридическими. Если судья присвоиваетъ себѣ рѣшеніе фактической стороны дѣла, то онъ тѣмъ самымъ уничтожаетъ судъ присяжныхъ; если, наоборотъ, присяжные берутъ на себя примѣненіе относящагося къ данному случаю закона, то они рискуютъ ошибиться и постановить неправильный приговоръ. Лордъ Мансфильдъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что сущность суда присяжныхъ выражается слѣдующимъ правиломъ: *ad questionem juris non respondent juratores, ad questionem facti non respondent judices*. Но это правило, подобно другимъ началамъ англійскаго обычнаго права, далеко не всегда соблюдалось на практикѣ: иногда его оспаривали, иногда игнорировали, и очень часто сознательно нарушали. Въ прежнія времена англійскіе присяжные не только что терпѣли отъ вторженія судей въ область ихъ правъ, но даже нерѣдко подвергались наказанію за свой вердиктъ. Для сужденія присяжныхъ за неправильное рѣшеніе законъ установилъ особую форму процесса, такъ-называемый «process of attain».. Первоначально звѣздная палата самовольно присвоила себѣ власть судить присяжныхъ за вердикты, а въ послѣдствіи этой властью пользовались судьи обычнаго права.

«Process of attain», судъ надъ присяжными, представлялъ одну изъ самыхъ варварскихъ и нелѣпыхъ формъ суда, какія когда-либо придумывали люди. Судъ этотъ производился передъ присяжными, въ числѣ двадцати четырехъ человѣкъ, и если они находили, что обвиняемые присяжные произнесли неправильный вердиктъ, то эти послѣдніе подвергались слѣдующему наказанію: они теряли гражданскія права, *liberam legem*, и объявлялись навсегда безчестными; они лишались всего имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго; ихъ земли конфисковались въ пользу короля; ихъ женъ и дѣтей выгоняли изъ домовъ; дома разрушали до основанія; ихъ деревья истребляли съ корнемъ; и, наконецъ, ихъ самихъ ввергали въ тюрьму. Сторона, проигравшая процессъ, снова прибрѣтала всѣ тѣ права, которыхъ она лишалась вслѣдствіе будто бы несправедливаго вердикта присяжныхъ.

Хотя уже въ самую раннюю эпоху существованія джюри установилось правило, что присяжные не должны касаться юридическихъ вопросовъ, но, имѣя право произносить такъ-называемый общій вердиктъ (*general verdict*), они на самомъ дѣлѣ рѣшали какъ фактическую, такъ и юридическую сторону дѣла каждый разъ, когда требовалось общее рѣшеніе. Но такъ какъ присяжные могли въ подобныхъ случаяхъ произнести неправильный вердиктъ просто по причинѣ ошибочнаго пониманія закона, и должны были подвергаться наказанію за такой вердиктъ, то 2-й вестминстерскій статутъ (13-й Эдуарда I, гл. 30, § 2) дозволилъ имъ разрѣшать исключительно одни лишь фактическіе вопросы дѣла, предоставляя суду примѣненіе надлежащаго закона. Говорятъ, что на этомъ статутѣ, дѣйствіе котораго ограничивалось собственно дѣлами о противозаконномъ захватѣ у владѣльца принадлежащей ему собственности (*assize of disseisin*), основывается право присяжныхъ произносить частный вердиктъ (*special verdict*), т. е. вердиктъ, касающійся однихъ только фактическихъ вопросовъ, во всѣхъ дѣлахъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ. Присяжные, однакоже, и послѣ изданія вестминстерскаго статута сохранили за собой право постановлять общій вердиктъ, и потому необходимо было объяснять имъ законы, примѣнимые къ данному частному случаю. Это объясненіе присяжнымъ законовъ составляло, съ самаго начала введенія присяжнаго судопроизводства, прямую обязанность судьи.

Но иногда функція присяжныхъ въ этомъ отношеніи понималась неправильно, и судьи вмѣсто того, чтобъ объяснять присяжнымъ законы, присвоили себѣ власть требовать отъ присяжныхъ вердикта, сообразнаго съ ихъ наставленіемъ, такъ что, какъ замѣчаетъ одинъ ученый писатель, во времена Генриха III судья, повидимому, считалъ своею обязанностью повѣрять вердиктъ джюри. Въ третій годъ царствованія Эдуарда III, когда при разборѣ одного процесса, одиннадцать присяжныхъ согласились между собой относительно рѣшенія, а двѣнадцатый отказался присоеди-

ниться къ ихъ мнѣнію, то судья не только далъ законную силу вердикту одиннадцати, но даже заключилъ въ тюрьму присяжнаго, несогласнаго съ большинствомъ. Другой подобный случай былъ въ 23-мъ году царствованія Эдуарда III. Но въ 45-мъ году того же самага царствованія судъ королевской скамьи объявилъ дѣйствія судьи противозаконными и отказалъ въ утвержденіи приговора, основаннаго на полученномъ такимъ образомъ вердиктѣ. Сэръ Матью Гэль (Hale), рассказывая объ этихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ судей, говоритъ, между прочимъ:

«По тщательномъ обсужденіи, дѣйствія судей признавались незаконными, и приговоръ, основанный на вердиктѣ одиннадцати присяжныхъ, отмѣнялся, а двѣнадцатый присяжный (подвергнутый штрафу или заключенію въ тюрьмѣ) освобождался отъ наказанія; ибо справедливое рѣшеніе могло быть на сторонѣ этого двѣнадцатаго, да и во всякомъ случаѣ нельзя насиловать совѣсти присяжнаго. Поэтому судъ королевской скамьи не одобрилъ прежнихъ примѣровъ такого рода».

Изъ сочиненія Гэля «Pleas of the Crown» (Уголовные процессы) видно, что до временъ Карла II судьи вестминстерскаго суда *Nisi prius* иногда въ гражданскихъ дѣлахъ приговаривали присяжныхъ къ пенѣ за то, что тѣ не соглашались произнести вердиктъ сообразно судейскому наставленію, даже по отношенію къ фактической сторонѣ дѣла.

«Такъ поступилъ, говоритъ Гэль, одинъ ассизный судья въ Оксфордшайрѣ и наложилъ пеню на присяжныхъ, но я, согласно съ мнѣніемъ большинства судей высшихъ судовъ, отмѣнилъ это рѣшеніе».

Но этотъ судейскій произволь тяжелѣе всего чувствовался въ уголовныхъ дѣлахъ и въ преслѣдованіяхъ за государственныя преступленія. Каждый политическій переворотъ въ государствѣ отражался на коренномъ правѣ англичанина быть судимымъ себѣ равными. Это право терпѣло и отъ посягательства судей, часто бывшихъ слѣпымъ орудіемъ правительства, и отъ произвола звѣздной палаты, стремившейся уничтожить выгоды суда присяжныхъ, — такъ что со временъ восшествія на престолъ дома Тюдоровъ до революціи 1688 г. (въ теченіе этого періода вліяніе правительства на суды достигло крайняго предѣла) быть обвиняемымъ въ преступленіи противъ государства и быть осужденнымъ значило почти одно и тоже.

Ученые легисты того времени расходились между собою въ мнѣніяхъ на счетъ того, слѣдуетъ ли предавать присяжныхъ суду за несправедливые вердикты по уголовнымъ дѣламъ. По мнѣнію Гэля, присяжные, оправдавшіе подсудимаго вопреки существовавшимъ въ дѣлѣ доказательствамъ, могли быть подвергнуты судебному преслѣдованію; но Гэль выражается объ этомъ предметѣ весьма неопредѣленно и въ подкрѣпленіе своего мнѣнія ссылается на авторитетъ Тэрнинга (Thyrnings), судьи временъ Генриха IV. Главный судья Воэнъ (Chief Justice Vaughan), совре-

менникъ Гэля, высказалъ въ своемъ знаменитомъ приговорѣ по дѣлу *Бошелла* совершенно противоположное правило, замѣтивъ, что «во всемъ англійскомъ правѣ не говорится ни слова о преслѣдованіи присяжныхъ уголовнымъ порядкомъ за вердикты». *Блэкстонъ* принимаетъ мнѣніе Гэля. *Баррингтонъ*, въ своемъ ученомъ сочиненіи о древнихъ статутахъ (*Bar- rington, Observations on Statutes. Westm. Primer. ed. 1766*) прямо гово- рить, что «*attaint*», т. е. судъ надъ присяжными, можетъ имѣть мѣсто только за вердикты по гражданскимъ дѣламъ. Лордъ Мансфильдъ, пови- димому, придерживался одинаковаго мнѣнія съ Богэномъ и Баррингто- номъ, ибо въ дѣлѣ декана церкви св. Азафа (*Dean of St.-Asaph*), когда адвокатъ подсудимаго *Эрскинъ* доказывалъ, что присяжные не могутъ быть судимы уголовнымъ порядкомъ (*by the Crown*), лордъ Мансфильдъ согласился съ его доводами, говоря, что «это не подлежитъ ни малѣй- шему сомнѣнію». Въ процессѣ несчастной Алисы Ляйль (*Lisle*) присяж- ные трижды объявляли подсудимую невинной, но судья *Джеффрисъ* такъ напугалъ ихъ, грозя судомъ «*attaint*», что они, наконецъ, произнесли обвинительный вердиктъ, и такимъ образомъ дали Джеффрису возмож- ность совершить судебное убійство. Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ лѣтописяхъ англійской судебной практики не встрѣчается ни одного слу- чая формальнаго преслѣдованія присяжныхъ уголовнымъ порядкомъ за вердиктъ по уголовному дѣлу. Судьи, которые въ упомянутомъ періодѣ англійской исторіи сохраняли должность, какъ говорилось въ выдава- шихся имъ патентахъ «*durante bene placito*» (пока были угодны прави- тельству), и которые старались услужить власти, ограничивая законныя права джюри, обыкновенно дѣйствовали на присяжныхъ посредствомъ запугиванія, посредствомъ наложенія штрафовъ за произнесеніе вердикта, несогласнаго съ наставленіемъ суда, даже по отношенію къ фактической сторонѣ дѣла, или, наконецъ, посредствомъ привлеченія непослушныхъ присяжныхъ на судъ звѣздной палаты.

«Насъ поражаетъ», говоритъ *Галлэмъ* въ своихъ замѣткахъ о звѣзд- ной палатѣ во времена Тюдоровъ, «та необычайная легкость, съ какой иногда осуждались лица, обвинившіеся въ государственныхъ преступле- ніяхъ (*treason*), осуждались не смотря на всю недостаточность доказа- тельствъ, не смотря на всю недостоверность свидѣтелей. Но это обстоя- тельство объясняется очень просто той опасностью, которая грозила при- сяжнымъ въ случаѣ оправданія подсудимаго».

Весьма интересенъ въ этомъ отношеніи процессъ сэра Николая *Трокмортонна* (*Trockmorton*), не только какъ пояснительный примѣръ произвола судей и коронныхъ легистовъ, но также какъ доказательство пробужденія у присяжныхъ духа независимости. Трокмортонъ судился въ 1554 г., въ царствованіе королевы Маріи, передъ обыкновеннымъ судомъ присяжныхъ города Лондона по обвиненію въ тяжкомъ государственномъ

преступленіи. Присяжные произнесли оправдательный вердиктъ. Но главный судья сэръ Томасъ *Бромли* убѣждалъ ихъ обвинить подсудимаго, говоря угрожающимъ тономъ: «одумайтесь! Приняли ли вы во вниманіе всѣ доказательства»? Присяжные, однакоже, стояли на своемъ, и старшина ихъ отвѣтилъ: мы нашли подсудимаго невиннымъ, по внушенію нашей совѣсти». Тогда явился на сцену судейскій произволъ, бывшій въ полной силѣ въ ту эпоху. Генераль-атторней просилъ суды отобрать отъ присяжныхъ клятвенное обязательство въ томъ, что они готовы, въ случаѣ надобности, отвѣтствовать уголовнымъ порядкомъ за оправданіе подсудимыхъ. По дѣлу Трокмортонна судъ сдѣлалъ больше, чѣмъ сколько требовалъ генеральный атторней, и засадилъ присяжныхъ въ тюрьму. Затѣмъ ихъ предали суду звѣздной палаты. Нѣкоторые изъ нихъ, пытавшіеся было оправдаться, приговорены были къ уплатѣ тяжелой пени; и только тѣ, которые признали себя виновными, освобождены были изъ тюрьмы.

Что этотъ судейскій произволъ считался даже и во времена Тюдоровъ не только пагубнымъ для правосудія, но и противоконституціоннымъ—видно изъ слѣдующаго мѣста сочиненія *Томаса Смита*: «*Treatise on the Commonwealth*» (трактатъ о республикѣ), писаннаго въ царствованіе Елизаветы.

«Если присяжные оправдываютъ подсудимаго, противъ котораго приведены были свидѣтельскія показанія, то подсудимый освобождается; но судьи не только дѣлаютъ выговоръ присяжнымъ за такое рѣшеніе, но даже грозятъ наказаніемъ, и нерѣдко обязываютъ явиться для отвѣта въ звѣздную палату или въ тайный совѣтъ. Впрочемъ, эти угрозы не всегда исполняются. Присяжные обыкновенно отвѣчаютъ, что они произнесли вердиктъ по внушенію совѣсти и просятъ судей быть снисходительными къ нимъ, потому что они рѣшили такъ, какъ имъ казалось справедливымъ и какъ они всѣ согласились между собой. На этомъ объясненіи присяжныхъ по большей части и оканчивается все дѣло. Миѣ извѣстны, однакоже, два случая уголовного преслѣдованія присяжныхъ, бывшіе въ мое время, впрочемъ, еще до восшествія на престолъ нынѣ царствующей королевы. Въ одномъ случаѣ присяжные за то, что оправдали, вопреки свидѣтельскимъ показаніямъ, подсудимаго, обвинявшагося въ государственномъ преступленіи, не только просидѣли долгое время въ тюрьмѣ, но еще приговорены были по суду къ уплатѣ значительной денежной пени; въ другомъ подобномъ же случаѣ — присяжные, кромѣ уплаты пени, подвергнуты были публичному позору. Но даже и тогда многіе считали такіа дѣйствія въ отношеніи присяжныхъ жестокими и противными свободѣ и обычаямъ Англіи».

Изъ старинныхъ сборниковъ судебныхъ рѣшеній (reports) видно, что судьи и во времена Елизаветы продолжали заключать присяжныхъ

въ тюрьму и взыскивать съ нихъ штрафъ. Такъ, наприм., въ 44-й годъ царствованія этой королевы нѣкто Уартонъ (Wharton) судился, вмѣстѣ съ другими, по обвиненію въ убійствѣ. Присяжные объявили его невиннымъ, вслѣдствіе чего судьи Попгэмъ, Ганди и Феннеръ, какъ выражается составитель сборника на своемъ варварскомъ, но безыскусственномъ языкѣ: *«fuerunt valde irati, et tous les jurors comit et fine, et oblige a leur bon behaviour»* (страшно разсердились, засадили всѣхъ присяжныхъ въ тюрьму, наложили на нихъ штрафъ и обязали впредь вести себя лучше). Не смотря на протестъ Томаса Смита, судьи, повидимому, не только никогда не подвергались отвѣтственности за подобный противоконституціонный образъ дѣйствія, но нѣкоторые изъ нихъ, въ царствованіе Якова I, зашли на этомъ пути такъ далеко, что даже признали за звѣздной палатой право привлекать присяжныхъ къ отвѣтственности за ихъ вердикты. Въ описаніи «Процесса о заговорѣ противъ Якова I» (Case of Conspiracy) говорится, что главные судьи (chief-justices) Попгэмъ и Кокъ и лордъ-канцлеръ Эджертоны рѣшили, что если присяжные объявляютъ подсудимаго виновнымъ, то они не подлежатъ отвѣтственности за свой приговоръ; «но если присяжные оправдаютъ преступника (felon or traitor) вопреки очевиднымъ свидѣтельскимъ показаніямъ (manifest evidence), то они могутъ быть преданы суду звѣздной палаты за пристрастное оправданіе несомнѣннаго преступника, *ne maleficia remaneant impunita* (дабы злодѣянія не оставались безнаказанными).

Власть звѣздной палаты судить присяжныхъ за вердикты не въ пользу правительства прекратилась лишь вмѣстѣ съ уничтоженіемъ самой палаты въ 1641 г. Во время республики мы находимъ только одинъ примѣръ преслѣдованія присяжныхъ. Случилось это въ 1653 г. по поводу процесса нѣкоего Джона Лилборна, судившагося за возвращеніе въ Англію послѣ того, какъ онъ былъ изгнанъ оттуда актомъ парламента. Джюри оправдало подсудимаго. Вслѣдствіе этого присяжные, по приказанію парламента, были потребованы для объясненій въ государственный совѣтъ. На вопросъ въ совѣтѣ старшина присяжныхъ отвѣтилъ, «что оправдывая подсудимаго, онъ поступилъ такъ, какъ ему велѣла совѣсть, и что онъ не дастъ никакого другаго отвѣта, сколько бы его ни допрашивали». Государственный совѣтъ, въ числѣ членовъ котораго находились многіе обвинявшіе прежде звѣздную палату въ противозаконности ея дѣйствій относительно присяжныхъ, не рѣшился подражать произволу звѣздной палаты и отпустилъ присяжныхъ, не подвергнувъ ихъ никакому взысканію.

Послѣ возстановленія монархіи, нѣкоторые изъ судей, креатуры двора, руководствуясь прежними примѣрами, бывшими во времена Тюдоровъ снова стали подвергать присяжныхъ денежнымъ штрафамъ за вердикты, несогласные съ наставленіемъ суда. Дѣлалось это, разумѣется, или

съ цѣлью возвратить правительству власть надъ судами присяжныхъ, утраченную имъ съ уничтоженіемъ звѣздной палаты, или съ цѣлью увеличить власть самихъ судей.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ реставраціи производился одинъ процессъ, имѣющій для насъ интересъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, тутъ мы ясно видимъ произволъ тогдашняго главнаго судьи Англіи, который далъ присяжнымъ невѣрное наставленіе и потомъ наложилъ на нихъ штрафъ за то, что они не послѣдовали этому наставленію; и во-вторыхъ, процессъ, о которомъ мы говоримъ, указываетъ, какая огромная разница между настроеніемъ парламентовъ Карла II и настроеніемъ парламентовъ, предшествовавшихъ длинному парламенту 1640, г. Главный судья Килингъ (Keling) рассказываетъ слѣдующее о своихъ дѣйствіяхъ въ этомъ процессѣ.

«На винчестерскихъ ассизахъ судился нѣкто Генрихъ Гудъ по обвиненію въ убійствѣ Джона Ньюэна. По имѣвшимся въ дѣлѣ доказательствамъ видно было, что Гудъ убилъ Ньюэна безъ всякаго повода со стороны послѣдняго. Вслѣдствіе чего я объяснилъ присяжнымъ, что рассматриваемый случай есть предумышленное убійство, такъ какъ по закону нужно допустить существованіе у подсудимаго злаго умысла; затѣмъ я сказалъ присяжнымъ, что они—судьи фактической стороны дѣла, именно вопроса о томъ, дѣйствительно ли Ньюэнъ умеръ отъ руки Гуда; что же касается вопроса о томъ, совершено ли убійство съ обдуманнѣмъ заранѣе намѣреніемъ или нѣтъ, то это вопросъ юридическій, при рѣшеніи котораго они должны соображаться съ наставленіемъ суда. Но присяжные, не смотря на то, признали подсудимаго виновнымъ только въ совершеніи неумышленного убійства. Поэтому я приговорилъ присяжныхъ къ штрафу по пяти фунт. стерл. съ каждаго, и, кромѣ того, распорядился о заключеніи ихъ въ тюрьму впредь до представленія ими поручительства въ томъ, что они явятся на ближайшіе ассизы и до того времени будутъ вести себя хорошо; но потомъ, снисходя на просьбу присяжныхъ, уменьшилъ штрафъ и назначилъ по 40 шиллинговъ съ каждаго, что они и уплатили, а также представили и требуемое поручительство».

Замѣьте, что главный судья, какъ оказывается изъ его собственныхъ словъ, далъ присяжнымъ невѣрное наставленіе. Онъ предоставилъ рѣшенію присяжныхъ только вопросъ о томъ, дѣйствительно ли Ньюэнъ умеръ отъ руки Гуда, а между тѣмъ вопросъ о томъ, дѣйствовалъ ли подсудимый съ обдуманнѣмъ заранѣе намѣреніемъ, и вопросъ о томъ, былъ ли со стороны убитаго вызовъ на насиліе — вопросы чисто фактическіе, и слѣдовательно подлежавшіе рѣшенію присяжныхъ; ибо хотя законъ и опредѣляетъ различіе между убійствомъ предумышленнымъ и неумышленнымъ, но въ каждомъ данномъ случаѣ дѣло присяжныхъ рѣшить,

на основаніи приведенныхъ въ процессъ доказательствъ, составляетъ ли разбираемый фактъ большее или меньшее преступленіе.

Бывали даже попытки привлечь къ отвѣтственности присяжныхъ большаго джюри за обвинительные акты (bills of indictment), что, повидимому, одобрялось и высшими судами. По крайней мѣрѣ, когда тотъ же Килингъ предалъ большое джюри Сомерсетширскому суду королевской скамьи за то, что оно въ одномъ обвинительномъ актѣ признало обвиняемаго подлежащимъ суду за неумышленное убійство вмѣсто предумышленного убійства, то королевская скамья оправдала присяжныхъ только потому, что, по мнѣнію судей, «присяжные постановили такое опредѣленіе скорѣе по ошибкѣ, чѣмъ по упорству». Этотъ фактъ, который передъ междоусобной войной прошелъ бы совершенно незамѣченнымъ, теперь обратилъ на себя вниманіе парламента. О поступкѣ Килинга доведено было до свѣдѣнія палаты общинъ, которая признала этотъ поступокъ противоконституціоннымъ. Сначала хотѣли было предать Килинга суду верхняго парламента (to proceed by impeachment); но главный судья съумѣлъ въ палатѣ такъ смягчить свой поступокъ, что она ограничилась лишь слѣдующею резолюціею: «существующій въ судебной практикѣ обычай подвергать присяжныхъ штрафамъ или тюремному заключенію за вердикты, равно какъ прежніе примѣры подобнаго рода, объявляются противозаконными».

Хотя судъ королевской скамьи, повидимому, не протестовалъ противъ образа дѣйствій своего главы въ отношеніи присяжныхъ, но и то ужъ отрадно, что даже въ царствованіе Карла II, замѣчательное, между прочимъ, крайней угодливостью судей правительству, большинство судей порицало злоупотребленія Килинга. Гэль, предсѣдатель суда казначейства, говоритъ, что въ двухъ случаяхъ, когда сообщено было этому суду о наложеніи Килингомъ штрафа на присяжныхъ, онъ, Гэль, согласно съ мнѣніемъ большинства судей, отмѣнилъ приговоръ Килинга. Кромѣ того, по поводу процесса *Уагстаффа*, всѣ судьи высшихъ судовъ, за исключеніемъ одного, признали противозаконнымъ взысканіе съ присяжныхъ штрафа за произнесеніе вердикта, несогласнаго съ наставленіемъ суда. Присяжные, въ числѣ которыхъ находился Уагстаффъ, приговорены были Килингомъ къ штрафу, по 100 марокъ съ cadaго, за то, что отказались признать нѣкоторыхъ лицъ виновными въ устройствѣ сборища (conventicle), запрещеннаго 15-мъ парламентскимъ актомъ царствованія Карла II. Такъ какъ присяжныхъ заключили въ тюрьму впродъ до уплаты пени, то они протестовали на основаніи закона *habeas corpus*. Дѣло разсматривалось въ собраніи всѣхъ судей вестминстерскихъ судовъ, и присяжные были освобождены изъ тюрьмы. Считаемо не лишнимъ привести здѣсь замѣчанія Гэля по поводу этого процесса, въ которыхъ авторъ ясно характеризуетъ различіе между функціями судей и присяжныхъ и указываетъ на

вредныя послѣдствія такого противоконституціоннаго образа дѣйствій, каковъ былъ образъ дѣйствій Килинга.

«Всѣ судьи высшихъ судовъ Англіи (за исключеніемъ одного), говоритъ Гэль, согласились между собой въ томъ, что штрафъ наложенъ былъ на присяжныхъ противозаконо, ибо присяжные — судьи фактовъ дѣла, и хотя Килингъ, мотивируя свой приговоръ о взысканіи пени, говоритъ, что присяжные рѣшили *contra plenam evidentiam et contra directionem curiae in materiâ legis* (вопреки полнымъ доказательствамъ и вопреки наставленію суда относительно юридическихъ пунктовъ дѣла), но это поясненіе главнаго судьи нисколько не оправдываетъ его поступка, ибо никакой юридическій вопросъ не можетъ разсматриваться до тѣхъ поръ, пока факты дѣла не будутъ установлены и признаны за несомнѣнные присяжными, которые суть единственные компетентные судьи фактической стороны процесса. Если судъ удовлетворится тѣмъ, что свидѣтели подтвердили подъ присягой тотъ или другой фактъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что и присяжные должны удовлетвориться подобнымъ показаніемъ. Присяжные имѣютъ право судить какъ о степени достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, такъ и объ истинности самаго факта, о которомъ показываютъ свидѣтели, ибо можетъ случиться, что присяжные знаютъ независимо отъ судебного разбирательства, что того, о чемъ показываютъ свидѣтели, на самомъ дѣлѣ не было, или что свидѣтели по своимъ личнымъ качествамъ не заслуживаютъ никакого довѣрія. Вопросъ о виновности или невинности подсудимаго должна рѣшать единственно совѣсть присяжныхъ. Да и нужно сказать правду, для судьи было бы величайшимъ несчастіемъ, еслибъ онъ долженъ былъ брать на свою отвѣтственность оправданіе или осужденіе обвиняемаго; съ другой стороны, еслибы рѣшеніе фактическихъ вопросовъ дѣла опредѣлялось мнѣніемъ судьи, то судъ присяжныхъ сдѣлался бы бесполезнымъ.

Гэль, хотя прямо и не называетъ законнымъ обычай суда королевской скамьи штрафовать присяжныхъ за вердикты, но тѣмъ не менѣе онъ, повидимому, признаетъ, что упомянутый судъ имѣлъ подобную власть, и основываетъ свое мнѣніе единственно на томъ, что этотъ обычай освѣщенъ прежде бывшими примѣрами. Онъ говоритъ, что точно также поступать и судъ казначейства въ дѣлахъ по преступленіямъ должностн, т. е. налагать на присяжныхъ пеню, если они оправдывали обвиняемаго. Замѣтимъ, что образъ дѣйствія главнаго судьи Килинга представлялъ попытку распространить обычай судебной практики королевской скамьи, о которомъ идетъ рѣчь, и ввести его въ ассизныхъ судахъ, въ уголовномъ судѣ *«of Oyer and Terminer»* и въ низшихъ судахъ. Изъ этого видно, что Килингъ присвоилъ себѣ такую власть, о какой не помышляли ни одинъ изъ его предшественниковъ до реставраціи. Гэль утверждаетъ, что низшіе суды никогда не пользовались правомъ наказывать присяж-

ныхъ за несправедливый, по мнѣнію судей, вердиктъ, и строго порицають попытку Килинга.

Несмотря на вышеприведенную резолюцію палаты общинъ, объявившей противозаконными поступки судей въ отношеніи присяжныхъ, несмотря на торжественное рѣшеніе соединенныхъ вестминстерскихъ судовъ по дѣлу Уагстаффа, обычай штрафовать присяжныхъ не вышелъ совершенно изъ употребленія. Судьи низшихъ судовъ и судьи городскихъ судовъ (recorders) очень охотно примѣняли обычай, признанный незаконнымъ высшими судами, такъ что присяжные только послѣ знаменитаго процесса, Бошеля фактически пріобрѣли право, — принадлежащее имъ по закону, — не подвергаться никакой отвѣтственности за свой вердиктъ.

Процессъ *Бошеля* (Buschell) возникъ изъ дѣла двухъ квакеровъ Пенна и Мида, которые судились въ 1670 г. передъ меромъ и рекордеромъ лондонскаго Сити въ Ольдѣ Бэли по обвиненію въ устройствѣ противозаконнаго сборища на улицѣ. Присяжные, старшиной которыхъ былъ Бошель, одного изъ обвиняемыхъ, Мида, совершенно оправдали, а относительно Пенна произнесли такой вердиктъ: «виновенъ въ томъ, что говорилъ всенародно на улицѣ Graceschurch». Меръ и рекордеръ, послѣ тщетной попытки склонить присяжныхъ къ перемѣнѣ вердикта, отказались дать ему законную силу и отложили разбирательство до слѣдующаго дня. Но и на слѣдующій день присяжные постановили точно такое же рѣшеніе. Тогда судьи, повторивъ присяжнымъ свое наставленіе, отослали ихъ къ новому совѣщанію, и держали ихъ взаперти и безъ пищи въ теченіи сорока часовъ. Выпущенные на третьи сутки присяжные объявили невинными обоихъ подсудимыхъ. Вслѣдствіе чего судъ приговорилъ присяжныхъ къ штрафу по 40 марокъ съ cadaго и велѣлъ содержать ихъ въ тюрьмѣ впредь до уплаты штрафа. Бошель, арестованный по случаю неплатежа этой пени, воспользовался правомъ habeas corpus и подалъ жалобу въ судъ «Common pleas», въ которомъ тогда предсѣдательствовалъ главный судья Вогэнъ. Городскій судъ въ объясненіи своемъ, представленномъ по поводу жалобы Бошеля, отвѣчалъ, что онъ наложилъ на присяжныхъ штрафъ, «потому что они, присяжные, Уильяма Пенна и Уильяма Мида, сужденныхъ за созваніе противозаконнаго сборища и учиненіе уличныхъ безпорядковъ, — «contra legem hujus regni Angliae et contra plenam et manifestam evidentiam, et contra directionem curiae in materia legis.... acquietaverunt in contēplam domini regis nunc, legumque suarum et ad magnum impedimentum et obstructionem justitiae, necnon ad malum exemplum omnium aliorum piratorum in consimili casu delinquentium (вопреки законамъ Англіи, вопреки очевиднымъ доказательствамъ, и вопреки наставленію суда относительно юридическихъ пунктовъ дѣла... оправдали въ виду государя короля и его законовъ, чѣмъ крайне затрудняли правосудіе, равно какъ подавали дурной примѣръ всѣмъ другимъ присяж-

нымъ, которымъ пришлось бы участвовать въ рѣшеніи подобнаго рода дѣлъ).

Вогэнъ въ своемъ знаменитомъ рѣшеніи по этому дѣлу, сначала опровергнувъ объясненіе лондонскаго городского суда съ технической точки зрѣнія, приводитъ, подобно Гэлю, аргументъ, бывший въ то время общепринятой доктриной, именно, что присяжные могутъ, при постановленіи вердикта, руководствоваться частными свѣдѣніями, извѣстными имъ, независимо отъ предъявленныхъ въ судѣ доказательствъ. Затѣмъ онъ разбираетъ вопросъ (который и послѣ Вогэна еще долгое время былъ спорнымъ) о правѣ присяжныхъ произносить общій вердиктъ въ уголовныхъ дѣлахъ, гдѣ такой вердиктъ разрѣшаетъ не только вопросъ о достовѣрности фактовъ, показанныхъ свидѣтелями, но и вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ эти факты могутъ служить, по закону, основаніемъ къ осужденію или оправданію обвиняемаго. Далѣе, ученый судья рассматриваетъ общія начала присяжнаго судопроизводства; его замѣчанія о сущности суда присяжныхъ составляютъ, по выраженію Амоса, «драгоцѣнное пособіе при изученіи этого жизненнаго элемента англійскаго государственнаго строя (The English Constitution in the reign of Charles II, by Amos, p. 278). Въ заключеніе Вогэнъ пришелъ къ тому выводу, что наказаніе присяжныхъ за вердикты, несогласные съ наставленіемъ суда, противорѣчитъ смыслу закона, и потому велѣлъ освободить Бошеля и его товарищей изъ тюрьмы.

Амосъ, рассказывая въ своемъ сочиненіи о процессѣ Бошеля, замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее.

«Процессъ Пенна и Мида, при разбирательствѣ котораго Бошель участвовалъ въ качествѣ присяжнаго, производился въ судѣ лондонскихъ лордъ-мэра и рекордера, слѣдовательно, рѣшеніе суда *«Common pleas»* по дѣлу Бошеля формальнымъ образомъ, *in terminies*, не было обязательно для судовъ королевской скамьи и казначейства и не могло имѣть вліянія на существовавшій въ судебной практикѣ этихъ учреждений обычай налагать штрафъ на присяжныхъ за неправильный, будто бы, вердиктъ. Но тѣмъ не менѣе, послѣ процесса Бошеля, мы не встрѣчаемъ въ исторіи англійскаго судопроизводства ни одного примѣра наказанія присяжныхъ за вердиктъ. Справедливость требуетъ приписать это обстоятельство въ значительной степени процессу Бошеля, въ особенности неопровержимымъ доводамъ Вогэна, которые одинаково примѣнимы ко всякимъ вердиктамъ и ко всякаго рода судамъ».

Несмотря на то, что со времени процесса Бошеля всѣми было признано право присяжныхъ постановлять общій вердиктъ, вопросъ о предѣлахъ власти присяжныхъ въ дѣлахъ о пасквиляхъ подалъ поводъ къ замѣчательному спору между англійскими юристами.

До изданія парламентскаго акта 1792 г. о пасквиляхъ (Libel-Act), судьи обыкновенно доказывали, что въ процессахъ о печати, присяжные

должны рѣшать лишь слѣдующіе пункты: дѣйствительно ли пасквиль, о которомъ идетъ дѣло, изданъ въ свѣтъ, и дѣйствительно ли сочинитель пасквиля имѣлъ ту цѣль, которая приписывается ему обвинителемъ; что же касается того, имѣетъ ли разбираемое сочиненіе преступный характеръ или нѣтъ, то это вопросъ юридическій, который подлежитъ исключительно рѣшенію суда. До помянутаго акта судьи въ своихъ заключительныхъ рѣчахъ по дѣламъ о пасквиляхъ держались такого рода аргументаціи: что во всѣхъ случаяхъ опредѣленіе закона, примѣнимаго къ фактамъ извѣстной категоріи, принадлежитъ судьямъ (какъ напримѣръ, вопросъ о томъ, какого рода факты составляютъ предумышленное убійство); что обязанность присяжныхъ заключается въ рѣшеніи вопроса о томъ, подходитъ или не подходитъ разбираемый случай подъ такую-то категорію фактовъ, т. е., другими словами—въ примѣненіи къ фактамъ, признаннымъ ими за достовѣрные, постановленій закона въ томъ смыслѣ, въ какомъ они истолкованы судьями; что въ этихъ и подобныхъ случаяхъ, если факты, о которыхъ идетъ дѣло, не внесены въ протоколъ (*not appearing on the record*), то вопросъ, подлежащій судебному рѣшенію, становится смѣшаннымъ—полуфактическимъ и полуюридическимъ, и потому присяжнымъ надлежитъ произнести общій вердиктъ; что законъ указываетъ, какого рода сочиненіе слѣдуетъ считать пасквилемъ, подобно тому, какъ опредѣляетъ, какого рода дѣяніе составляетъ предумышленное убійство или кражу; и что такъ какъ въ процессахъ о печати сочиненіе, составляющее предметъ уголовнаго преслѣдованія, изложено въ протоколѣ, то присяжные должны рѣшить только фактическій вопросъ, предоставляя суду опредѣленіе того, есть ли данное сочиненіе пасквиль.

Эта нелѣпая доктрина, устанавливавшая различіе между процессами о пасквиляхъ и процессами о другихъ преступленіяхъ, возникло, какъ кажется, вскорѣ послѣ революціи. По мнѣнію Галлэма, она была введена судьями съ цѣлью обуздать своеволие прессы, которая въ то время только что освободилась изъ-подъ опеки цензуры, отмѣненной актомъ 1693 г.

Хотя доктрина, о которой мы говоримъ, появилась задолго до процесса *Уудфалля*, гдѣ она была примѣнена судьей Мансфильдомъ, но разборъ процессовъ о печати, производившихся до начала царствованія Георга I, показываетъ, что эта доктрина не всегда имѣла перевѣсъ на практикѣ. Такъ что лордъ *Кэмпденъ* и нѣкоторые другіе писатели совершенно вѣрно замѣтили, что ученіе прежнихъ судей о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ въ дѣлахъ о пасквиляхъ, усвоенное, между прочимъ, и лордомъ Мансфильдомъ, противорѣчило обычному праву.

«Послѣ упраздненія звѣздной палаты, говоритъ *Стэрки* (*Starkie, on Libel*), «которая въ процессахъ о пасквиляхъ присвоила себѣ неограниченную власть рѣшать какъ фактическій, такъ и юридическій вопросъ, этого рода процессы, предоставленные вѣдѣнію суда королевской скамьи

должны были рѣшаться конституціоннымъ порядкомъ, т. е. съ участіемъ присяжныхъ; и дѣйствительно, въ теченіи нѣкотораго времени послѣ того никто, повидимому, не сомнѣвался въ томъ, что присяжные имѣютъ право произносить общій вердиктъ въ дѣлѣ о печати, точно также, какъ и во всякомъ другомъ уголовномъ дѣлѣ».

Такъ въ одномъ процессѣ, производившемся въ царствованіе Карла II, объ изданіи пасквиля на представителей правосудія (авторъ сочиненія имѣлъ въ виду доказать несправедливость осужденія извѣстныхъ лицъ по дѣлу объ убійствѣ нѣкоего сэра Эдмондбэри Годфри), предсѣдательствующій судья королевской скамьи заключилъ свою рѣчь къ присяжнымъ слѣдующими словами:

«Я вамъ предоставляю, милостивые государи, рѣшить, на основаніи предъявленныхъ доказательствъ, вопросъ о томъ, виновны ли подсудимые въ намѣреніи оклеветать представителей правосудія».

Въ знаменитомъ процессѣ, извѣстномъ подъ именемъ процесса «семи епископовъ» (case of the Seven Bishops), между судьями возникло разномысліе относительно того, можно ли назвать пасквилемъ петицію семи прелатовъ къ королю, составлявшую предметъ обвиненія; но вопросъ о томъ, составляетъ ли эта петиція возмутительный пасквиль (seditious libel), судьи единогласно предоставили рѣшенію присяжныхъ. Кромѣ того, когда присяжные удалялись въ совѣщательную залу, то имъ дозволено было взять съ собой для соображеній самую петицію. Главный судья Райтъ (Wright), указавъ на достаточность доказательствъ относительно факта обнародованія петиціи, сказалъ: «теперь мы должны разсмотрѣть: имѣетъ ли петиція характеръ пасквиля», и затѣмъ привелъ основанія, по которымъ онъ считалъ петицію пасквилемъ, съ цѣлью такимъ образомъ облегчить присяжнымъ рѣшеніе предложеннаго имъ вопроса. Послѣ Райта говорилъ судья Голлоуэ (Holloway). Изложивъ свое мнѣніе о характерѣ петиціи, онъ заключилъ свою рѣчь къ присяжнымъ словами: «вопросъ о томъ, имѣетъ ли рассматриваемое изданіе свойства пасквиля, надлежитъ рѣшить вамъ, милостивые государи». Затѣмъ произнесъ рѣчь судья Поуэлль (Powell). Объявивъ, что, по его мнѣнію, петиція не можетъ быть названа пасквилемъ, онъ сказалъ присяжнымъ: «но содержаніе ея находится передъ вашими глазами, и потому я предоставляю рѣшеніе дѣла волѣ Божіей и вашей совѣсти».

Подобные случаи, когда судьи предоставляли присяжнымъ рѣшеніе юридическаго вопроса въ процессахъ о пасквиляхъ, встрѣчаются и раньше, даже въ царствованіе королевы Анны. Такъ въ процессѣ нѣкоего Тотчина (Tutchin), судившемся во времена Анны по обвиненію въ сочиненіи пасквиля на правительство, судья лордъ Гольтъ, извѣстный врагъ свободы печати, предоставилъ присяжнымъ рѣшеніе вопроса о томъ, слѣдуетъ ли статью Тотчина считать пасквилемъ. Именно Гольтъ сказалъ

присяжнымъ: «теперь мы должны разсмотрѣть: не скрывается ли въ словахъ, которыя я прочелъ вамъ, намѣренія распространить дурное мнѣніе о дѣйствіяхъ правительства».

Въ сборникѣ процессовъ о печати мы находимъ, однакоже, одно дѣло, которое производилось въ болѣе раннюю эпоху, чѣмъ всѣ вышеприведенныя, и на которое можно указать какъ на антецедентъ обычая, преобладавшаго въ судебной практикѣ непосредственно передъ изданіемъ акта о пасквиляхъ. Дѣло, о которомъ мы говоримъ, относится къ царствованію Елизаветы. Нѣкто Юдаль, пуританскій священникъ, судился на основаніи статута, изданнаго въ это царствованіе, статута, въ силу котораго обнародованіе возмутительнаго пасквиля противъ правительства королевы считалось тягчайшимъ изъ уголовныхъ преступленій (a capital felony). Въ этомъ процессѣ судьи объявили присяжнымъ, что единственный пунктъ, подлежащій ихъ обсужденію—это вопросъ о томъ, есть ли обвиняемый авторъ книги, о которой идетъ дѣло; что же касается того, составляетъ ли разсматриваемое сочиненіе пасквиль въ смыслѣ закона, то это вопросъ юридическій, рѣшеніе котораго принадлежитъ суду. Но такъ какъ Юдаль судился на основаніи особеннаго статута и способъ сужденія его составляетъ, по выраженію Галлэма, позоръ для англійскаго правосудія, то этотъ случай не можетъ уменьшить значенія тѣхъ случаевъ, на которые мы сослались выше.

Доктрина, проповѣдывавшая, что въ дѣлахъ о пасквиляхъ, рѣшеніе вопроса о преступности содержанія даннаго сочиненія, принадлежитъ исключительно суду, вошла въ моду между судьями, повидимому, вскорѣ послѣ вступленія на англійскій престолъ брауншвейгской династіи. Въ процессѣ *Клэрка* (Rex v. Clark), который судился по обвиненію въ изданіи возмутительнаго пасквиля, главный судья *Рэймондъ* (Raymond) сказалъ, что вопросъ о томъ, злонамѣренно ли сочиненіе подсудимаго,—вопросъ несущественный для присяжныхъ. Доктрина, высказанная въ этомъ случаѣ, еще весьма неопредѣленно, была провозглашена впоследствии тѣмъ же самымъ судьей въ формѣ непреложнаго закона. Именно въ процессѣ нѣкоего Франклина, сужденнаго по обвиненію въ напечатаніи въ газетѣ «*Craftsman*» статьи противъ короля и его правительства, тотъ же самый лордъ Рэймондъ уже прямо объявилъ въ своей заключительной рѣчи, что вопросъ о томъ, можно ли подлежащую статью признать пасквилемъ, «подлежитъ рѣшенію суда, а не присяжныхъ, потому что это вопросъ юридическій, а не фактический, слѣдовательно такой вопросъ, рѣшать который вправѣ только судьи».

Просматривая сборникъ дѣлъ о печати, производившихся въ промежутокъ времени между рѣшеніемъ дѣла о Франклинѣ и появленіемъ на сцену лорда Мансфильда, мы видимъ, что доктрина, первоначально возникшая въ судѣ королевской скамьи, мало по малу распространилась

повсемѣстно въ судебной практикѣ. Въ доказательство сошлемся на заключительную рѣчь главнаго судьи *Ли* (Lee) въ процессѣ *Оуэна*, и на рѣчь судьи *Райдера* (Ryder) въ процессѣ *Нотта*. Судья Мансфильдъ говорить, что въ процессѣ *Шеббира* (Shebbeare) онъ далъ присяжнымъ подобное же наставленіе, и прибавляетъ, что ни одинъ адвокатъ никогда не протестовалъ противъ такого рода наставленія. Но мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что если адвокаты не вооружались противъ этой доктрины въ теченіи долгаго періода времени, то это еще не значитъ, чтобы всѣ они соглашались съ ней. Напримѣръ, лордъ *Кэмпденъ*, во время преній въ парламентѣ по поводу предложеннаго Фоксомъ билля о пасквиляхъ, сказалъ, между прочимъ, что въ процессѣ Шеббира, — о которомъ мы сейчасъ упомянули и въ которомъ Кэмпденъ игралъ роль обвинителя, въ качествѣ генеральнаго атторнея, — онъ, начиная судебное преслѣдованіе противъ Шеббира, рѣшился настоять на томъ, чтобы присяжные разсмотрѣли и рѣшили весь предметъ обвиненія. «При этомъ» — прибавляетъ Кэмпденъ — «я такъ мало цѣнилъ авторитетъ судей, что, разбирая характеръ сочиненія подсудимаго, я повернулся спиной къ судьямъ и во все продолженіе моей рѣчи постоянно обращался къ ложѣ присяжныхъ».

Кромѣ того, нужно замѣтить, что и сами присяжные иногда явно пренебрегали правиломъ, которое имъ навязывали судьи. Лучшее всего это доказываетъ поведеніе присяжныхъ въ процессѣ *Оуэна*, на который мы указали выше. Въ этомъ процессѣ главный судья *Ли* объявилъ въ своей рѣчи, что, по его мнѣнію, присяжные должны признать подсудимаго виновнымъ; ибо фактъ обнародованія книги доказанъ несомнѣнно, а въ такомъ случаѣ присяжные не могутъ не признать подсудимаго виновнымъ. Но присяжные, несмотря на то, произнесли оправдательный вердиктъ. Тогда, по желанію генеральнаго атторнея, имъ предложенъ былъ слѣдующій вопросъ: «развѣ вы находите недостаточнымъ предъявленное вамъ доказательство того, что Оуэнъ обнародовалъ свою книгу, продавая ее?» Старшина присяжныхъ, не отвѣчая на этотъ вопросъ, повторилъ: «не виновенъ», а нѣкоторые изъ присяжныхъ прибавили: «таковъ нашъ приговоръ, и мы остаемся при немъ». Такимъ образомъ присяжные настояли на томъ, что они имѣютъ право постановить общій вердиктъ вопреки наставленію судьи.

Такова была доктрина, установленная судьями и не встрѣчавшая сопротивленія со стороны адвокатовъ до 1770 г., когда ее впервые стали оспаривать, по поводу процесса *Уудфалли*, который вмѣстѣ съ другимъ, слѣдовавшимъ за нимъ процессомъ декана церкви св. Азафа, замѣчательны въ томъ отношеніи, что они проложили путь къ отмѣнѣ этой незаконной юрисдикціи, присвоенной судьями въ дѣлахъ о пасквиляхъ. *Уудфалль* судился за изданіе въ свѣтъ письма *Джюніуса* (Junius), въ которомъ генеральный атторней видѣлъ пасквиль на правитель-

ство. Предсѣдательствующій судья королевской скамьи Мансфильдъ сказалъ въ своей заключительной рѣчи, что присяжные должны обсудить только два пункта: во-первыхъ, дѣйствительно ли Уудфалль напечаталъ и обнародовалъ брошюру, о которой идетъ дѣло; и во вторыхъ, дѣйствительно ли брошюра имѣетъ тотъ смыслъ и ту цѣль, какія приписываются ей обвинителемъ. Что же касается того, прибавилъ судья, имѣетъ ли письмо Джюніоса возмутительный характеръ, то это вопросъ чисто юридическій, который не подлежитъ рѣшенію присяжныхъ; и если письмо не заключаетъ въ себѣ ничего преступнаго, то ихъ обвинительный вердиктъ не будетъ имѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій для подсудимаго. Присяжные произнесли такой вердиктъ: «подсудимый виновенъ въ напечатаніи и обнародованіи сочиненія, составляющаго предметъ обвиненія». Вслѣдствіе этого дѣло перенесено было на разсмотрѣніе всѣхъ членовъ суда королевской скамьи. Адвокатъ подсудимаго протестовалъ противъ наставленія, которое Мансфильдъ далъ присяжнымъ. Но Мансфильдъ отвѣтилъ на этотъ протестъ, что вопросъ о томъ, можно ли считать подлежащее сочиненіе пасквилемъ, есть вопросъ юридическій, и что онъ, Мансфильдъ, счелъ непремѣннымъ долгомъ объяснить это обстоятельство присяжнымъ подобно тому, какъ поступалъ въ каждомъ процессѣ такого рода. Остальные судьи королевской скамьи одобрили образъ дѣйствія своего предсѣдателя, и въ такомъ смыслѣ постановили рѣшеніе. Это рѣшеніе подало поводъ къ ожесточенному спору между легистами и государственными людьми. Лордъ Кэмпденъ доказывалъ, что доктрина лорда Мансфильда противорѣчитъ обычному праву, что вопросъ о томъ, составляетъ ли извѣстное сочиненіе пасквиль или нѣтъ, подлежитъ обсужденію присяжныхъ, что въ процессахъ о печати присяжные должны постановлять вердиктъ обо всемъ предметѣ дѣла. Между тѣмъ предсѣдатель королевской скамьи защищалъ рѣшеніе своего суда. Но въ этой фазѣ своего развитія споръ имѣетъ скорѣе политическій, чѣмъ юридическій характеръ, такъ какъ онъ перенесенъ былъ изъ области судовъ въ парламентъ и прессу.

Въ 1783 г., черезъ тринадцать лѣтъ послѣ рѣшенія дѣла Уудфалля, производился знаменитый процессъ доктора *Шипли* (Shipley), декана церкви св. Азафа. Докторъ Шипли судился за изданіе памфлета сэра Уильяма *Джонса* (Jones) о парламентской реформѣ, имѣвшаго будто бы характеръ возмутительнаго пасквиля противъ короля и правительства. Коронный адвокатъ утверждалъ, что если присяжные убѣдятся, что памфлетъ обнародованъ по волѣ подсудимаго, и что авторъ памфлета имѣлъ то намѣреніе, какое приписывается ему въ обвинительномъ актѣ, то они (присяжные) обязаны объявить подсудимаго виновнымъ. *Эрскинъ* (Erskine), защитникъ подсудимаго, смѣло напалъ на доктрину, придуманную судьями и выдаваемую ими за обязательный законъ. Онъ доказы-

валъ, что присяжные имѣютъ и право и вопросъ о томъ, власть рѣшать представляетъ ли извѣстное сочиненіе пасквиль по опредѣленію закона. Но судья *Буллеръ* (Buller), передъ которымъ разбиралось дѣло Шипли, отвергъ всѣ доводы Эрскина какъ неосновательные, и объявилъ, что въ области уголовного права нѣтъ ни одного правила, установленнаго на болѣе прочныхъ началахъ, чѣмъ правило, предоставляющее рѣшенію суда вопросъ о преступности даннаго сочиненія. Затѣмъ судья, сказавъ, что онъ не беретъ на себя рѣшеніе вопроса о характерѣ подлежащей книги, а предоставляетъ это суду, заключилъ свою рѣчь къ присяжнымъ слѣдующими словами: «если вы достаточно убѣждены въ томъ, что подсудимый издалъ этотъ памфлетъ, и что авторъ послѣдняго дѣйствительно имѣлъ въ виду ту цѣль, какая приписывается ему обвинителемъ, то вы, по закону, обязаны признать подсудимаго виновнымъ». Присяжные постановили такой вердиктъ: «виновенъ въ обнародованіи памфлета; но что касается того, составляетъ ли этотъ памфлетъ пасквиль, то мы оставляемъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ». Эрскинъ подалъ жалобу въ судъ королевской скамьи, прося отменить вердиктъ по причинѣ неправильнаго наставленія, даннаго судьей присяжнымъ, и получилъ разрѣшеніе доказать почему въ настоящемъ случаѣ дѣло не должно подвергаться новому производству.

Въ цѣломъ рядѣ рѣчей, замѣчательныхъ по своему краснорѣчію и непобѣдимой логикѣ, Эрскинъ опровергалъ ученіе, устанавливавшее различіе между дѣлами о печати и дѣлами о другихъ правонарушеніяхъ, и доказывалъ, что присяжные имѣютъ не только власть, но и конституционное право рѣшать вопросъ о характерѣ сочиненія, составляющаго предметъ обвиненія. Послѣ торжественныхъ преній, судъ королевской скамьи призналъ, что въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть начатъ новый процессъ. Но предсѣдатель, лордъ Мансфильдъ, объявляя рѣшеніе суда, сказалъ, что правило, примѣненное имъ въ дѣлѣ Уудфалля, сохраняетъ полную силу, и что наставленіе, сообщенное присяжнымъ судьей Буллеромъ, было согласно съ обычаемъ судебной практики, общепринятымъ со временъ революціи.

Разсказывая о рѣшеніяхъ Мансфильда по дѣламъ Уудфалля и д-ра Шипли, лордъ *Кэмпбелль* (Campbell) замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Мнѣ кажется, что доктрина, проповѣдуемая Мансфильдомъ, противна какъ законамъ страны, такъ и свободѣ гражданъ. Главный доводъ, приводимый Мансфильдомъ въ защиту этого ученія, заключается въ томъ, что подсудимый имѣетъ право представить возраженіе (demur) относительно юридической стороны обвиненія, или просить о приостановленіи исполненія приговора (move in arrest of judgement) и перенести дѣло на разсмотрѣніе общаго собранія судей королевской скамьи. Но этотъ доводъ очень легко опровергнуть. Генеральный атторней можетъ предать извѣст-

ное лицо суду за такое сочинение, издание которого ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть преступнымъ, или издание которого можетъ быть или не быть преступнымъ смотря потому, какое намѣреніе имѣлъ авторъ, и при какихъ обстоятельствахъ издано сочинение. И потому, если мы даже предположимъ, что должность судьи всегда будутъ отправлять люди вполне безпристрастные и просвѣщенные, то и въ такомъ случаѣ интересы правосудія не позволяютъ предоставить судьямъ рѣшеніе вопроса о преступности или невинности даннаго сочиненія, который они будутъ рѣшать какъ чисто отвлеченный юридическій вопросъ, посредствомъ чтенія протокола, содержащаго тѣ мѣста сочиненія, которыя составляютъ предметъ обвиненія.

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые легисты, пользующіеся авторитетомъ, одобрили правило, провозглашенное Мансфильдомъ, который руководствуясь этимъ правиломъ, не только слѣдовалъ примѣру своихъ непосредственныхъ предшественниковъ, но и имѣлъ за собою единодушное согласіе своихъ товарищей — судей королевской скамьи.

Случаи, на которые ссылается Мансфильдъ въ своихъ рѣшеніяхъ, дѣйствительно доказываютъ, что обычай судебной практики королевской скамьи, о которомъ идетъ рѣчь, со временъ революціи распространился и въ другихъ судахъ. Но съ другой стороны случаи, приведенные нами выше, доказываютъ справедливость вывода, къ которому пришли лордъ Кэмпденъ и Эрскинъ, — именно, что этотъ обычай представлялъ нововведеніе, противное обычному праву. Можно было ожидать, что рѣшенія Мансфильда увѣковѣчатъ пагубную доктрину, на основаніи которой судьи присвоивали себѣ рѣшеніе вопроса о характерѣ сочиненія въ процессахъ о печати. *Kenyon* (Кенуон), непосредственный преемникъ Мансфильда, тоже руководствовался этимъ правиломъ, и никто не протестовалъ противъ его образа дѣйствія. Адвокаты, повидимому, согласились съ рѣшеніемъ предсѣдателя королевской скамьи, но общественное мнѣніе стало опасаться вредныхъ послѣдствій этого рѣшенія для свободы печати. Это настроеніе общественнаго мнѣнія породило знаменитый актъ 1792 г. о пасквиляхъ, который опредѣлилъ права присяжныхъ и обязанности судей въ процессахъ о печати. Палата лордовъ по поводу билля Фокса обращалась за совѣтомъ ко всѣмъ судьямъ королевства, и всѣ они единогласно отвѣчали, что предлагаемый проектъ закона находится въ прямомъ противорѣчій съ обычнымъ правомъ; но, не смотря на то, взглядъ Эрскина восторжествовалъ и былъ принятъ законодательной властью. Актъ 1792 г., изданный въ видѣ дополненія къ существующимъ узаконеніямъ (*declaratory Act*), постановилъ: «во всякомъ процессѣ о печати присяжные имѣютъ право произносить общій вердиктъ о винѣ или невинности подсудимаго, и предсѣдательствующій судья не долженъ требовать отъ нихъ или внушать имъ, чтобъ они признавали подсудимаго

виновнымъ единственно на основаніи того, что онъ издалъ сочиненіе, составляющее предметъ обвиненія, и что это сочиненіе имѣетъ тотъ смыслъ, какой приписывается ему обвинителемъ».

Нѣкоторые легисты утверждали, что статутъ 1792 г. не превратилъ вопроса о характерѣ даннаго сочиненія въ вопросъ фактическій. Они говорятъ, что этотъ статутъ изданъ въ видѣ дополненія къ существующимъ постановленіямъ, съ цѣлью ввести въ процессахъ о печати тотъ же самый порядокъ судопроизводства, какой употребляется во всѣхъ другихъ уголовныхъ дѣлахъ; что же касается возникающаго въ дѣлахъ о печати вопроса о томъ, можно ли извѣстное сочиненіе признать пасквилемъ, то этотъ вопросъ по прежнему остается вопросомъ юридическимъ, и потому присяжные обязаны передъ своею совѣстью объявить подсудимаго виновнымъ, коль скоро судья говоритъ имъ, что сочиненіе, составляющее предметъ обвиненія, имѣетъ преступный характеръ. Неосновательность подобныхъ мнѣній очевидна для всякаго, кто просматривалъ сборникъ процессовъ о печати, производившихся со времени изданія акта 1792 г., и кто хоть сколько нибудь знакомъ съ теперешней судебной практикой. Статутъ о пасквиляхъ произвелъ коренное измѣненіе въ судебной практикѣ, господствовавшей во времена Мансфильда, такъ какъ онъ даетъ присяжнымъ право разсматривать вопросъ о томъ, имѣетъ ли сочиненіе, составляющее предметъ судебного преслѣдованія, преступное направленіе,—вопросъ, рѣшеніе котораго, по теоріи Мансфильда, предоставлялось короннымъ судьямъ.

Въ настоящее время у присяжныхъ всегда спрашиваютъ о томъ, имѣетъ ли сочиненіе, о которомъ идетъ дѣло, характеръ пасквиля. «Ибо актъ 1792 г.», говоритъ Галлэмъ, «безъ всякаго сомнѣнія, изданъ съ цѣлью придать вопросу о намѣреніи лица, обвиняемаго въ обнародованіи пасквиля, значеніе фактическаго вопроса, подлежащаго обсужденію и рѣшенію присяжныхъ». Измѣненіе, какое произвелъ этотъ важный статутъ въ англійскомъ законодательствѣ, весьма ясно указано лордомъ Кемпбеллемъ.

«Рѣшеніе по дѣлу декана церкви св. Азафа—говоритъ Кемпбелль,—повело къ ниспроверженію доктрины, доказывавшей власть судей рѣшать вопросъ о характерѣ даннаго сочиненія, и къ поставленію свободы печати подъ охрану присяжныхъ. Опасеніе общественнаго мнѣнія касательно вредныхъ послѣдствій рѣшенія Мансфильда вызвало къ жизни билль Фокса, опредѣлившій права присяжныхъ».

Въ другомъ своемъ трудѣ (The life of lord Camden) Кемпбелль замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Теперь мы имѣемъ превосходное опредѣленіе пасквиля. Пасквиль—это сочиненіе, признанное зловреднымъ двѣнадцатью честными, независимыми и разсудительными гражданами».